

И. ФРИДРИХ

КРАТКАЯ
ГРАММАТИКА
ХЕТТСКОГО
ЯЗЫКА

И. ФРИДРИХ

КРАТКАЯ ГРАММАТИКА ХЕТТСКОГО ЯЗЫКА

*Перевод с немецкого
и вступительная статья*
А. В. ДЕСНИЦКОЙ

Под редакцией
акад. В. В. СТРУВЕ

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1952

HETHITISCHES ELEMENTARBUCH

VON

JOHANNES FRIEDRICH

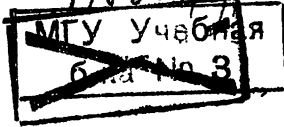
ERSTER TEIL

KURZGEFASSTE GRAMMATIK

Heidelberg

1940

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

им. Герасимова
МГУ

О ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХЕТТСКОГО ВОПРОСА

Трудно переоценить значение, которое имеют для истории древнего Востока, а также для языкознания открытие и дешифровка памятников на малоазийских языках II тысячелетия до н. э., в особенности многочисленных текстов на так называемом хеттском языке.

Пристальный интерес к историческим судьбам древней Малой Азии естественно вызывался в науке теми сведениями, которые в египетских источниках второй половины II тысячелетия до н. э. (восемнадцатая-девятнадцатая династии) сообщались относительно могучего государства Хета, расположенного на север от Египта. С этим государством Египет долгое время боролся за господство в Сирии. Историческое сражение при Кадеше (1312 г.) и последующее заключение договора о дружбе между Египтом и хеттским царством (1295 г.) говорят о большой роли, которую играло хеттское государственное образование в этот период истории древнего мира. Вавилонские и ассирийские хроники также повествуют о могущественном народе хатти в восточной Малой Азии, который в стремительном набеге (около 1600 г. до н. э.¹) захватил столицу южного Междуречья, город Вавилон, и на протяжении II тысячелетия, вплоть до гибели хеттского государства около 1200 г., являлся одной из ведущих сил на Переднем Востоке.

В библии также содержится ряд упоминаний о хеттах (Hittim) в северной Сирии.

Однако все эти сведения носили отрывочный характер и не давали возможности проникнуть в глубь „хеттского вопроса“, который, как указывал в 1900 г. крупнейший историк древнего Востока Б. А. Тураев, в течение длительного времени оставался

¹ Хронология основных событий истории хеттского царства устанавливается исключительно путем сопоставления с показаниями синхронных египетских и ассиро-вавилонских источников. В настоящей статье хронологические даты приводятся согласно указаниям акад. В. В. Струве. Новейшие данные по истории Вавилона дают возможность несколько приблизить период так называемого „древнего хеттского царства“.

„схух'ом и неразрешимой задачей для ориенталистов“, в равной мере интересую „и египтологов, и ассириологов, и лингвистов, и историков, и изучающих „Ветхий Завет“, а также исследователей классической древности, арменистов и ученых, занимающихся иранскими культурами“¹.

Вследствие отсутствия достаточных конкретных исторических сведений понятие „хеттов“ долго оставалось неясным и неопределенным, распространяясь на все племена и народности, населявшие в древности Малую Азию, обширные области верхнего течения рек Тигра и Евфрата, а также Армению. Так, например, Б. А. Тураев в 1903 г. писал, что имя „хетты“ „в настоящее время сделалось условным обозначением всей северной группы — обитателей первобытной Армении (Ванского царства или Урарту), киликийцев и др. Этнографическое место хеттов среди других народов пока не может быть определено“². Но тут же отмечалось, что „родиной хеттов следует считать Каппадокию, где находятся древнейшие памятники их культуры и религии (в Эюке и Богазкёе)“³. Далее, Б. А. Тураев указывал, что вряд ли обширная область от Егейского моря до Кархемиша „была заселена в древности единым народом; вернее всего, что западная часть Малой Азии усвоила себе хеттскую культуру. Во всяком случае, даже в области, несомненно занятой народами хеттской расы, различались диалекты (хеттский собственно, митанни, ванский, арцапи и др.)“⁴. В заключение, характеризуя состояние изучения хеттского вопроса к началу XX в., Б. А. Тураев в следующих словах определял задачи и перспективы исследований в этой области: „До сих пор области хеттской культуры в археологическом отношении не были исследованы систематически; раскопки почти не производились, довольствовались только лежащим на поверхности земли. Можно надеяться, что более энергичные изыскания, в связи с приобретением для науки туземной письменности хеттов, дадут возможность определить роль этого интересного народа в истории человеческой культуры. Что она была не мала, можно судить уже а priori из положения хеттов, связывавшего древний культурный мир с западом и через Кавказ — с севером“⁵.

Последующие научные открытия блестяще подтвердили этот прогноз.

¹ Б. А. Тураев, К истории хеттского вопроса, Петербург, 1900, стр. 1 (отдельный оттиск из т. XII „Записок Русского археологического общества“).

² Б. А. Тураев, статья „Хетты“ в Энциклопедическом словаре, изд. Brockhaus и Efron, т. XXXVII, стр. 181.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 183.

⁵ Там же, стр. 186—187.

Естественно, что интересы историков древнего мира были уже с конца XIX в. направлены на разыскание письменных памятников самого хеттского народа. Загадочные иероглифические надписи монументального характера, обнаруживаемые в большом числе на древних памятниках северной Сирии и восточной части Малой Азии, с давних пор привлекали к себе внимание путешественников и исследователей и в течение долгого времени казались единственным наследием письменности хеттского народа¹. Однако, как выяснилось в дальнейшем, основная масса этих памятников относится не к периоду существования во II тысячелетии могучего хеттского царства, а сохранилась от небольших государств, сложившихся на обломках этого царства на юго-востоке Малой Азии и в северной Сирии и сохранявших полусамостоятельное положение до VIII в., когда они были окончательно поглощены Ассирией. Дешифруемая до сих пор еще с большим трудом так называемая хеттская иероглифическая письменность не оправдала тех надежд, которые возлагались на нее историками древнего мира, до открытия клинописных текстов, позволивших разрешить загадку хеттского вопроса.

Обнаружение в египетском архиве из Тель Амарна двух клинописных документов на ранее не известном языке, свидетельствующих о переписке египетского двора с малоазийской страной Арзава, и попытки их дешифровки и лингвистического определения явились первым шагом к изучению хеттской клинописи.

Однако подлинная база для научной постановки хеттской проблемы была создана лишь в результате раскопок, проведенных археологической экспедицией Г. Винклера и Макриди-Бея в период 1906—1912 гг. в районе деревни Богазкёй (150 километров к востоку от Анкары). Раскопки обнаружили остатки разрушенной и сожженной неприятелем столицы хеттского царства, города Хаттуш. В числе многочисленных археологических памятников самой замечательной находкой явились остатки архива хеттских царей. Было найдено около 13 000 целых и разбитых глиняных таблечек с клинописными текстами. Последующие раскопки добавили к этому числу еще свыше 3 000 таблечек.

Этот богатейший архив, получивший в науке название богазкёйского, составляет основу для изучения языков малоазийских народов II тысячелетия до н. э., а также их истории.

Небольшая часть богазкёйских таблечек (около 300) была составлена на аккадском языке, игравшем большую роль в эту эпоху как язык деловой переписки для всей Передней Азии.

¹ Б. А. Тураев, К истории хеттского вопроса, 1900.

Эти тексты оказались непосредственно доступными для прочтения их ассириологами.

Что касается основной массы текстов богазкёйского архива, то они были написаны также аккадской клинописью, но на неизвестном языке (на том же, что и обнаруженные ранее в Тель-Амарна два так называемых арзавских письма). Этот язык, видимо, принадлежавший господствующей народности царства Хатти во II тысячелетии, сразу получил в науке наименование „хеттского“. Кроме подавляющей массы хеттских текстов, в богазкёйском архиве были обнаружены впоследствии отрывки текстов на других языках — на так называемом хаттском или „протохаттском“, хуррийском, лувийском и палайском.

Несмотря на то что написанные аккадской клинописью хеттские тексты с самого начала давали возможность фонетического чтения и, кроме того, изобиловали шумерскими идеограммами и многочисленными аккадскими словами и словосочетаниями, дешифровка этих текстов, составленных на языке, который явно не имел ничего общего ни с аккадским, ни с шумерским, представляла значительную трудность. Эту задачу блестяще разрешил чешский ученый Б. Грозный уже в 1915 г. В 1917 г. в большом труде „Язык хеттов“¹ он подтвердил результаты своих исследований.

„В этой работе,— пишет Б. Грозный,— мне удалось — как это в настоящее время признано всеми специалистами — разрешить загадку хеттского языка, составить его первую грамматику и неожиданно для всех, констатировать индоевропейский характер его строения“².

Изучение многочисленных и разнообразных по содержанию хеттских клинописных текстов, найденных в богазкёйском архиве, дало возможность перейти в трактовке хеттского вопроса от гипотез и преждевременных, недостаточно обоснованных на конкретных фактах выводов к исследованию таких ценных первоисточников, как исторические хроники хеттского царства, документы юридического и бытового характера и др. Языковые отношения древней Малой Азии также приобрели несравненно более ясные очертания по сравнению с тем, еще недавним

¹ B. Hrozný, Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm, Leipzig, 1917.

² Б. Грозный, Хеттские народы и языки, „Вестник древней истории“, № 2 (3), М., 1938, стр. 23. Подробнее о дешифровке и истории изучения хеттских текстов см. указанную выше статью Б. Грозного, а также статьи А. А. Фреймана, Хеттский язык в его отношении к индоевропейским, „Изв. отд. лит. и яз. АН СССР“, № 3, 1947, и М. Я. Немировского, Хеттский язык как проблема индоевропейской, кавказской и общей лингвистики, „Сборник науч. общ. этнографии, языка и литературы при Горском пед. институте“, I, Владикавказ, 1929.

прошлым, когда лингвистика оперировала исключительно крайне неопределенными и туманными понятиями „азианических“, „субарейских“, „хеттских“ (в широком смысле слова, т. е. без должного уточнения этого термина) и тому подобных языков.

2. ЯЗЫКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ БОГАЗКЕЙСКОГО АРХИВА

За период, истекший со времени открытия Б. Грозного, изучение хеттского языка продвинулось очень далеко благодаря трудам как самого Грозного, так и ряда других ученых. Установленная Грозным принадлежность хеттского языка к индоевропейской группе (семье) языков давно уже не вызывает сомнений. Более того, использование метода исторического сравнения с родственными языками позволило глубже и полнее изучить хеттскую языковую структуру. Богатство и разнообразие текстов (которые в настоящее время еще далеко не все опубликованы) дают широкие возможности для всестороннего исследования хеттского языка во всех его аспектах.

Как уже было упомянуто выше, в ходе изучения богазкейских текстов обнаружили материалы также по языкам других народов древней Малой Азии. В хеттские тексты оказались включенными кое-где небольшие отрывки на совершенно не родственном хеттскому, притом явно не индоевропейском языке, который сами хетты называли „хаттским“ (*ḫattili*, по имени самой страны Хатти; ср. также название ее столицы Хаттуш). Свой же язык хетты называли „несийским“ (*nāšili* и *nešumnil*), как предполагает Б. Грозный — по имени древнейшего центра хеттского царства, города Неса. В то же время характерно, что самих себя хетты называли „людьми страны Хатти“.

Отсюда следует весьма существенный вывод, что наиболее древнее население Малой Азии составляли племена, говорившие на неиндоевропейских языках, одним из которых являлся хаттский, или „протохаттский“ язык. Народность, стоявшая во главе хеттского государственного образования о II тысячелетии до н. э., не являлась для Малой Азии коренной, исконной, о чем говорит принадлежность ее языка к индоевропейской лингвистической группе.

Однако экономические, политические и культурные связи хеттской народности с коренными племенами и народностями Малой Азии были, несомненно, очень сильны. Сложившаяся во II тысячелетии хеттская государственность унаследовала вместе с именем страны Хатти традиции экономического и культурного развития древнейшего населения этой области.

Многие исследователи полагают, что в эпоху, к которой относится основная масса хеттских клинописных текстов

(XIV — XIII вв.), хаттский язык уже исчез из обращения и употреблялся лишь при религиозных обрядах, став мертвым и мало доступным для понимания. В настоящее время еще трудно определить, в какой степени и когда этот язык древнейшего населения страны подвергся ассимиляции индоевропейскому языку господствовавшей в хеттском государстве народности. Возможно, что на протяжении II тысячелетия он еще сохранялся в некоторых районах страны, хотя в опубликованных текстах упоминаний об этом нет, и термином „человек страны Хатти“ обозначалась принадлежность к сложившейся на территории Каппадокии народности, говорившей на хеттском (несийском) языке.

Характерно, что отрывки на хаттском языке имеют ритуальный характер (молитвы, заклинания) и включены в тексты религиозного содержания, составленные на хеттском (несийском) языке. Это указывает на непосредственную зависимость религиозных представлений хеттов от верований древнего населения страны.

Не приходится сомневаться в том, что словарный состав хеттского (несийского) языка должен был обогатиться в свое время значительным количеством заимствований из хаттского, а возможно и из других неиндоевропейских языков Малой Азии и Переднего Востока. В пользу такого предположения говорит наличие в хеттском языке довольно большого числа слов, не имеющих индоевропейских этимологий.

Таким образом, мы видим, что собственно „хеттским“ (или „хаттским“) языком исторически являлся не тот язык, за которым закрепила это название сложившаяся научная традиция, а неиндоевропейский язык древнейшего населения страны Хатти, от которого сохранились немногочисленные и до сих пор еще слабо изученные памятники. Однако попытка ввести в научный оборот термин „несийский язык“ взамен термина „хеттский“ не увенчалась успехом. На протяжении свыше трех десятков лет название „хеттский“ твердо закрепилось за принадлежащим к индоевропейской лингвистической группе языком богазкёйского клинописного архива, являвшимся языком господствовавшей в хеттском государстве II тысячелетия до н. э. народности. Для обозначения же языка древних хаттов используются термины „хаттский“ или „протохаттский“ язык.

В лингвистическом отношении „протохаттский“ язык обнаруживает своеобразную структуру, напоминающую структуру языков Кавказа. Характерной для него чертой являлось наличие префиксальной флексии. Так, например, формы множественного числа существительных получали особый префикс *le-*; формы прилагательных также различались с помощью специальных префиксов, возможно аналогичных так называемым „классным пре-

фиксам“ в некоторых северокавказских языках. Обращает на себя внимание нагромождение префиксов при образовании глагольных форм.

Изучение „протохеттского“ языка представляет значительные трудности и сравнительно мало продвинулось вперед. В языкознании уже не раз выдвигалось предположение о возможности существования генетического родства между этим древним языком и языками Кавказа. Такое предположение является исторически весьма вероятным. Но для того чтобы оно превратилось в твердо установленное научное положение, конечно, недостаточно внешнего сопоставления типов грамматического строения, а необходимо тщательное и углубленное сравнительно-историческое исследование на основе конкретных лингвистических фактов. Это может быть достигнуто лишь тогда, когда изучением этой проблемы непосредственно займутся специалисты по иберийско-кавказским языкам.

Исследования в этой области имеют большое значение для изучения древней истории народов Кавказа и Закавказья. Историческая наука устанавливает преемственную связь культур этих народов с древними культурами Передней Азии. Лингвистическое обоснование генетического родства иберийско-кавказских языков с языками древнейшего населения Малой Азии и прилегающих областей позволит полнее и глубже осветить историческое прошлое народов Кавказа и Закавказья. Богазкёйский архив хеттского царства содержит ценные материалы для изучения этой проблемы.

Не менее интересны в этом отношении также и содержащиеся в архиве отрывки текстов, отдельные слова и словосочетания на хуррийском языке, составляющие существенное дополнение к найденному в Тель Амарна (Египет) письму митаннийского царя Тушратты (около 1400 г. до н. э.), материалам из Рас Шамра (Сирия) и другим памятникам этого языка. Хуррийские племена, населявшие обширные области верхнего течения Тигра и Евфрата и область озера Ван, играли большую роль в истории Передней Азии во II тысячелетии до н. э. В середине II тысячелетия хуррийское государство Митанни составляло одну из ведущих сил в экономической и политической жизни народов ближнего Востока¹.

¹ Несомненный интерес представляет засвидетельствованное языковыми фактами наличие в митаннийском государстве индоиранского (или собственно индийского) этнического элемента. Об этом говорят некоторые из сохранившихся хуррийских имен собственных, имеющие явно выраженный индоиранский характер (Parsašatta, Artatama, Artasuwara, Tušratta, Mattiwaza, Wasašatta, Sauššatar, Sutarra и др.; см. A. Götz e, *Hethiter, Churriter und Assyrer*, Oslo, 1936, стр. 33). Характерно, что при заключении договоров митаннийские цари призывали в качестве свидетелей богов Митру, Варуна, Индру и Насатиев, при-

Хуррийский язык, так же как и „протохаттский“, не принадлежал ни к индоевропейской, ни к семитской лингвистической группе. Родственным хуррийскому признается урартский язык, сохранившийся в надписях IX—VI вв. до н. э. Генетическая связь хуррийского и урартского языков исторически вполне понятна, так как государство Урарту возникло в IX в. до н. э., видимо, в результате консолидации хуррийских племен на территории позднейшей Армении. Историческое изучение хуррийского и урартского языков, исследование их связей (возможно генетических) с иберийско-кавказскими языками, а также с „протохаттским“ — все это представляет целый комплекс проблем, существенно важных для исследования древнейшей истории народов Закавказья и Передней Азии.

Культура хеттского царства развивалась в тесном взаимодействии с хуррийской и, вероятно, под сильным ее влиянием. Существует мнение о том, что система аккадской клинописи была заимствована хеттами через посредство хуррийцев. Связи с хуррийцами сказались в развитии материальной культуры, искусства, а также религиозных верований хеттов (помимо экономических и культурных традиций, непосредственно унаследованных ими от древних хаттов).

Словарный состав хеттского языка, повидимому, включил немало заимствований из хуррийского. Вопрос этот еще недостаточно изучен, но исследование его представляет большой интерес не только с точки зрения хеттологии. Для изучения культурного взаимодействия древних народов Передней Азии и Закавказья лексические связи хеттского языка с хуррийским, позднейшей формой развития которого, повидимому, явился так называемый „халдский“ язык государства Урарту, имеют существенное значение.

Помимо „протохаттских“ и хуррийских, в богазкёйском архиве представлены также материалы еще по двум, не известным ранее языкам.

надлежащих к древнеиндийскому пантеону. Наконец, о существовании индоиранского (или, вернее, индийского) этнического элемента в государстве Миттани говорит наличие в составленном миттанийцем Киккули хеттском трактате о коневодстве целого ряда специальных технических терминов, прошедших, несомненно, из древнеиндийского языка, например aikavartanna „один поворот“ (ср. др.-инд. ека „один“ и vartanam „поворот“), panzavartanna „поворот пять раз“ (ср. др.-инд. пайса „пять“) и др.

Вопрос о том, когда и какими путями этот этнический элемент проник в северную Месопотамию и каково было его отношение к коренному хуррийскому населению, пока еще остается нерешенным. Во всяком случае, для древней истории Передней Азии, а также для постановки проблемы о времени и путях расселения племен, говоривших на индоевропейских языках, отмеченный факт может иметь немалое значение.

В хеттские тексты вкраплены кое-где небольшие отрывки, отдельные слова и словосочетания на языке, обозначаемом как „лувийский“ (хетт. *luḫili* „по-лувийски“). Нередко лувийские формы выделяются в хеттской клинописи с помощью специального значка (так называемый „глоссовый клин“).

В документах хеттского царства упоминания о лувийцах (*URUḪiumna*) встречаются часто. Лувийцы являлись самостоятельной народностью в составе этнически пестрого хеттского государственного образования и в основном населяли обширные территории в южной части Малоазиатского полуострова (древние области Арзава, Кизватна и др.). В основной области хеттского царства (страна Хатти), т. е. в области реки Галис (Каппадокия), лувийцы, видимо, составляли некоторую часть населения. Об этом говорят не только письменные свидетельства (например, хеттский „Судебник“), но также и наличие лувизмов в текстах, наиболее приближающихся к живой разговорной речи („Автобиография Хаттушиля III“), в письмах и в особенности в магических заклинаниях.

В лингвистическом отношении лувийский язык определяется как близко родственный хеттскому, но отличный от него, индоевропейский язык. Следует отметить, что в ряде своих форм лувийский язык сохранял несколько более архаичное состояние индоевропейской языковой структуры, чем хеттский. Так, например, в 3-м лице ед. ч. наст. вр. лувийский язык имел окончание *-ti* (*anni-ti* „выполняет“, ср. др.-инд. *bhāra-ti* „несет“) и в 3-м лице мн. ч. — окончание *-nti* (*iašša-nti* „одевают“, ср. др.-инд. *bhāra-nti* „несут“). В хеттском же языке, в результате фонетического изменения (переход *t* перед *i* в аффрикат *z*), древние окончания *-ti* и *-nti* выступали как *-zi* и *-nzi* (*iā-zi* „делает“, *iā-nzi* „делают“).

К сожалению, опубликованные до сих пор данные по лувийскому языку слишком фрагментарны.

Еще беднее материалы палайского языка (*palāumṇili* „по-палайски“), на котором также говорила одна из народностей хеттского царства (*URUPalaumna* = „палаец“) — люди страны Пала, относительно географического положения которой до сих пор еще нет единства во мнениях. Палайский язык также определяется как индоевропейский, более близкий к лувийскому, чем к хеттскому (так же как в лувийском окончания 3-го лица ед. ч. наст. вр. *-ti* и 3-го лица мн. ч. *-nti*); ср. также 3-е лицо ед. ч. повелительного наклонения от глагола „быть“ палайск. *aš-du* „пусть будет“, 3-е лицо мн. ч. *a-ša-an-du* „пусть будут“ с хетт. *ešdu*, *ašandu* и лат. *estō(d)*, *suntō(d)*.

Помимо языков, обнаруженных в клинописных записях богазкёйского архива, следует также кратко остановиться на так называемом „хеттском иероглифическом“ языке. Выше уже упоминалось

о том, что на первой стадии хеттологических изысканий внимание исследователей преимущественно обращалось к многочисленным надписям, сделанным своеобразным иероглифическим письмом. Большая часть этих надписей была обнаружена в северной Сирии, но некоторое количество их найдено и на основной территории хеттского царства (например, в святилище Язили-Кая около Богазкёя), а также на печатях хеттских царей (наряду с клинописным текстом).

После того как богазкёйский архив раскрыл перед наукой подлинную картину жизни хеттского рабовладельческого общества, доставив неоценимые материалы по изучению истории малоазийских народов и их языков во II тысячелетии до н. э., интересы языковедов и историков вновь обратились к так называемым „хеттским“ иероглифическим надписям, все еще остававшимся загадочными.

Процесс дешифровки этой письменности продвигался медленно и с большими усилиями, но в настоящее время можно ожидать окончательных результатов в связи с тем, что в 1947 г. в восточной Киликии была обнаружена значительная по своему размеру билингва, составленная на финикийском и „иероглифическом хеттском“ языках.

В ходе напряженной работы ученых различных стран над дешифровкой и лингвистическим определением таинственных иероглифических надписей выяснилось, что надписи эти составлены также на индоевропейском языке, хотя и родственном хеттскому, но не совпадающем с ним и отличающемся от хеттского в ряде существенных моментов (так, например, по отражению древних заднеязычных звуков язык иероглифических текстов сближается с так называемой группой языков *satəm* — индоиранскими, славянскими, балтийскими, армянским, албанским, в то время как хеттский обнаруживает состояние заднеязычных, характерное для итальянских и других языков, относимых к так называемой группе *centum*).

Некоторыми особенностями своей морфологической структуры „иероглифический хеттский“ язык явно сближается с лувийским языком (например, окончание 1-го лица ед. ч. прош. врем. *-ḫa* и др.).

Отношения „иероглифического хеттского“ с другими индоевропейскими языками древней Малой Азии представляют ряд спорных вопросов. Некоторые исследователи отождествляют его с лувийским, другие же рассматривают его как самостоятельный язык в составе древнеанатолийской лингвистической группы, в которую, помимо него, входили также клинописный хеттский, палайский и лувийский языки.

Возможные предположения, связанные с лингвистическим определением иероглифических материалов, осложняются еще тем,

что до сих пор не выяснено, имеем ли мы в данном случае дело с одним языком или с разными, в особенности если вспомнить о том, что иероглифические памятники были распространены не только в северной Сирии, но и в центральной части Малой Азии.

Необходимо также учитывать и хронологическую сторону вопроса. Лишь небольшая часть иероглифических текстов относится к эпохе существования хеттского царства в Малой Азии, т. е. ко II тысячелетию до н. э. Основная масса надписей, локализованная в северной Сирии, имеет более позднее происхождение, относясь уже к первой половине I тысячелетия. Надписи эти дошли от той эпохи, когда в северной Сирии существовали мелкие государственные образования, возникшие на обломках хеттского царства в восточной его части и продолжавшие сохранять хеттские культурные традиции. Происхождение иероглифической письменности и соотношение ее с клинописью, которая являлась общераспространенной системой письма в древних странах Передней Азии, составляет до сих пор неразрешенную загадку.

Вообще, как можно убедиться из предшествующего изложения, изучение языков древней Малой Азии и прилегающих областей оставляет еще открытыми немало неясных, часто спорных вопросов. Тем не менее добытые в результате целого ряда открытий лингвистические материалы дают основание для научной классификации и составляют необходимую базу для углубленных сравнительно-исторических исследований. В особенности это относится к хеттскому (несийскому) языку, изучение которого уже сложилось в самостоятельную лингвистическую дисциплину.

3. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ ХЕТТОВ. ХЕТТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Основной территорией хеттского царства была северо-восточная часть Малой Азии (Каппадокия) — собственно область течения реки Галис (ныне Кызыл-Ирмак), в излучине которой и находилась столица царства, город Хаттуш. В различные периоды существования этого царства гегемония хеттской государственности простиралась на всю восточную половину Малой Азии, на некоторые западные ее районы, а также на области верхнего течения Евфрата и северную Сирию.

Хеттская народность исторически сложилась в результате смешения и скрещивания древних хаттских (или «протохаттских») племен с переселившимися в Малую Азию племенами, говорившими на языке индоевропейской группы. В процессе этого скрещивания язык древнейшего населения страны, видимо, в значительной

мере подвергся ассимиляции; язык же пришедших в Малую Азию племен сохранил свое качество, обогатив лишь свой словарный состав значительным количеством лексических элементов, не имеющих индоевропейских этимологий и, видимо, заимствованных из языков коренных обитателей страны. Что касается традиций экономического и культурного развития древнего населения Малой Азии, то они были целиком унаследованы сложившейся хеттской народностью.

К сожалению, территория Малой Азии еще недостаточно обследована в археологическом отношении. Однако и имеющиеся данные раскопок Алишарского холма (80 километров к юго-востоку от Богазкёя), а также некоторых других точек показывают непрерывность местной культурной традиции на протяжении эпохи меди (так называемый 1-й алишарский слой) и, далее, эпохи бронзы (2-й слой), захватывавшей III и значительную часть II тысячелетия до н. э. Принятый первоначально за более поздний, но хронологически одновременный 2-му, так называемый 3-й алишарский слой резко отличается (в основном по типу керамических изделий) от преобладавшей в Малой Азии в III и II тысячелетиях культуры, сближаясь со 2-м троянским культурным слоем, а также с балканскими археологическими памятниками. Этот слой постепенно растворяется в основном для восточной Малой Азии типе материальной культуры. Есть основания связывать сравнительно кратковременное появление нового типа с эпохой переселения в Малую Азию племен, принесших с собой языки индоевропейской группы¹. Можно предполагать, что переселение это совершилось в конце III тысячелетия и представляло собой одно из тех „великих сказочных странствий“ пастушеских племен, вызванных сокращением площади производства в связи с избытком населения, „которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе“².

Относительно возможных путей переселения существуют различные точки зрения. Большинство исследователей склоняется к тому, что хетты-неситы, так же как и другие малоазийские народы, говорившие на индоевропейских языках, переселились в Малую Азию из юго-восточной Европы, через Балканы. Имеющиеся археологические материалы как будто бы говорят в пользу этой гипотезы, обладающей и некоторыми лингвистическими основаниями (особые связи хеттского языка с итальянскими и др.).

Однако в последнее время гипотеза о балканском пути переселения хеттов в Малую Азию встречает серьезные возражения. Против нее выступают такие авторитетные представители хетто-

¹ A. Götzе, Kleinasien, „Kulturgeschichte des Alten Orients. Handbuch der Altertumswissenschaft“, III, 1, 3, 1933, стр. 37 — 48.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, стр. 278 — 279.

логии, как Б. Грозный и Ф. Зоммер. Уже в работе 1940 г. Грозный, резко изменив свою прежнюю точку зрения, заявил, что хетты пришли через Кавказ, а не через Балканы¹. В позднейших работах он развил свое положение о приходе хеттов из южной России через Кавказ, подчеркнув тесные связи хеттов с переднеазиатской культурой².

Зоммер также поддерживает точку зрения о кавказском пути переселения хеттов в Малую Азию³. Так же как Грозный, он подчеркивает то обстоятельство, что древнейшие центры хеттского государства (города Manda, Sāla, Tamalkija, Hatrā, Zalpa, Nemmuva) были расположены к востоку от собственной территории страны Хатти; экономика и культура хеттского царства, основная направленность политических интересов хеттской государственности в течение ряда веков — все это указывает на теснейшие связи с Востоком. Самый факт заимствования аккадской клинописи не от ассирийских торговых поселений в Каппадокии, а из другого источника говорит, по мнению Грозного и Зоммера, о том, что хетты получили клинописное письмо на своем пути через Верхнюю Месопотамию.

В хеттских исторических хрониках никаких упоминаний о переселении не обнаружено.

В настоящее время было бы преждевременно пытаться утвердить в качестве окончательного какое-либо из предлагаемых решений относительно путей переселения хеттов в Малую Азию. Для этого пока мало данных. Следует отметить, что, несмотря на решительные возражения Грозного и Зоммера, общераспространенная гипотеза о балканском пути переселения хеттов, лувийцев и других малоазийских народов древности, говоривших на индоевропейских языках, отнюдь не опровергнута. Нам кажется, что лингвистические данные, как и имеющиеся данные археологии, свидетельствуют в основном в ее пользу. Решающее значение в исследовании этой исторически и лингвистически несомненно очень важной проблемы могут иметь результаты археологических изысканий.

В клинописных документах хеттского царства хетты выступают перед нами как сложившаяся народность, которой противопоставляются другие народности (лувийцы, палайцы), существовавшие в государстве. В хеттском „Судебнике“ специально определяются юридические права и обязанности хетта (LÚ URU Hatti) и лувийца (LÚ URU Luḫiaš), назначается различный объем возмещения за убийство хеттского купца в зависимости от того, произошло ли

¹ Б. Грозный, Доисторические судьбы Передней Азии, „Вестник древней истории“, № 3 — 4, 1940, стр. 45.

² B. Hrozný, Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, Praha, 1943, стр. 145.

³ F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 1—10.

убийство в самой стране Хатти или в странах Лувия, Пала и т. п.

Хеттское государство являлось типичным примером непрочных военно-административных объединений рабского периода, которые „представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки“¹. Об этом говорят как разноязычные материалы богазкёйского архива, так и содержащиеся в исторических документах хеттского государства описания непрерывных войн, преследовавших цели захвата новых территорий и получения новых источников рабской силы, описания беспрепятственных карательных экспедиций против непокорных областей.

Хеттское рабовладельческое общество формировалось в общем процессе развития древних классовых обществ Передней Азии. Особенное значение имели экономические и культурные связи со странами Междуречья — Ассирио-Вавилонией. Выдвижение хеттов во II тысячелетии на роль ведущего государственного объединения Малой Азии определялось спецификой экономического развития центральной области хеттского царства, богатой ископаемыми — серебром, медью, а также строительным лесом. Основу хеттского хозяйства составляли скотоводство (особенно разведение овец) и земледелие (но не ирригационного типа). Широкое развитие имели ремесла.

Высокое для того периода экономическое состояние хеттского общества, основанное на массовом использовании в сельском хозяйстве, на строительных работах и в рудниках рабской силы, запасы которой пополнялись постоянными войнами, а также на интенсивной торговле с различными странами Переднего Востока и Средиземноморья, создало предпосылки для широкого захвата территорий и превращения хеттского государственного объединения в могущественную державу, успешно конкурировавшую с Египтом и Ассирией.

Историю хеттского государства принято делить на два периода: 1) „Древнее царство“ (XVIII—XVI вв.²) и 2) „Новое царство“ (XV—XIII вв.).

Из явлений внешней истории „Древнего царства“ выделяется деятельность (в середине XVIII в.) основателя династии хеттских царей Лабарны (Табарны)³, впервые расширившего границы хетт-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 12.

² Относительно хронологии см. примечание на стр. 3.

³ Это имя, сделавшись титулом хеттских царей, встречается в текстах в двух формах: Лабарна и Табарна. Чередование звуковой формы, по всей вероятности, объясняется двойственной передачей чуждого хеттскому языку „протохеттского“ латерального африката ^h (ср. аналогичные фонемы в некоторых северокавказских языках). Имя царя Лабарны, как и большинство хеттских имен собственных, является унаследованным от коренного населения страны Хатти.

ского государства от моря до моря (т. е. от Черного до Средиземного): около 1600 г. — взятие города Алеппо (Halpa) в северной Сирии, около 1595 г. — стремительный поход в Месопотамию, сопровождавшийся захватом и разгромом Вавилона. Отметим также династические реформы царя Телипина (около 1550 г.), завершившие период междоусобиц и конфликтов между царской властью и родовой знатью.

Далее следовал период ослабления хеттской государственности, о котором в письменных документах не сохранилось никаких сведений¹. К этой эпохе относятся расцвет и усиление могущества хуррийского государства Митанни (северная Месопотамия).

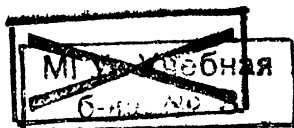
Борьбой с гегемонией Митанни в Передней Азии начинается новый подъем хеттского государства (в период так называемого "Нового царства"). В результате этой борьбы власть хеттских царей распространяется на области северной Месопотамии, где сохраняются ослабленные и подчиненные хеттам остатки царства Митанни, и на северную Сирию. Расширяя границы своего непрочного государственного конгломерата, хеттские цари вновь захватывают ряд отпавших областей на востоке и на западе самой Малой Азии.

Овладев северной Сирией, хеттское царство становится опасным конкурентом Египта. Длительная напряженность хеттско-египетских отношений завершается в 1312 г. знаменитой битвой при Кадеше. Египтяне пытались приписать себе победу в этом сомнительном для обеих сторон по своему исходу сражении. Однако объективным результатом сражения явилось, по мнению некоторых исследователей, закрепление власти хеттов в северной Сирии. В 1295 г. хеттский царь Хаттушил III и египетский фараон Рамсес II, опасаясь растущего могущества ассирийской державы, заключили договор о дружбе. В этом договоре стабилизировалось соотношение сил между двумя могущественными державами.

В течение длительного периода своего существования хеттскому государству приходилось вести тяжелые оборонительные войны с причерноморскими кашкейскими племенами, которые совершали опустошительные набеги на северные области страны Хатти, захватывая нередко важные ее центры. В XIII в. над хеттским царством начинают собираться грозные тучи на западных его границах, вызванные движением племен юго-восточной Европы на Балканы и в средиземноморские области.

Последний период существования хеттского царства характеризуют тщетные попытки хеттских царей удержать в повиновении

¹ Согласно хронологии, устанавливаемой акад. В. В. Струве, этот период вводится до минимума (не более 120 лет).

непокорные страны в западной и юго-восточной частях Малой Азии. В конце концов, около 1200 г., непрочное хеттское военно-административное объединение рушится. Причиной окончательного крушения хеттского царства явилось внезапное вторжение „народов моря“, о котором с ужасом повествуют египетские источники.

Новое переселение племен с севера привело в движение многочисленные племена восточного Средиземноморья, среди которых были филистимляне, шарданы, туруша (этруски), данайцы, возможно, ахейцы и др. Вторгнувшись со стороны Крита, вся эта масса племен нахлынула на территорию хеттского царства. В результате стремительного нашествия были уничтожены и сожжены хеттские города. Мощное хеттское государство перестало существовать. Хеттские клинописные памятники с этого времени больше не встречаются.

В результате так называемого „эгейского переселения народов“ этнический состав населения Малой Азии в I тысячелетии до н. э. существенно изменился. Остатки хеттского населения, по всей вероятности, отступили на юго-восток, в области северной Сирии, где образовался ряд мелких государственных объединений, просуществовавших еще несколько веков и сохранявших в известной мере хеттские культурные традиции. Часть населения отступила, вероятно, к северо-востоку, в области Закавказья.

Центральные области хеттского царства заняли кашкейские племена и родственные фригийцам племена мушков. Значительная часть Малой Азии (северо-западные области) была заселена переселившимися с Балкан фригийцами и т. д. О том, как далеко заходила волна эгейского переселения, свидетельствует закрепление филистинских племен в Палестине, давших этой стране дошедшее до наших дней название.

За исключением катастрофы, постигшей хеттское царство, все основные моменты его истории освещены в клинописных материалах богазкёйского архива. Особую ценность представляют исторические тексты („Автобиография Хаттушиля III“, „Декларация царя Телипина“, „Анналы Муршиля II“ и др.), а также договоры хеттских царей с правителями соседних стран и зависимых от хеттской государственности областей.

Для изучения общественного строя хеттского государства богазкёйские тексты также дают богатейший материал.

„При рабовладельческом строе, — пишет И. В. Сталин, — основной производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нищенского и при-

митивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла; разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством и превращения членов большинства в рабов. Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства, — здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами. Нет поэтому и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность. Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником.

Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя¹.

Все характерные черты рабовладельческого строя, с исчерпывающей ясностью указанные ~~И. В. Сталиным~~, были присущи хеттскому обществу.

Особенно показательным документом в этом отношении является хеттский „Судебник“, в целом ряде статей которого кодифицирована власть рабовладельцев над рабами. Рабы были бесправными. К ним применялись тяжелые наказания (отрезание ушей, носа), за неповиновение господину рабы подвергались жестокой казни. В хеттском обществе „раб должен был за строптивость подвергнуться особо суровому наказанию, так как, вследствие многочисленности рабов, их надо было держать в повиновении жестокостью кары за всякую попытку неповиновения воле господствующего класса“².

Основной формой социальных отношений было крупное рабовладение, интересы которого в первую очередь нашли отражение в законодательстве хеттских царей³. Значительные массы рабов концентрировались в хозяйстве крупнейшего рабовладельца-царя, в хозяйствах жреческих храмовых общин и родовой знати. Наряду с крупными рабовладельцами существовали и мелкие, хозяйства которых также обслуживались рабской силой. Огромные количества перемещенного из покоренных областей населения по бесправности своего положения приближались к рабам. Беднейшие слои свободного населения, попадая в тяжелую

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555.

² В. В. Струве, О „гуманности“ хеттских законов, „Вестник древней истории“, № 4, 1947, стр. 16.

³ Там же, стр. 16.

долговую кабалу, в свою очередь пополняли класс рабов. Бесправным, полурабским было и положение многочисленных ремесленников, прикрепленных к хозяйствам царя, храмов и крупных рабовладельцев.

Специальные статьи „Судебника“, предусматривающие частые случаи побега рабов, неповиновения, действий, направленных против хозяина (поджоги и т. п.), говорят об остроте отношений между классами эксплуатируемых и эксплуататоров. Имеются в источниках и глухие указания на восстания рабов.

Рабским трудом обеспечивался сравнительно высокий уровень развития производительных сил в хеттском обществе. Добыча и обработка металлов (серебро, медь, железо) составляли важную отрасль хозяйства страны Хатти. Производство бронзовых изделий, в том числе оружия, стояло на значительной высоте. Большое значение в экономике страны имело скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиней, коневодство). Зерновое хозяйство (ячмень, эммер или полба) также было одним из основных элементов хеттской экономики. Значительного уровня достигало развитие ремесел. В текстах содержится упоминание о кузнецах, гончарах, строителях, плотниках, скорняках, ткачах и т. д.

Разделение труда между всеми вышеперечисленными областями производства составляло один из определяющих моментов структуры хеттского общества. В связи с этим значительное развитие получил и торговый обмен. В „Судебнике“ содержится список установленных государственной властью твердых цен на ряд важнейших продуктов производства (мясо, кожи, молочные продукты, зерно, сало, вино, мед, ткани, одежда и др.), а также на земельные участки. Цены установлены в вавилонских денежных единицах. Помимо обмена внутри страны, значительная торговля велась также с соседними странами.

Власть хеттских царей полностью обеспечивала интересы рабовладельческой аристократии. „Государство, — пишет ~~И. В. Сталин~~, — возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства“¹. В древний период хеттского царства еще сохранялись некоторые учреждения, унаследованные от первобытно-общинного строя, на обломках которого сложилось рабовладельческое общество. Пережитком родоплеменного совета являлось собрание родовой знати (панкуш), с которым принуждены были считаться в своих действиях хеттские цари. В эпоху „Нового царства“ большую роль играл Совет (тулия), состоявший из высших сановников и родственников царя.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 604.

Семейно-правовые отношения хеттского общества характеризовались наличием патриархальной семьи, с неограниченной властью мужа и отца над женой и детьми, с обычаем продажи невест,

Огромную роль в хеттском государстве играли многочисленные категории жрецов, обслуживавшие культы „тысячи богов“ страны Хатти. Жрецы составляли мощную прослойку в хеттской рабовладельческой аристократии. Храмовые хозяйства, обладавшие значительными земельными угодиями, сосредоточивали при себе большие количества рабов. Особое положение в хеттском царстве занимали наделенные особыми привилегиями так называемые „священные города“ (древнейшие культовые центры страны Хатти — Ариинна, Нерик, Циппаланда и др.), население которых в основном составляли жрецы и персонал, обслуживающий храмы и храмовое хозяйство.

В жизни хеттского общества разного рода религиозные обряды занимали очень большое место. Жреческие функции наряду с функциями военачальника составляли значительную часть обязанностей хеттских царей. В богазкёйском архиве содержится множество описаний культовых празднеств, жертвоприношений, а также правила поведения для жрецов. О роли магии свидетельствуют бесчисленные формулы заклинаний, описания магических действий, наблюдения над приметами и т. п. Основу хеттской религии составляли верования и обряды, унаследованные от древнего хаттского („протохаттского“) населения. Значительное влияние оказали хуррийские, а частично и вавилонские верования и культы.

Разнообразные материалы богазкёйского архива свидетельствуют о сравнительно высоком уровне хеттской письменности. Сохранились имена целого ряда писцов, которые от поколения к поколению трудились над составлением и перепиской клинописных текстов. Работа эта пользовалась почетом. Должность „старшего писца“ была одной из высших государственных должностей в хеттском царстве.

Используя аккадскую клинопись, хеттские писцы оперировали значительным количеством шумерских и аккадских идеографических обозначений, служивших для передачи соответствующих по смыслу хеттских слов и выражений. В связи с этим изучение аккадского, а возможно, и шумерского языков входило в систему обучения хеттских писцов. О занятиях хеттских писцов аккадским и шумерским языками свидетельствуют найденные в архиве отрывки кратких шумеро-аккадо-хеттских словарей.

Архив хеттских царей содержался в определенном порядке, о чем можно судить по сохранившимся „каталогам“, т. е. спискам названий отдельных клинописных таблечек¹.

¹ E. Laroche, La Bibliothèque de Hattuša, „Archiv Orientalní“, т. XVII, ч. II, 1949, стр. 14 и сл.

Основная масса богазкёйских материалов относится к XIV—XIII вв. Однако имеются и гораздо более древние тексты, сохранившиеся от эпохи „Древнего царства“ в позднейших списках. К числу их относятся такие исторически важные документы, как „Декларация царя Телипина“ (с изложением истории „Древнего царства“), „Завещание Хаттушиля I“ (аккадо-хеттская билингва) и некоторые другие тексты. „Судебник“ также принадлежит к более древним памятникам.

Таким образом, у нас есть возможность проследить развитие хеттского языка на протяжении нескольких столетий. Сравнение архаичных текстов с более поздними показывает, что хеттский язык в течение засвидетельствованного письменными памятниками периода изменялся сравнительно мало. Незначительные изменения проявляются в употреблении отдельных местоименных форм и некоторых союзов.

Наблюдения над характером языка хеттской письменности (языковое единообразие текстов, развитие сложноподчиненного предложения, изобилие существительных с отвлеченным значением, образованных по живым, продуктивным типам) позволяют предположить, что это был выработанный письменный язык, имевший уже длительную традицию своего развития. В то же время во многих текстах ясно выступает непосредственная передача живой разговорной речи. Так, например, один из интереснейших исторических документов — „Автобиография Хаттушиля III“ — изобилует разговорными оборотами (особенно при передаче косвенной речи).

Хеттский письменный язык был распространен не только на территории страны Хатти; им пользовались также в некоторых других областях хеттского государства. Об этом можно судить по составленному на хеттском языке письму правителя лувийской страны Арзава к египетскому фараону. Характерна также заключенная в письме просьба прислать ответ „по-несийски“ (pešumnilī), т. е. по-хеттски.

Однако, как констатирует Ф. Зоммер, точное географическое определение территории, на которой хеттский язык употреблялся как разговорный, пока невозможно¹.

Итак, материалы богазкёйского архива открыли широкие возможности для изучения истории хеттского царства, его общественного строя, культуры, письменности. Для языковедения многочисленные и разнообразные по содержанию хеттские тексты представляют исключительный интерес. Они позволяют не только детально изучить один из языков древнего мира, но открывают

¹ F. Sommer, *Hethiter und Hethitisch*, Stuttgart, 1947, стр. 31.

совершенно новые перспективы для сравнительно-исторического изучения группы (семьи) индоевропейских языков, к которой принадлежал и хеттский (несийский) язык, засвидетельствованный памятниками II тысячелетия до н. э.

4. СООТНОШЕНИЕ ХЕТТСКОГО (НЕСИЙСКОГО) ЯЗЫКА С ДРУГИМИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Принадлежность хеттского (несийского) языка к индоевропейской лингвистической группе особенно ярко выявляется при анализе форм глагольного и именного словоизменения и словообразования.

Сопоставим парадигму спряжения настоящего времени действительного залога хеттских глаголов на -*mī* с формами спряжения настоящего времени глаголов в древнеиндийском, греческом, старославянском, латинском и готском языках.

	Хетт.	Др. - инд.	Греч.
Ед. ч. 1.	<i>iāmī</i> „делаю, совершаю“	<i>bhārāmī</i> „несу“	<i>φέρω</i> „несу“
2.	<i>iāši</i>	<i>bhārasi</i>	<i>φέρεις</i>
3.	<i>iāz(z)i</i> (ср. лув. <i>anniti</i> „выполняет“)	<i>bhārati</i>	<i>φέρει</i>
Мн. ч. 1.	<i>iāceni</i>	<i>bhārāmas(i)</i>	<i>φέρομεν</i> (дор. <i>φέρομες</i>)
2.	<i>iātteni</i>	<i>bhāratha</i>	<i>φέρετε</i>
3.	<i>iānzi</i> (ср. лув. <i>caššanti</i> „одевают“)	<i>bhāranti</i>	<i>φέρουσι</i> (дор. <i>φέρουσι</i>)
	Ст.-слав.	Лат.	Гот.
Ед. ч. 1.	<i>верѣ</i>	<i>agō</i> „двигаю, действую“	<i>baira</i> „несу“
2.	<i>верешн</i>	<i>agis</i>	<i>bairis</i>
3.	<i>вереть</i> (др.-русск. береть)	<i>agit</i>	<i>bairiþ</i>
Мн. ч. 1.	<i>версмѣ</i>	<i>agimus</i>	<i>bairam</i> (ср.др.-в.-нем. <i>berames</i>)
2.	<i>версте</i>	<i>agitis</i>	<i>bairiþ</i>
3.	<i>верѣтъ</i> (др.-русск. берутъ)	<i>agunt</i>	<i>bairand</i>

Не представляет никакого труда отождествить хеттское окончание 1-го лица ед. ч. *-mī* с соответствующим древнеиндийским *-mī*, а также с окончаниями 1-го лица ед. ч. наст. вр. от глаголов на *-mī* в других индоевропейских языках (ср. греч. *ῑδωμι*, ст.-слав. *дамь* и др.). Хеттское окончание 2-го лица ед. ч. *-šī* находит себе полное соответствие во всех вышеприведенных парадигмах. Окончания 3-го лица ед. и мн. ч. *-zī* и *-nzi* восходят, так же как и аналогичные окончания в других индоевропейских языках, к общим исходным формам *-tī* и *-ntī*. Под влиянием последующего *i* хетт. *t* перешло в аффрикату *z*. Сложнее обстоит дело с объяснением окончания 1-го лица мн. ч. Наряду с окончанием *-ṣenī* (собственно *-ṣen-*, так как *-i* является общим для всех окончаний настоящего времени формантом, в отличие от окончаний прошедшего времени) в хеттском языке выступает также (в тех случаях, когда глагольная основа оканчивается гласным *-u-*) окончание *-menī* (*-men-*), например *arnummenī* „приносим“. Хеттские формы с окончанием *-menī* легко сопоставляются с греческими формами 1-го лица мн. ч. с окончанием *-μεν* (ср. *φέρμεν*). Как полагает Мейе, элемент *-n*, характерный для греческой и хеттской форм, имеет „неорганический“ характер¹. Относительно формы *-ṣenī* некоторые исследователи предполагают, что она восходит к окончанию 1-го лица исчезнувшего двойственного числа (ср. др.-инд. первичное окончание *-vas*, вторичное *-va*)². Некоторые объясняют происхождение начального *-w-* (*-ṣenī*) влиянием формы личного местоимения 1-го лица мн. ч. хетт. *ṣēš* „мы“ (ср. гот. *weis* и др.)³. Сторонники особой „доиндоевропейской“ древности хеттских языковых фактов считают, что в хеттском языке сохранилось первичное фонетическое чередование форм *-we-* и *-me-*, которые в других индоевропейских языках закрепились, одна за двойственным, другая за множественным числом⁴. Более вероятным нам представляются первое и второе из предлагаемых объяснений. Хеттское окончание 2-го лица мн. ч. *-tenī* объясняется в сопоставлении с соответствующим окончанием в других индоевропейских языках, включающим элемент *-te* (в др.-инд. *-tha*), а также по аналогии с оформлением 1-го лица мн. ч.

Хеттские окончания прошедшего времени действительного залога находят себе объяснение в сравнении с соответствующими

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М., 1938, стр. 243.

² Н. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, København, 1938, стр. 88—89.

³ F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 59.

⁴ E. Sturtevant and A. Hahn, A Comparative Grammar of the Hittite Language, New Haven, 1951, стр. 140.

щими им так называемыми „вторичными“ глагольными окончаниями в других индоевропейских языках. Хеттское окончание 1-го лица ед. ч. прош. вр. *-un* (ерруп „я схватил“) восходит к древнему общеиндоевропейскому **-m/*-n*, ср. др.-инд. *ābharam*, греч. *ἔφερον* „я нес“. Формы 2-го лица ед. ч. прош. вр. частично сохраняют древнее окончание **-s*, например *ḫatrāeš* „ты написал“; однако в большинстве случаев они уподобились формам 3-го лица и получили характерное для них окончание *-t* (*=*t*), например *iāt* „он сделал“ и „ты сделал“, *tet* „он положил“ и „ты положил“. Вообще, в развитии морфологической структуры хеттского глагола случаи смешения, контаминации и аналогического выравнивания форм играли, несомненно, очень большую роль. Окончание 3-го лица мн. ч. прош. вр. *-ir* (*-er*) в хеттском языке без труда объясняется при сравнении с 3-м лицом мн. ч. перфекта в ряде индоевропейских языков (ср. хетт. *ešir*, *ešer* „они были“, др.-инд. *āsuri* (*āsuḥ*) „они были“, лат. *fēcere* „они сделали“, тохар. *weḫäre* „они сказали“ и т. д.).

В образовании форм хеттского медиопассива особое внимание обращает на себя формант *-g*, который, кроме хеттского языка, был характерен также для итальянских, кельтских, тохарского и фригийского языков; ср. хетт. 3-е лицо ед. ч. *kittari* „лежит“ (греч. *καίται*), лат. *sequitur*, др.-ирл. *sechithir* „следует“, тохар. Б. *kaltr* „останавливается“, фриг. *αδδαζτορ* „делается“; 3-е лицо мн. ч. хетт. *kijantari* „лежат“, лат. *sequuntur* „следуют“. Глагольные образования на *-g*, несомненно, относятся к числу очень архаичных элементов индоевропейской морфологической структуры.

Для большинства хеттских личных окончаний повелительного наклонения глаголов существуют очень близкие соответствия в других языках индоевропейской группы. Так, например, во 2-м лице ед. ч. в хеттском, как и в других индоевропейских языках, выступает чистая основа; ср. (от тематических глаголов) хетт. *iia* „сделай“, др.-инд. *bhāra*, греч. *ῥερε*, арм. *ber*, гот. *bair*, др.-ирл. *ber* „неси“, лат. *age* „веди“, а также атематические образования — хетт. *eš* „будь“, лат. *es*, лат. *ī* „иди“ и др.

Кроме того, встречаются формы 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения с окончанием *-i*: *arnut* „принеси“, *it* (*i-it*) „иди“. Это окончание, несомненно, восходит к древней индоевропейской энклитической частице **-dhi*; ср. др.-инд. *ihī* (из **i-dhī*), греч. *ἴθι* „иди“. Хеттская форма 3-го лица ед. ч. повелительного наклонения с окончанием *-du* (*-tu*) *ešdu* „пусть будет“ находит соответствие в лат. *estō(d)* „пусть будет“ (*-tō* из др.-лат. *-tōd*), греч. *ῥερετω*, др.-инд. *bhāratāt* „пусть несет“; ср. также формы 3-го лица мн. ч. хетт. *ašandu*, лат. *suntō(d)* „пусть будут“, лат. *leguntō* „пусть читают“ и др.

Из проведенного краткого анализа основных элементов хеттской глагольной флексии ясно видно, что элементы эти восходят к общей для хеттского с другими индоевропейскими языками исходной морфологической структуре.

Именные формы глагола в хеттском языке также хорошо разъясняются на основе исторического сравнения с фактами других языков индоевропейской группы. Хеттский язык обладал единственной формой причастия, которая образовалась с помощью суффикса *-ant*: *arrant* „схваченный“, *ḫiṣṣant* „живущий“ (им. п. ед. ч. *arpanza*, *ḫiṣṣanza*, вин. п. ед. ч. *arpanṭan*, *ḫiṣṣanḫan* и т. д.). В других индоевропейских языках хеттским причастным образованиям соответствуют причастия действительного залога настоящего времени с суффиксом **-ent-* (**-ont-*, **-ut-*); ср. др.-инд. им. п. ед. ч. *bhāraṇ* „несущий“, им. п. мн. ч. *bhāraṇtaḥ*, греч. *φέρων*, *φέρουτες*, лат. *uehens* „везущий“, род. п. ед. ч. *uehentis*, ст.-слав. *вѣзѹ*, им. п. мн. ч. *вѣзѹще* и т. д. Обращает на себя внимание некоторое своеобразие значения хеттской причастной формы. В то время как в прочих индоевропейских языках причастные формы этого типа всегда имеют активное значение, значение хеттской причастной формы активно только при непереходных глаголах; причастия от переходных глаголов имеют страдательное значение (ср. *aṣanza* „сущий“, но *kunanza* „убитый“, *adanza* „съеденный“).

Возможность двоякого развития исходно общей индоевропейской причастной формы, по всей вероятности, была обусловлена первичной залоговой нейтральностью этой формы. Признак, выраженный в корне глагола, передавался просто как присущий некоему предмету. С развитием залоговых отношений, при непосредственном включении отглагольных прилагательных в систему глагольных категорий, причастия получили залоговую характеристику, которой они прежде не имели. Свообразие значения хеттских причастий не только не противоречит возведению их к индоевропейской причастной форме с суффиксом **-ent-/*-ont-*, но дает дополнительный и очень ценный материал для изучения исторического развития глагольных категорий в индоевропейских языках.

Отглагольные именные образования, выступающие в хеттском языке в роли инфинитивов, также имеют соответствия в других языках индоевропейской группы¹.

В образовании глагольных основ хеттский язык очень четко обнаруживает основные типы, унаследованные от общей с другими индоевропейскими языками исходной структуры. Так, например, итеративные глаголы образуются в хеттском с

¹ F. Benveniste, *Origines de la formation des noms en Indo-Européen*, I, Paris, 1935.

помощью суффикса *-ske-*, хорошо известного в сравнительной грамматике индоевропейских языков; ср. хетт. *uškizzi* „смотрит, посматривает“, *akkuškizzi* „пьет, попивает“, *arpiškizzi* „схватывает (многократно)“, *ḥatreškizzi* „пишет (многократно)“ и т. д. с др.-инд. *iṣchati* „желает, стремится“, ст.-слав. *искѣ* „ищу“, финн. *isketi*, лит. *ieško* „ищу“, др.-в.-нем. *eiscōn* „спрашивать“, др.-инд. *gácchati* „идет“, греч. *ῥάσσω* „иду“, др.-инд. *pr̥schāti* „спрашивает“, лат. *poscō* (из **porcscō*) „требую“, др.-в.-нем. *forscōn* „искать“ и т. д. Ср. также образованные от общего корня хетт. *memiškimī* „говорю“ и греч. *μνησκόμαι* „вспоминаю“.

Весьма характерно для хеттского языка образование глагольных основ с назальным инфиксом, также представляющее один из распространенных в индоевропейских языках структурных типов. От *ḥark-* „гибнуть“ образуется производная глагольная основа *ḥarnenk-* „губить, уничтожать“; ср. образования основ настоящего времени с назальным инфиксом др.-инд. *ṛiṇákti* „оставляет“, 3-е лицо мн. ч. *ṛiṇcánti* (от корня **leikʷ-*), лат. *linquō* „оставляю“ и т. д. Характерной чертой хеттских образований этого типа является значение каузативности. Оно присуще также очень распространенным в хеттском глагольным образованиям с суффиксом *-ni-*; ср. производную от приведенного выше *ḥark-* „гибнуть“ вторую каузативную основу *ḥargan-* „губить“, а также основы *arṇi-* „доставлять“ (от *ar-* „достигать, прибывать“), *ṣarṇi-* „зажигать“ (от *ṣar-* „гореть“) и др. Эти образования, заключающие в себе индоевропейский инфикс **-neu-*, также находят широкий круг соответствий за пределами хеттского языка; ср. такие образования, как др.-инд. *ṛipnōti* „привожу в движение“, греч. *ῥρῶμι* „двигаю“ (соответствует хетт. *arṇumī* „доставляю, двигаю“) и др. Образованному от именной основы *ter-* „малый“ хетт. *ternuzi* „умалывает, унижает“ этимологически и структурно соответствует древнеиндийский глагол *dabhnōti* „повреждает“ (ср. *á-dbhutas* „чудесный“, собственно „недоступный повреждению, умалению“).

Анализ всей системы глагольного основообразования показывает тесную генетическую связь хеттского с языками индоевропейской группы.

Именная флексия также дает убедительную картину соответствия хеттских падежных форм формам прочих индоевропейских языков. Хеттский язык имел в единственном числе „общего“ класса имен то же окончание *-s*, которое сохранилось в древних индоиранских языках, итальянских, балтийских, греческом, готском; ср. хетт. *attaš* „отец“, *annaš* „мать“, *išḥaš* „хозяин“, **necaš* „новый“, *ḥalkiš* „зерно“, *šalliš* „большой“, *aššuš* „хороший, добрый“, *idaluš* „злой“ — др.-инд. *vṛkaḥ* (*vṛkas*), лат. *lupus*, лит. *vilkas*, греч. *λύκος*, гот. *wulfis* „волк“, авест. *ažiš*,

греч. ὄφις „змея“, лат. ouis, лит. avis „овца“, гот. gasts „гость“, авест. bāzuš, греч. πῆχυς „локоть“, лит. sūnūs, гот. sunus „сын“, греч. υἱός (из *υἷος), лат. puius, др.-инд. navañ (návas) и т. д.

В винительном падеже единственного числа хеттский язык имеет окончание -п, также восходящее к общеиндоевр. *-m/*-n; ср. хетт. attan, ḫalkin, aššun с др.-инд. vṛkam, лат. lupum, греч. λύκον, авест. aīm, греч. ὄφις и др. Хеттской форме родительного падежа единственного числа с окончанием -aš соответствуют аналогичные формы в других языках; ср. хетт. ḫalkijaš, греч. ион. ὄφις и т. д.

Некоторые хеттские падежные образования кажутся менее прозрачными; однако все они получают достаточно убедительное объяснение на основе материалов сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Даже наиболее бросающаяся в глаза своим своеобразием форма хеттского творительного падежа с окончанием -it, -et (neçit „новым“) разъясняется путем сопоставления с архаичными формами индоевропейского аблатива¹.

Одной из характерных черт морфологической структуры древних индоевропейских языков является деление имен по группам основ в зависимости от особых основообразующих формантов. Эту черту разделял и хеттский язык, в котором, так же как и в других индоевропейских языках, морфологический анализ выделяет древние группы основ с суффиксами -o- (= хетт. -a-), -i-, -u-, -n, -nt-, -r/-n- и др.

Своеобразие хеттского языка состоит в отсутствии типа основ с суффиксом -ā- (так называемое 1-е склонение в греческом и латинском языках), а также в необычной для исторически известных индоевропейских языков роли, которую в нем играют основы среднего рода с чередующимися по падежам суффиксами -r/-n. Этот архаичный тип именных основ (так называемые „гетероклитические основы“) пережиточно сохранялся еще в древних индоиранских языках, в латинском (всего три слова), а также, при несколько большем количестве относившихся к нему слов, в древнегреческом; ср. др.-инд. им. п. ед. ч. yákṛt, род. п. yaknāḥ, греч. ἥπαρ, ἥπατος (из *ἥπατος), лат. jecur, *jecinīs „печень“ (ср. лат. femur, feminīs „бедро“). Хеттскому uātar, uetenaš „вода“ соответствует греч. ὕδωρ, ὕδατος (из *ὕδατος) „вода“, а также изолированные древнеиндийские (ведийские) формы род. п. udnāḥ, местн. п. udān (с тем же значением).

¹ H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, Kopenhagen, 1938, стр. 22.

Но в то время как в древнеиндоиранских, латинском и греческом языках основы на -г/-п- выступали как исчезающий, явно архаичный тип, в структуре хеттского словообразования основы эти отличались чрезвычайной продуктивностью. Помимо таких древних образований, как *ṣatar* „вода“, *paḥḫur* „огонь“ (ср. греч. *πῦρ*), *eṣḫar* „кровь“ (ср. греч. *ἔζρ*, др.-инд. *asrok*) и др., в хеттском языке широчайшее распространение получили существительные с абстрактным значением, легко производившиеся от глагольных основ, а также от основ качественных прилагательных, с помощью суффиксов -*tar*/-*nn*- (из -*tn*-), -*eṣḫar*/-*eṣn*-, например: *ṣul-lātar*, *ṣullannaṣ* „спор, ссора“ (от *ṣullai*- „спорить“), *ḥanneṣḫar*, *ḥanneṣnaṣ* „суд“ (от *ḥanna*- „судить, судиться“), *aṣeṣḫar* „заседание“ (от *eṣ*- „сидеть“), *paḥḫeṣḫar* „широта“ (от *paḥḫi*- „широкий“) и др. Сюда же следует отнести и образование инфинитивов на -*ṣar*.

Образование местоименных основ и их флексия также подтверждают принадлежность хеттского языка к индоевропейской лингвистической группе.

Итак, мы видим, что в морфологической структуре хеттского языка получили развитие основные элементы исходно общей для всех индоевропейских языков древней морфологической структуры. Сравнительно-исторический анализ позволяет выявить соответствия хеттских форм словоизменения и словообразования формам генетически родственных хеттскому индоиранских, славянских, балтийских, итальянских, кельтских, греческого, германских и других языков индоевропейской группы.

Однако не все еще элементы хеттской грамматики получили надлежащее сравнительно-историческое объяснение. Некоторые существенные вопросы до сих пор еще продолжают оставаться неясными, являются предметом разного рода гипотез и нуждаются в углубленном исследовании. Следует заметить, что эти вопросы представляют существенную важность не только в пределах исторической грамматики самого хеттского языка; они важны также для изучения древнейших этапов развития грамматического строя всей индоевропейской лингвистической группы в целом. В настоящее время разработка целого ряда проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков невозможна без всестороннего учета хеттских материалов.

Назовем некоторые из спорных и до сих пор еще неясных вопросов исторической морфологии хеттского языка.

Наиболее трудным является вопрос о происхождении хеттского спряжения на -*ḫi* и о его связях с глагольными категориями других индоевропейских языков. Спряжение это, отличаясь от спряжения на -*mi* только личными окончаниями единственного числа (ср. 1. *eṣmi* „хватаю“, 2. *eṣṣi*, 3. *eṣti*, но 1. *daḥḫi* „беру“ 2. *datti*, 3. *dai*), не обнаруживает какого-либо своеобразия в

семантике относящихся к нему глаголов. Оба спряжения выступают в структуре хеттского языка как два равноправных и часто смешивающихся между собой морфологических типа. Производные глаголы спрягаются обычно по типу *-mī*.

В лингвистической литературе загадочные формы хеттского спряжения на *-hī* чаще всего связываются с архаичными образованиями индоевропейского перфекта. Некоторые языковеды выдвигают и другую, как нам кажется, более вероятную, гипотезу, сопоставляя (с опорой на так называемую „ларингальную теорию“) хеттские формы на *-hī* с характерным для ряда индоевропейских языков древним типом спряжения на *-ō* (греч. *φέρω* и др.). Вопрос этот, имеющий коренное значение для дальнейшего изучения древнейшей истории глагольных форм в индоевропейских языках, далеко еще не разрешен и нуждается в углубленной разработке.

Соотношение системы форм хеттского глагола с древней индоевропейской системой видо-временных категорий (презенс, аорист, перфект) представляет чрезвычайно сложную проблему. Хеттский язык, располагавший всего двумя простыми временами (настоящее и прошедшее), по всей вероятности, утратил первоначальные различия между имперфектом, аористом и перфектом (ср. аналогичное развитие глагольных категорий в древнегерманских языках), сохранив утратившие свое первоначальное значение отдельные аористные и перфектные формы в составе трансформированной категории прошедшего времени. Так, например, остатки сигматического аориста сохранились в формах 3-го лица ед. ч. с окончанием *-š* в прошедшем времени глаголов на *-hī* (*daš* „взял“, *raiš* „дал“, *daiš* „поставил, поместил“, *ak(k)iš* „умер“ и др.).

В 3-м лице мн. ч. *-ir (-er)* в обоих спряжениях сохранилось древнее перфектное окончание и т. д.

В целом, вопрос о том — какими путями в хеттском, как и в других родственных языках, происходило развертывание основных элементов унаследованной от древности общеиндоевропейской системы глагольных категорий, какие элементы в этом процессе утрачивались, какие переосмыслились и видоизменялись, — подлежит глубокому и всестороннему исследованию.

В изучении подобного рода вопросов необходимо считаться не только с тем, что хеттский язык утратил (как это показывает сравнительно-исторический анализ его морфологической структуры) некоторые из древних индоевропейских грамматических категорий, сохранных другими языками, но также и с тем, что в ряде случаев именно хеттский язык обнаруживает более архаичное состояние. Так обстоит дело с вопросом о грамматическом роде, в связи с которым в лингвистической литературе обнаруживается резкое расхождение точек зрения.

В хеттском языке существуют всего два грамматических рода: „общий“, морфологически соответствующий нерасчлененной категории мужского и женского рода в других индоевропейских языках, и „средний“. Такое положение вполне соответствует той исторической картине развития категории грамматического рода, которая давно уже убедительно реконструировалась на основе данных греческого и латинского языков¹. Сравнительно-исторический анализ категории рода в этих языках обнаруживает первоначальное отсутствие формальной дифференциации категорий мужского и женского рода. Об этом свидетельствует склонение основ на -o-, -ā-, -i-, -u- и согласные звуки. Об этом же говорят прилагательные двух окончаний (лат. *gravis, grave* „тяжелый, -ое“), которые, оформляя различие категорий одушевленности и неодушевленности, не выражают различий между мужским и женским родом. Ср. также вопросительные местоимения в большинстве индоевропейских языков: лат. *quis — quid*, русск. *кто — что*, нем. *wer — was* и т. д.

Материалы хеттского языка блестяще подтвердили предположение о том, что деление на категории мужского и женского рода развилось в индоевропейских языках сравнительно поздно и ему предшествовало двучленное деление лексики на „общий“ и „средний“ род.

Однако некоторые языковеды полагают, что хеттский язык, утратив в процессе своего развития целый ряд древних общеиндоевропейских морфологических категорий, утерял также и существовавшую в нем некогда категорию женского рода. Такой точки зрения придерживается и И. Фридрих, автор публикуемой „Грамматики“². Нам эта точка зрения представляется необоснованной и противоречащей фактам не только хеттского, но и других индоевропейских языков.

Структура предложения в хеттском языке не обнаруживает каких-либо существенных отклонений от общеиндоевропейского типа. Употребление падежных форм в основном представляет обычную для древних индоевропейских языков картину. Некоторое своеобразие хеттских предложений создается лишь очень широким употреблением энклитик (энклитических местоимений, частиц, союзов), нагромождение которых нередко создает нечто напоминающее полисинтетические комплексы³. Вряд ли здесь

¹ A. Meillet, Essai de chronologie des langues indo-européennes, „Bull. de la Soc. Ling. de Paris“, т. 32, 1931.

² См. стр. 57.

³ Например, *tákku attāš annāšša mimmai nanšikan tuhšanta* „если отец (и) мать откажутся (заплатить), то (пу) ее (-an) у него (-ši) отберут“ (Судебник, II, 9—10). Сочетание *nanšikan* состоит из союза *pu*, энклитических местоимений *-an* и *-ši* и частицы *-kan*.

можно говорить о чем-либо ином, кроме как о специфическом для хеттского типа развертывания основных элементов унаследованной от древности грамматической структуры. Однако предположение о том, что в характерной для хеттского языка суффиксации: энклитических (местоименных и прочих) частиц могло найти отражение влияние неиндоевропейского малоазийского (может быть, „протохаттского“) субстрата, конечно, не исключается.

Словарный состав хеттского языка содержит много элементов, этимология которых до сих пор остается загадочной. Тем не менее в настоящее время уже не может вызывать сомнений тот факт, что основной словарный фонд этого языка включал значительное количество индоевропейских по своему происхождению корней. Назовем некоторые из них.

Глагольные основы: хетт. ed- „есть“ (1-е лицо ед. ч. etmi, 3-е лицо мн. ч. adanzi), ср. лат. edō, греч. ἔδομαι, русск. ем (ст.-слав. ѣмь), лит. ėdmi, гот. ita, др.-инд. admi и т. д.; ep- „схватывать“ (1-е лицо ед. ч. ermi, 3-е лицо ед. ч. epzi, 3-е лицо мн. ч. arpanzi), ср. др.-инд. arnoti „достигает“, лат. apīscor, aptus; eš- „быть“ (1-е лицо ед. ч. ešmi, 3-е лицо ед. ч. ešzi, 3-е лицо мн. ч. ašanzi), ср. др.-инд. āsmi, asti, греч. εἰμί, ἐστί, русск. есмь, есть, гот. im, ist и т. д.; da(i)- „ставить, класть“ (1-е лицо ед. ч. tehhi, 3-е лицо ед. ч. dāi, 3-е лицо мн. ч. tiianzi), ср. др.-инд. dhā-(dādhāmi), греч. θη- (τίθημι) и т. д.; šipand- „совершать возлияние, жертвовать“ (3-е лицо ед. ч. sip(p)anti), ср. греч. σπένδω; uest- „одеваться“ (3-е лицо мн. ч. wašanzi), ср. др.-инд. vāste „одевается“, лат. uestis „одежда“ и т. д.; peja- „вести, посылать“ (3-е лицо мн. ч. pejanzi „ведут“), ср. др.-инд. payati „ведет“; taia- „украсть“ (3-е лицо ед. ч. taizzi), ср. ст.-слав. ѹ-таѣ, русск. утайть, др.-инд. (s)tāyus „вор“; kuēn-, kun- „ударить, убить“ (1-е лицо ед. ч. kuēmi, 3-е лицо ед. ч. kuēnzi, 3-е лицо мн. ч. kunanzi), ср. др.-инд. 1-е лицо ед. ч. hanmi, 3-е лицо ед. ч. hanti, 3-е лицо мн. ч. ghnanti, греч. θάω „ударяю“ и т. д.; uest- „желать, требовать“ (3-е лицо ед. ч. uestzi), ср. др.-инд. aṣṭi „желает“, греч. ἐξω (из *fexō) „добровольный“; arnu- „двигать, доставлять“ (1-е лицо ед. ч. arnum(m)i, 3-е лицо ед. ч. arnanz(i)), ср. др.-инд. ōpmi „двигаю, достигаю“, греч. ὀύω „поднимаю, побуждаю“; arš- „течь“ (3-е лицо ед. ч. arašzi), ср. др.-инд. arṣati „течет“; lip(p) „мазать“ (3-е лицо мн. ч. lip(p)-an i), ср. др.-инд. liprati „мажет“, греч. λίπω „жир“, русск. липкий; luk- „загораться, зажигать, рассветать“ (3-е лицо ед. ч. luk(k)-zi), ср. др.-инд. rocate „светит“, лат. luceō, греч. λευκός „белый, светлый“; damaš- „притеснять, угнетать“ (3-е лицо ед. ч. damašzi), ср. др.-инд. damayati, греч. δάμνημι, δαμάω, лат. domō „укрощать, обуздывать“; šeš- „спать“ (3-е лицо ед. ч. šešzi), ср. др.-инд. sasti „спит“ и др.

Имена существительные: хетт. *qatar*, *qetenaš* „вода“, ср. греч. *ῥῆρ*, русск. вода, др.-сакс. *watar*, нем. *Wasser*, др.-инд. *udakām*, *udnāh* и т. д.; *paḥḥur* „огонь“, ср. греч. *πῦρ*, гот. *īon*, *funins*, др.-в.-нем. *fuir*; *ēšhar* „кровь“, ср. греч. *εἶς*, др.-инд. *asṛk*, лат. **as(s)er* (засвид. *assyr*), латыш. *asins*, арм. *ariwn*; *ḡenu* „колени“, ср. лат. *genu*, греч. *γόνυ*, др.-инд. *jānu*, гот. *kniu*, арм. *cunr*; *kard* „сердце“ (род. п. *kardijas*), ср. лат. *cor*, *cordis*, греч. *καρδιά*, *κῆρ*, русск. сердце, лит. *sirdis*, арм. *sirt*, гот. *hairto*, др.-ирл. *críde*; *kut(tar)* „шея, сила“, ср. лат. *guttur* „горло“; *nepis* „небо“, ср. русск. небо, др.-инд. *nābhas*, греч. *νέφος*; „облако“, лат. *nebula* „туман“; *pedan* „место“, ср. греч. *πέδιον* „почва, равнина“, др.-ирл. *ed* „пространство“; *ḥaras* „орел“, ср. русск. орел, лит. *erēlis*, др.-в.-нем. *aro*, греч. *ὄρνις* „птица“; *ḥastai* „кость“, ср. др.-инд. *asthi*, греч. *ὀστέον*, лат. *os*, русск. кость (с префиксом к-), арм. *oskr*; *iukan* „ярмо“, ср. др.-инд. *yugam*, лат. *iugum*, греч. *ζυγόν*, русск. иго, гот. *juk*, *gem-*, *gimmand-* „зима“ (им. п. ед. ч. *gimmanza*), ср. др.-инд. *himā*, *hemanta-*, греч. *χειμα*, *χειμῶ*, лат. *hiems*, русск. зима, лит. *žēma*, алб. *dimër*; *milit* „мед“, ср. греч. *μέλι* (основа *μέλιτ-*), лат. *mel*, гот. *milip*; *išḥas* „хозяин“, ср. лат. *erus* и др.

Прилагательные: хетт. *mekis* „большой“, ср. греч. *μέγας*, гот. *mi-kils*, лат. *magnus*; *ḥarkiš* „белый“, ср. греч. *ἀγίς* „белый, блестящий“, др.-инд. *arjunas* „белый“, лат. *argentum* „серебро“; *palḥis* „широкий“, ср. лат. *planus* „плоский, ровный“; им. п. мн. ч. *dalugaes* „долгие“, *dalugašti* „длина, долгота“, ср. ст.-слав. *дълъгъ*, русск. долгий, др.-инд. *dīrghas*, греч. *σοῦρος*; *dankis* „темный, черный“, ср. греч. *δύφος* „мрак“, нем. *dunkel* „темный“; *aššus* „хороший, добрый“, ср. греч. *εὖς* „хороший, дооблестный“, др.-инд. *su-* „хороший“; *neca-* „новый“, ср. ст.-слав. *новъ*, лат. *novos*, греч. *νέος*, и др.

Служебные слова: хетт. *anda* „внутри“, ср. арх. лат. *endo*; *ḥanti* „перед“, ср. лат. *ante*, греч. *ἄντι*; *appa* „обратно“, ср. греч. *ἀπó* „от“ и т. д.

Из числительных известны: *tri-* „три“, *šipta* „семь“ (дат. п. *šiptamija* „седьмому“, ср. др.-инд. *saptamas*, лат. *septimus*), индоевропейское происхождение которых несомненно.

В процессе исследования словарный состав хеттского языка все более и более проясняется. К сожалению, вследствие постоянного употребления в хеттской клинописи шумерских идеограмм и отдельных аккадских слов и словосочетаний целый ряд важных элементов хеттской лексики остается до сих пор неизвестным (например, такие слова, как сын, дочь, брат, бык и т. д.).

Многие хеттские слова не имеют себе соответствий в других индоевропейских языках, в том числе слова, несомненно принадлежавшие к основному словарному фонду, например: *ḥalzai-* „звать, кричать“, *ḥanna-* „судить“, *zaḥ(h)-* „сражаться“, *zankila-* „наказывать“, *ḥe(i)u-* „дождь“, *ištaman(a)-* „ухо“ (*ištamaš-* „слышать“),

gimra- „открытое поле“, ḫallu- „низкий“, dannatta- „пустой, опустошенный“ и др.

В то же время лишь немногие из хеттских слов удается сопоставить с наличными (довольно скудными) материалами „протохаттского“ и хуррийского языков¹. В исследовании довольно многочисленных неиндоевропейских элементов хеттской лексики большое значение может иметь сравнение с лексикой кавказских языков, генетически связанных с древними неиндоевропейскими языками Передней Азии.

Сравнительно-историческое изучение фонетики хеттского языка наряду с установлением ряда совершенно ясных соответствий (например, и.-е. *w = хетт. w, и.-е. *n = хетт. n, и.-е. *r = хетт. r и т. д.) сталкивается с некоторыми очень сложными проблемами. Одной из них является вопрос об индоевропейских звонких (включая звонкие придыхательные) и глухих взрывных, которые в хеттской клинописи попеременно обозначаются то с помощью t, p, k, то с помощью d, b, g. В этой связи мы встречаемся с различными мнениями. Одни исследователи усматривают в хеттском языке явление перебоя (передвижения) звонких в глухие, вызванное влиянием малоазийского субстрата; другие пытаются обнаружить определенную „систему“ в хеттской орфографии, в частности предлагая считать удвоенный знак (kk, gg, tt, dd и т. д.) обозначением глухого, более сильного звука, а отсутствие удвоения — признаком звонкого, во всяком случае более слабого звука. Хотя это объяснение имеет свои несомненные основания, оно, однако, не решает вопроса, так как охватывает только положение звуков внутри слова и ничего не говорит о звуках в начальном положении.

Наиболее трудную и теоретически важную для сравнительной грамматики индоевропейских языков проблему составляет наличие в хеттском языке особого звука ḫ, повидимому, ларингального, соответствия которому в других индоевропейских языках представляют очень своеобразную и сложную систему. Мы не имеем возможности подробно останавливаться здесь на изложении так называемой „ларингальной теории“, ведущей свое начало от концепции индоевропейского вокализма, выдвинутой Соссюром еще в 1879 г.²

Анализируя состав и соотношение гласных в древних индоевропейских языках, Соссюр установил наличие наряду с чередующимися между собой основными гласными e/o дополнительных вокалических элементов, условно обозначенных им как A и O.

¹ Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 92—96.

² F. Saussure, Mémoires sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, 1879.

Он отвел им место среди так называемых „сонантических коэффициентов“ (i, u, ɣ, ɭ, ŋ, m), различные сочетания которых с основными гласными (e и o), в зависимости от места и степени ударения, создали некогда все разнообразие древнего индоевропейского вокализма. Таким образом, была теоретически намечена возможность происхождения некоторых гласных (в частности, долгих ā, ē, ō и др.) из сочетаний с неизвестными звуковыми единицами типа сонантов. Таинственное „индоевропейское шва“ (ə) уже с конца XIX в. заняло определенное место в сравнительно-грамматических реконструкциях в области вокализма, но первоначальный фонетический характер его оставался неясным.

Открытие хеттских языковых материалов и обнаружение звука ɸ (ларингального) в целом ряде этимологически ясных слов сыграло роль недостававшего звена в изучении и попытках реконструкции древнейшей индоевропейской фонетической системы. Такие соответствия, как хетт. ɸanti „перед“, лат. ante, греч. ἀντί; хетт. ɸaštai „кость“, др.-инд. asthi, греч. ὀστέον; хетт. ešɸar „кровь“, др.-инд. asṛk, греч. ἔαρ; хетт. paɸhiš „широкий“, лат. plānus; хетт. maɸlaš „виноградная лоза“, лат. mālum, греч. μήλον „яблоко“; хетт. laɸci „льет“, лат. lavō, греч. λούω „мою“ и многие другие, стали оправданным моментом для целой серии исследований в области древнейшего вокализма и древнейшей структуры индоевропейских основ. В настоящее время „ларингальная теория“ со всеми выводами в области не только фонетики, но и морфологии, которые на ней строятся, составляет одну из центральных проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков. Правда, в выдвигаемых построениях еще очень много спорного, недоказанного, многообразие конкретных фактов с трудом укладывается в предлагаемые схемы, материалы отдельных индоевропейских языков часто недостаточно учитываются, сам хеттский язык со своими исторически засвидетельствованными ларингальными звуками оставляет еще очень много нерешенных загадок, — тем не менее открытие хеттских языковых фактов уже позволило значительно углубить исследование вопросов исторической морфологии и фонетики индоевропейских языков.

Что касается системы гласных звуков собственно хеттского языка и ее исторического соотношения с вокализмами родственных языков, то здесь также остается еще много неясных вопросов, освещение которых возможно лишь в процессе дальнейшего углубления сравнительно-исторических исследований.

Все изложенное говорит о том, какое место заняло изучение хеттских материалов в разработке вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков. В связи с этим естественно возникает проблема ближайших генетических связей хеттского языка в пределах обширной группы родственных языков.

Вопрос этот глубоко еще не исследовался. Поэтому можно остановиться лишь на некоторых наблюдениях предварительного порядка. Весьма вероятным является наличие у хеттского языка особых связей с итальянскими языками. Об этом свидетельствуют сходное образование медиопассива с помощью форманта -г, очень яркие и показательные соответствия в области местоименных образований (ср. хетт. *kūiṣ* „кто“, *kūit* „что“ и лат. *quis, quid*; также хетт. *kūiški, kūitki* и лат. *quisquis, quidquid*), а также некоторые факты из области лексики.

Несомненны связи хеттского со славянскими языками, особенно ярко обнаруживающиеся в таком важном структурном моменте, как словообразование. В хеттском, так же как и в славянских языках, преимущественное распространение имеет суффикс имен деятеля -tel-, в то время как для других индоевропейских языков продуктивным являлся только вариант -ter-. Хотя в хеттском языке и встречаются имена с суффиксом -ter- (например; *akut-taraš* „пьющий“), но преобладающими являются образования с -tel- (-tallas), например *mañiaḥḥatalaš* „правитель“ (от глагола *mañiaḥḥ-* „править“; ср. русск. -тель) и др. Очень показательно соответствие хеттского суффикса имен абстрактного значения -aštis, ašti славянскому суффиксу -ость. Хетт. *dalugašti* тождественно старославянскому *дѣлѣность* во всех отношениях.

Кроме того, отмечается сходное для хеттского со славянскими языками усиление прилагательных дополнительным суффиксом -ant- (в соответствии со слав. -от-); ср. хетт. *daššuṣ, daššuṣanza* „сильный“ и русск. большой — большущий¹.

Вовсе не изучен вопрос о сходстве системы выражения видовых категорий глагола в хеттском и славянских языках. Между тем сходство это, как нам кажется, несомненно.

Выдвигается мысль о возможности более близких связей хеттского языка с тохарским (имеются в виду прежде всего некоторые лексические схождения). Но постановка этого вопроса лишь намечена.

Следует отметить также интересные исследования советского языковеда проф. Капанцяна в области хетто-армянских лингвистических связей².

Углубленное изучение ближайших генетических связей хеттского, а также других индоевропейских языков древней Малой Азии с родственными языками внутри индоевропейской лингви-

¹ V. Machek, *Hittito-slavica*, „Archiv Orientální“, XVII, 2, 1949, стр. 138 и сл.

² Гр. Капанцян, *Chetto-Armeniaca*, Эривань, 1931—1933; его же, *Хай-аса — колыбель армян*, Ереван, 1947.

стической группы является одной из задач дальнейших исследований. Проблема эта имеет не только лингвистический интерес. Решение ее имеет существенное значение также для изучения древней истории народов — носителей отдельных индоевропейских языков, так как она непосредственно связана с вопросом о периоде и о путях их расселения с территории, где некогда происходило образование родственных племен.

5. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ ХЕТТСКОГО (НЕСИЙСКОГО) ЯЗЫКА

После того как Б. Грозный опубликовал первую хеттскую грамматику¹, прошло 35 лет. Открытие Грозным принадлежности хеттского языка к индоевропейской лингвистической группе вначале было встречено с недоверием. Но благодаря начавшейся широкой публикации хеттских клинописных текстов и дальнейшему углублению исследования хеттской языковой структуры недоверие это очень скоро рассеялось, и хеттский язык, будучи окончательно определен как индоевропейский, сделался предметом пристального внимания со стороны представителей сравнительно-исторического языкознания.

Правда, в 20-х годах отдельные языковеды еще пытались, вопреки очевидным фактам, опровергать открытую Грозным принадлежность хеттского (несийского) языка к индоевропейской языковой группе, доходя до отрицания самых несомненных и ясных этимологий и причисляя хеттский к группе так называемых „азианических“ языков („азианические языки“ — весьма неопределенное в лингвистическом отношении понятие). Однако в результате углубленной разработки основных проблем хеттологии подобного рода утверждения давно уже потеряли под собой почву.

Характерно, что и Н. Я. Марр, борясь с так называемой „индоевропеистикой“, также пытался отрицать родство хеттского (несийского) языка с индоевропейскими. Чисто декларативно, без какой-либо попытки конкретного анализа фактов (если не считать фантастических этимологий отдельных слов „по четырем элементам“), он причислял его к „яфетическим“ языкам.

Ясно, что подобного рода декларации, поскольку они не основываются на конкретном лингвистическом исследовании, не могут иметь объективной научной ценности.

В процессе сравнительно-исторического изучения хеттских языковых материалов выявились некоторые своеобразные черты

¹ „Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm“, Leipzig, 1917.

структуры хеттского языка. Эти особенности выражаются: 1) в наличии в хеттском языке некоторых грамматических форм, отсутствующих в других языках индоевропейской группы, и 2) в отсутствии в нем целого ряда грамматических категорий и форм, составляющих специфическую принадлежность морфологической структуры древних индоевропейских языков.

В связи с этим при определении отношения структуры хеттского языка к реконструируемому на основе данных других языков общеиндоевропейскому исходному состоянию в лингвистической литературе обнаружили две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, своеобразные черты хеттского языка трактуются как наследие более древнего, еще доиндоевропейского состояния. Другая же теория рассматривает строй хеттского языка как своеобразный продукт дальнейшего развития общеиндоевропейской языковой структуры, причем в процессе этого развития имели место и утеря некоторых категорий и ряд новообразований.

Первая из точек зрения получила наиболее яркое выражение в так называемой „индохеттской гипотезе“ американского хеттолога Э. Стертеванта. В своей „Сравнительной грамматике хеттского языка“¹ Стертевант выдвинул схему, согласно которой „праиндоевропейский“ и „прахеттский“ языки рассматривались как две самостоятельные ветви еще более древнего „индохеттского праязыка“. По этой схеме хеттский язык, с одной стороны, сохранял более древние, чем общеиндоевропейские, „протоиндохеттские“ черты; с другой — отличия его от прочих индоевропейских языков объяснялись более отдаленной степенью родства.

Схема эта встретила критическое отношение со стороны представителей сравнительно-исторического языкознания. Углубление сравнительно-исторического исследования хеттских материалов (в том числе и в работах по конкретным вопросам самого Стертеванта) показало, что все элементы морфологической структуры этого языка имеют основу, общую с остальными индоевропейскими языками, что отсутствие тех или иных форм во многих случаях объясняется их утерей и что специфически хеттские новообразования возникли путем использования морфологических элементов, имеющих соответствия в других языках индоевропейской группы. Эта концепция была наиболее детально разработана в книге

¹ Е. Н. Sturtevant, A Comparative Grammar of the Hittite Language, Philadelphia, 1933. Эту же схему Стертевант продолжает развивать и во втором издании своей „Сравнительной грамматики“ (1951), выводя из общей „протоиндохеттской“ основы две самостоятельные языковые ветви: а) „протоанатолийскую“ и б) „протоиндоевропейскую“.

датского лингвиста Х. Педерсена¹, который дал подробный сравнительно-грамматический анализ хеттской морфологии.

После этого „индохеттская гипотеза“ окончательно утратила под собой почву и в языкознании утвердилась точка зрения о равном с другими положении хеттского языка в кругу индоевропейских языков.

История отдельных родственных между собой индоевропейских языковых групп показывает, что каждая из них развивается путем развертывания основных элементов древней, исходно общей для всех них языковой структуры. Но внутренние законы этого развития получают в конкретных исторических условиях сотни и тысячи различных проявлений при наличии, однако, ряда общих для всей языковой семьи закономерных тенденций развертывания исходно общего древнего материала.

Публикуемый труд видного немецкого хеттолога И. Фридриха представляет собой описательную грамматику хеттского языка, которая может служить ценным пособием для лингвистов, а также для историков древнего Востока в их работе над письменными документами хеттского царства. Имея в виду практические установки своего труда, И. Фридрих сознательно не включил в свое описание структуры хеттского языка почти никаких элементов сравнительной грамматики.

В книге дается детальное описание грамматического строя хеттского языка в том виде, в каком он засвидетельствован письменными памятниками II тысячелетия до н. э. При лаконизме изложения автор ссылается, однако, в связи с трактовкой отдельных форм на существующую обширную хеттологическую литературу. Многочисленные указания на варианты форм, на их разночтения дают необходимые отправные пункты для более детального изучения хеттской морфологии.

Наибольший интерес в книге представляет раздел синтаксиса, являющийся первым в лингвистической литературе сводным описанием основных элементов структуры хеттского предложения. Помимо непосредственной практической помощи, которую он, несомненно, окажет изучающим хеттский язык, этот раздел имеет самостоятельное теоретическое значение, так как целый ряд вопросов впервые освещается в нем в аспекте структуры хеттского предложения в целом.

¹ H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, 1938.

Для советских читателей отсутствие в книге И. Фридриха элементов сравнения хеттских фактов с фактами родственных хеттскому других индоевропейских языков является существенным недостатком, который мы частично попытались восполнить в предшествующем изложении. Вторая часть книги будет содержать наиболее важные из обнаруженных хеттских текстов.

Но и в том виде, в каком ее задумал и выполнил автор, „Грамматика хеттского языка“ И. Фридриха, составленная на основе богатого фактического материала, явится полезным пособием для изучающих хеттский язык, историю древнего Востока, а также для языковедов, интересующихся вопросами сравнительной грамматики индоевропейских языков, разработка которых в настоящее время немыслима без учета хеттских материалов.

А. Десницкая.

И. ФРИДРИХ

КРАТКАЯ ГРАММАТИКА
ХЕТТСКОГО
ЯЗЫКА

ПИСЬМО И ФОНЕТИКА

1. Хеттская клинопись, происходящая от ассиро-вавилонской или аккадской, различает три типа знаков: фонетические (слоговые знаки), идеограммы (словесные знаки) и детерминативы.

2. Идеограммами называются нефонетические знаки для целых слов; их форма во всех клинописных языках одинакова, и поэтому они, независимо от различного произношения, понятны для всех языков, подобно тому, как употребляемые теперь цифры одинаково ясны в немецком, французском, польском или венгерском текстах. Так, например, знак всюду понимается как „бог“, хотя он произносился по-шумерски *dīngir*, по-аккадски *ilu* и по-хеттски *šīnaš*, так же как „страна“ по-шумерски произносился *kur*, по-аккадски *mātu*, по-хеттски *idne*. Мы транскрибируем идеограммы по их шумерскому (как наиболее древнему клинописному) произношению прописными прямыми буквами DINGIR, KUR, но в действительности они, естественно, должны были произноситься по-хеттски.

3. а) Слово может быть обозначено либо фонетически, либо идеографически. Очень часто встречается также смешанное написание, т. е. к идеографически переданной основе слова присоединяются фонетически обозначенные флективные окончания, так называемые фонетические комплементы. Так, например, существительное *išḫaš* „господин“ (вин. п. ед. ч. *išḫān*, дат. п. ед. ч. *išḫī*) может быть записано или фонетически *iš-ḫa-a-aš* (вин. п. *iš-ḫa-a-an*, дат. п. *iš-ḫi-i*), или же с помощью идеограммы EN (с фонетическими комплементами EN-aš, EN-an, EN-i). Соответственно и глаголы: от *ṣalḫ-* „ударить“ (идеограмма GUL) форма *ṣalḫun* „я ударил“ может быть записана как фонетически *ṣa-al-ḫi-un*, так и полуидеографически GUL-ḫi-un или GUL-un.

б) Некоторое количество очень употребительных слов писалось хеттами, насколько мы можем судить об этом, всегда идеографически (с фонетическими комплементами), но никогда чисто

фонетически. Поэтому нам до сих пор неизвестно их произношение, например: DUMU-aš „сын“, ĪR-iš „слуга“, 1-aš „один“.

4. а) Хетты имели также обыкновение включать в хеттский контекст аккадские слова и целые словосочетания, как, например, A.NA A.BI.A „к моему отцу“. В транскрипции эти аккадские элементы передаются с помощью курсивных прописных букв. Реже встречаются шумерские формы, например: BA.UG₆ „он умер“ (основа UG₆ + флективная частица BA). Произносились ли написанные по-аккадски элементы по-хеттски или, возможно, по-аккадски, пока не установлено (Sommer, AU, 88², с указ. лит., 159, 342).

б) Идеограмма может иметь вместо хеттских также аккадские фонетические комплементы: DUMU^{RU} „сын“ (акк. māru), 1^{EN} „один“ (акк. išten), ^dUTU^{ŠI} „мое солнце“ (титул хеттских царей; акк. šamši), ĪR^{TUM} „слуга“ (акк. ardu(m); относительно t вместо d см. § 21), DINGIR^{LUM} или DINGIR^{LIM} „бог“ (акк. ilu(m) или ili(m); последнее собственно родительный падеж).

5. а) Детерминативами называются непроизносимые (поэтому в транскрипции помещаемые сверху) указательные знаки, обозначающие принадлежность имен собственных, а также смысловых групп нарицательных имен к определенному разряду. Вышеупомянутая идеограмма DINGIR „бог“ является также детерминативом перед всеми именами богов (в транскрипции поставленное сверху d=DINGIR или deus): ^dTelipinuš, ^dU или ^dIM „грозовое божество“, ^dĪSTAR и т. д. I характеризует мужские имена собственные, например: ^IMuršiliš; LÚ „мужчина“ — обозначения лиц мужского пола (также названия профессий и народностей), например: LÚaurijalaš „пограничный страж“, LÚanninijamiš „двоюродный брат“, LÚKUR „враг“; SAL „женщина“ — женские имена собственные и обозначения лиц женского пола, например: SALPu-diḫera, SALanninijamiš „двоюродная сестра“; URU „город“ применяется для характеристики названий городов, например: URUḪalpa „Алеппо“; GIŠ „дерево“ — для названий деревьев и деревянных предметов, например: GIŠḪAŠHUR „яблоня“, GIŠḫat-taḫu „засов“ и т. д. Теофорные имена собственные имеют два детерминатива — лица и имени божества, которое содержится в имени собственном, например: ^IdSIN-^dU-aš.

б) Реже встречаются детерминативы, помещаемые позади слова, например: MUŠEN „птица“ после названий птиц (ḫaraš^{MUŠEN} „орел“) или KI „место“ (также URU.KI „город-местность“) после многих названий местностей. Как детерминативы можно также рассматривать помещаемые после слова показатели множествен-

ности MEŠ и HI.A (ERÍN^{MEŠ} ANŠU.KUR.RA^{HI.A} „пешие войска (и) боевые колесницы“), реже AŠ.AŠ или с нагромождением показателей MEŠ.HI.A; AŠ AŠ.HI.A (URU^{AŠ.AŠ.HI.A} „города“).

6. а) В произношении хеттских клинописных знаков мы в общем следуем произношению аккадской клинописи, не принимая во внимание случайных отклонений хеттского произношения.

б) Хеттское употребление знаков в некоторых частностях несколько отличается от аккадского. Так, в аккадском языке знак чаще читается *ši* (с эмфатическим *š*) и реже *zé*, в то время как хеттский язык, не имеющий эмфатических звуков, знает только употребление *zé*. До сих пор не выяснено, обозначали ли и (в аккадском оба = *u*, но в транскрипции различаются *u* и *u*) в хеттском два различных гласных или один (многие исследователи рассматривают как *o*, а как *u*; литературу см. у Friedrich, Heth., 19).

7. Новые хеттские звучания, отклоняющиеся от аккадского употребления: — *meš*, по-хеттски также *eš* (в транскрипции (*m*)*eš*); — акк. *áš*, в хеттском — только *tāš*¹ (Friedrich, Staatsv., I, 154, 181; II, 27); — в аккадском только идеограмма для „вина“ (шумер. GEŠTIN), в хеттском — также фонетически для *ci*² (литературу см. Friedrich, Heth., 18).

8. Кажущиеся новыми звучания могли возникать также из ребусных написаний, в первую очередь имен собственных. Так, в окончании *-iliš* имен типа *Mursiliš*, *Ḫattušiliš* и т. д. усматривается акк. *ilu* „бог“, почему встречаются написания ¹*Mu-ur-ši-DINGIR*^{LIM}, ¹*Ḫa-at-tu-si-DINGIR*^{LIM}; следует читать ¹*Mur-ši-ILI(M)*³, ¹*Ḫa-at-tu-ši-ILI(M)*³ (Friedrich, Staatsv., I, 151; II, 20). Название города и страны *Ḫatti* созвучно акк. *ḫattu* „скипетр“ (идеограмма *GIŠPA*) и поэтому пишется иногда *URU.GIŠPA*, а имя собственное *Ḫattusiliš* — соответственно также ¹*GIŠPA-si-DINGIR*^{LIM}.

9. а) Гласный *e* клинопись передает не всегда четко. Она отличает особыми знаками слоги *me*, *ne*, *el*, *eš* от слогов *mi*, *ni*, *il*, *iš*, но для *re*, *le*, *ez* и т. д. использует знаки слогов *ri*, *li*, *iz*

¹ = *tāš* в единичных случаях, также в аккадских текстах из Эль Амарна.

² В „протохаттских“ и хуррийских местах текстов хеттские писцы употребляют еще более сложные написания: *uaa*, *uee*, *uii*, *uui*, *uua*.

³ Относительно *DINGIR*^{LIM} = акк. *ILI(M)* „бог“ см. § 4б.

и т. д. Таким образом, li-e „не!“, te-iz-zi „он говорит“ следует читать lē, tezzi.

б) Еще сложнее вопрос о том, различало ли хеттское письмо вообще **о** и **и** (см. § 6б).

10. Даже в тех случаях, когда на письме **е** и **і** различаются, написания обоих гласных часто неопределенны (Pedersen, Hitt., § 3). Так, наряду с обычным ešhar „кровь“ пишется также išhar и в единичных случаях i-e-eš-šar (§ 30); наряду с обычным pešta „он дал“ (и pašta; § 13a) — pišta; наряду с peššijami „я бросаю“, peššijazi „он бросает“ — peššejami, pišijazzi; наряду с -ši „ему“ — -še; наряду с išhi „господину“ — ešhe; наряду с unnumen „мы пригнали сюда“ — unnumin и т. д. (Friedrich, ZA, NF 5, 45¹, с указ. лит.; Sommer, AU, 40¹, 361).

11. а) Можно отметить также и не исследованное в деталях чередование **е (і)** с **а**, например: akir и ekir „они умерли“, šag-gaḥḥi „я знаю“, šakti и šekti „ты знаешь“, šakki „он знает“, šekteni „вы знаете“, šekkanzi „они знают“, šakta и šekta „он знал“, ašašta и ašešta „он посадил“; ekuzi „он пьет“ наряду с akkuškizzi „он попивает“; mekki „много“ наряду с makkešzi „он увеличивается“; qatar „вода“ и род. п. qetenaš; tekan „земля“ и род. п. tagnaš; URU^UNerik и URU^UNerak; daškatteni и daškitteni „вы имеете обыкновение брать“; piškir и piškar „они давали“; pāiḥeni и pāiḥani „мы идем“, pāitteni и pāittani „вы идете“; išparzazi и иногда išparzizi „он убегает, избегает“ (Sommer, AU, 57; Ehelolf, OLZ, 1933, 2⁶).

б) Основывается ли чередование **-і** с **-а** в исходе местного падежа aruni и древнего aruna „к морю“, lukkatti и lukkatta „на следующее утро“ на различном развитии первоначального **-ai**, которое в общем переходит в **-і**, но перед **і** дает **-а**, пока не ясно.

12. Колебание между **и** и **і** встречается редко: a-ru-u-un, и a-ru-ú-un „этого“ (вин. п. ед. ч.), u-i-ia-at-tin и ú-e-ia-at-tin „пошлите!“ (Götze, KfF, 1, 204; Friedrich, IF, 43, 258⁵; он же AfOr, 9, 210).

13. а) Звуковое сочетание **-ai-** может чередоваться с **-e (-і-)**: pašta и pešta „он дал“, naišhut и nešhut „повернись!“, karpuḥait и karpuet „он испытал“, karpuḥaizzi и karpuizzi „он испытывает“ (Sommer-Ehelolf, Pap., 74; Sommer, AU, 355).

б) Чередование **-āi-** с **-ā-** встречается редко: pāiši и pāši „ты идешь“ (Friedrich, ZA, NF 5, 58).

14. а) Вместо **-(i)ja-** может стоять **-e (-і-)**: memijani и memini „слову“, peššijazi и peššizzi „он бросает“, dājazzi, dāezzi и dāizzi „он крадет“, tijazzi, tiezzi и tizzi „он наступает, приближается“.

цeмijat и цeмит „он нашел“ (Sommer-Ehelolf, Pāp., 68; Götze, Madd., 96 и сл., 139).

б) Случайные написания типа iškijaiizzi „он помазывает“ следует, возможно, рассматривать как компромиссные между историческим iškijazi и произносившимся iškizzi.

15. -aja- может чередоваться с -a-: род. п. ед. ч. от šalliś „большой“— šallajaś и šallaś, абл. ед. ч. от šuppiś „чистый“— šuppaia(a) и šuppaz(a) (Sommer, AU, 357, с указ. лит.; Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 18 и сл.).

16. Вместо звукового сочетания ue- (ui-) или -ue- (-ui-) может появляться u- или -u-: ueter и uter „они принесли“, ĥuinut и реже ĥunut „пусти!“, kuera- и kura- „местность, поле“, karuili- и karuli- „старый“, ĥatraĥeni и редко ĥatrauni „мы пишем“, parkueśzi и иногда parkuśzi „он очищается“ (Friedrich, Staatsv., II, 42², 167).

17. а) Точно так же (u)ĥa- или -(u)ĥa- может чередоваться с u- или -u-: ĥuartaś и ĥurtaś „он проклял“, antuĥaĥaś и antu-ĥaś „человек“, aĥari- и auri- „пограничный пост“, ĥarapu и urapu „пусть сожжет“, laĥĥuĥatin и laĥĥutin „лейте!“ (или laĥuĥai и laĥui „он льет“), šanĥuĥanzi и šanĥunzi „они ржавеют“. В древнем языке встречаются единичные формы родительного падежа от основ на -u- типа ¹Nunnuś, ¹Taruĥśuś вместо ожидаемых *¹Nunnuĥaś, *¹Taruĥśuĥaś (Götze, Madd., 137 и сл.; Sommer, AU, 134, 189).

б) Очень часто -uĥa- (uĥa-) чередуется с -ue- (ue-): karpuĥanzi и karpuenzi „они испытывают“, uĥanzi и uenzi „они приходят“.

18. Со звуковыми явлениями, отмеченными в двух предыдущих параграфах, нельзя смешивать явления подлинного аблаута, как, например, отношение kuénzi „он бьет“ и kupánzi „они бьют“ (ср. др.-инд. hanti и ghnanti), соответственно kuérzi „он режет“ и kuránzi „они режут“ (§ 171). Как аблаут следует рассматривать также отношение tekan „земля“ и род. п. tagnaś (§ 82), ĥanneśšar „судебное дело“ и род. п. ĥanneśnaś (§ 88), ĥaddulatar „здоровье“ и род. п. ĥaddulannaś (§ 36a, 87), aśaĥar „загон“ и дат. п. aśauni (§ 89), а также dāi „он помещает, кладет“ и tianzi „они кладут“, zaĥĥaiś „сражение“ и род. п. ед. ч. zaĥĥiaś, aiś „рот“ и дат. п. ед. ч. išši (Sommer, AU, 187, 356; он же, Hirt-festschr., II, 295).

19. а) Вместо звукового сочетания -uĥ- часто появляется -um-: от ĥatrai- „писать“ образуется ĥatraĥeni „мы пишем“, инфинитив ĥatraĥar и супин ĥatraĥanzi, но от arnu- „принести“

соответствующие формы будут *arnummeni*, *arnummar* и *arnummanzi* (Sommer-Ehelolf, Pär., 74).

б) Иногда также вместо -цу- появляется -mu-: от *idalu* „злой“ — им. п. мн. ч. *idalayēš*, а вин. п. мн. ч. *idalamuš* (Götze, Madd., 120⁴; Sommer, HAB, 76¹).

20. Простое написание согласных иногда чередуется с удвоенным: как правило, *reššijazi* „он бросает“, но также *pišijazzi*; *iġattari* „он шагает“ и *iġatari*; *ištamasti* „ты слышишь“ и *išdam-masti*; *memijani* „слово“ и *memijanni*; *innaraġanni* (дат. п. ед. ч.) „силе (?)“ и *innaraġani*; *tarnatti* „ты оставляешь, пускаешь“ и *arnati*.

21. Написание *tenuis* и *media* производит впечатление полнотью произвольного; насколько можно судить, *d* и *t*, *b* и *p*¹, *g*, *k* и *q* употребляются попеременно (Pedersen, Hitt., § 6). Примеры здесь весьма многочисленны; мы ограничимся лишь несколькими: *dagan* и *tagan* „к земле“, *attaš* и *addaš* „отец“, *lūpatilis* и *lūbatilis* (одна из категорий жрецов), *pabilili* „по-вавилонски“, *kanišzi* и *ganešzi* „он приобретает“, род. п. ед. ч. от *kuiški* „кто-либо“ — *kuelga*, *kuelka* и *kuelqa*; *daskiten*, *daškatten* и *dašqaten* „возьмите!“ (литературу см. у Friedrich, Heth., 22 и сл.).

22. Одной из основных трудностей хеттского письма является написание сочетаний согласных. Так как письменные знаки имеются только для слогов с формой согласный + гласный, гласный + согласный и согласный + гласный + согласный, то сочетание из двух согласных в начале и конце слова так же как и сочетания из трех согласных в середине слова не могут быть переданы обычным образом. Как выход используется написание непроизносимых гласных, подобно тому как это принято в кипрском слоговом письме. Однако не всегда можно с уверенностью установить, какие гласные действительно произносились, а какие нет (литературу см. у Friedrich, Heth., 20 и сл.; также Sommer, AU, 446; Pedersen, Hitt., § 2).

23. Сравнительно яснее отношения в середине слова. Уже само написание форм типа *ša-an-aḫ-zi* „он ищет“ показывает, что здесь не имело в виду произношение **šanaḫzi* (поскольку тогда писалось бы **ša-na-aḫ-zi*). Параллельно встречающаяся форма *ša-an-ḫi-un* „я искал“ показывает только основу *šanḫ-*, так что мы приходим здесь к произношению **šanḫzi*. Аналогично *šanḫ-*,

¹ Так как хеттская клинопись не различает *b* и *p*, *bu* и *pu*, то вообще можно выделять только *ba* и *pa*.

то же имеет место и у многих других глаголов, например: *parḥ-* „гнать“ (*pár-aḥ-zi*), *karp-* „поднимать“ (*kar-ap-zi*), *tarḥ-* „побеждать“ (*tar-aḥ-zi*), *ṣaḥ-* „ударять“ (*ṣa-al-aḥ-zi*) и т. д. (§ 172). Однако встречаются и более неясные написания, например: *ša-an-ḥa-zi*, *ṣa-la-aḥ-zi* и т. п. Ср. также для **linkt* „он поклялся“ (основа *link-*) написания *li-in-ik-ta*, *li-in-kat-ta* и *li-ik-ta* (с редуцированным *n*; § 32); для **ḥinkzi* „он подносит“ — *ḥi-in-ik-zi*, *ḥi-in-ga-zi* и *ḥi-ik-zi*; затем итеративные формы типа *a-ar-aš-ki-it* „он достигал (повторно)“ — для **ar-sk-it* (основа *ar-*). Менее ясны написания согласных внутри слова типа *az-zi-ik-kán-zi* „они пируют“ — для **at-sk-anzi* (основа *ed-*; § 11a), *ši-pa-an-za-ki-iz-zi* „он совершает (неоднократно) возлияние, жертвует“ — для **spant-sk-izzi* (§ 24). Еще менее ясны *iš-pár-za-zi* „он убегает“, *iš-pár-za-aš-ta* „он убежал“ и *iš-pár-te-ir* „они убежали“ (основа анализируется как *(i)*spart-* и *(i)*spart-s-zi* с *z* = *ts*, § 28a, *(i)*spart-s-t*, *(i)*spart-er*). Соответственно от *ḥat-* „высыхать“ (*ḥāti* „он высыхает“, *ḥāter* „они высохли“) мы находим *ḥa-az-ta* и *ḥa(-az)-za-aš-ta* „он высох“. Последний пример касается собственно уже положения в конце слова.

24. Относительно положения согласных в начале слова мы вынуждены в общем ограничиться лишь предположениями. Так, например, *zi-ik-kán-zi* „они кладут“ по аналогии с *az-zi-ik-kán-zi* „они пируют“ = **at-sk-anzi* (§ 23) принято разлагать на **t-sk-anzi* (с нулевой ступенью *t-* основы *dāi-* „класть, помещать“). Для *pa-ḡa-a* „вперед“, этимологически связанного с **prō*, устанавливается произношение **prā*, а для *te-ri-ja-al-la* (какая-то жидкость), исходя из варианта *3-ja-al-la*, — произношение **trijalla* (§ 139). Для встречающихся нередко в начале слов *išp-* и *išt-* (в *išpāi-* „насыщаться“, *išpanza* „ночь“, *išpantuzzi* „сосуд для вина“, *išpart-* „убежать, ускользнуть“, *ištap-* „запирать“, *ištamaš-* „слышать“, *ištandaī-* „медлить“, *ištark-* „заболеть“ и т. д.) предполагается произношение *sp-* и *st-* (со вспомогательным гласным, аналогично араб. *lflatun* „Платон“). От *išpantuzzi* следует отличать глагол *šipant-* „совершать жертвенное возлияние“ (Sommer, HAB, 171 и сл.).

25. а) В положении согласных в конце слова мы тоже находим сравнительно немного таких ясных случаев, как императивы *li-in-ik* „клянись!“ (наряду с *li-in-ki*), *ṣa-al-aḥ* „ударь!“ (но *ša-an-ḥa* или *ša-a-aḥ* „ищи!“; § 32); поэтому и здесь мы вынуждены в общем ограничиваться лишь предположениями. Исходя из оканчивающихся на гласный глагольных основ типа *ija-* „делать“, *ḥatrāi-* „писать“ с 3-м лицом ед. ч. претерита на *-t* (*ijāt*, *ḥatrāit*), мы и для основ на согласный, типа *eš-* „быть“, *ištamaš-* „слышать“, *ṣaḥ-* „ударять“ с 3-м лицом ед. ч. претерита на *-ta* (*e-eš-ta*,

iš-ta-ma-aš-ta, ца-al-aḥ-ta) делаем заключение о произношении в конце -t (*est, *(i)stamast, *całht¹ и т. д.). То же в отношении имен; так, форму им. п. ед. ч. a-ni-ia-az от основы *anijat(t)- „исполнение, дело“ (вин. п. ед. ч. anijattan и т. д.) следует анализировать как *anijat-s (с z=ts; § 28a); равным образом для формы им. п. ед. ч. ka-aš-za „голод“ (основа kašt-, ср. вин. п. ед. ч. kaštan) можно заключить о произношении ее как *kast-s. Соответственно adanza „съеденный“ (основа adant-) передает *adant-s; ср. лат. amans и т. д.

б) Если к причастию на *-ants = -an-za присоединяется частица -a, „и, также“ (§ 305 и сл.), то возникшее отсюда *-ants-a пишется не -an-za, но -an-za-ša, откуда ir-ma-la-an-za „больной“ и ir-ma-la-an-za-ša „также больной“; таким образом, к -an-za = *-ants здесь прибавляется мельчайшая фонетическая единица, какая только может быть отделена от сочетания *-antsa, т. е. знак ša=sa (§ 286). Встречается даже -an-za-aš-ša: ^{LÜ}ap-ra-an-za „пленный“, ^{LÜ}ap-ra-an-za-aš-ša „и пленный“ (Friedrich, Staatsv., I, 32 и сл.; 166³).

26. Рассмотренное в § 23 и сл. написание непроизносимых гласных переносится часто также и на те положения, где оно кажется излишним и не является единственным, например: ša-an-ḥu-un и ša-an-aḥ-ḥu-un „я искал“ (основа šanḥ-), ца-al-ḥi-ir и ца-al-aḥ-ḥi-ir „они ударили“ (основа całḥ-), kar-ra-an-zi и kar-ar-ra-an-zi „они поднимают“ (основа karp-; § 172). Пока не ясно, следует ли усматривать в этом просто написание по аналогии с ša-an-aḥ-zi, ца-al-aḥ-ta и т. д. или же передачу произношения *sanḥḥun, *całḥḥir и т. д. (Götze, Madd., 41 и сл., с указ. лит.). Даже для arḥun „я достиг“ (основа ar-) встречается написание a-ar-aḥ-ḥu-un наряду с a-ar-ḥu-un. Написание окончания аблатива с -az и -a-za, возможно, также представляет собой аналогическое обозначение -z (-ts) посредством -za по типу таких форм, как именительный падеж единственного числа причастий на -an-za.

27. Но сочетания согласных могут, повидимому, разбиваться также вставкой произносимого гласного. Об этом говорит наличие параллельно таких написаний, как gimra- и gimmara- „поле“, ḥatkešnu- и ḥatkiššanu- „притеснять“, aššanu- и ašnu- „приготовить, устроить“, kuššani и kušni „в вознаграждение“ (ср. также им. п. ед. ч. kuššaniššit, kuššanšet и kuššaššet „его вознаграждение“; § 34), tuḥš- и tuḥḥuš- „отрезать“, pašma и paššuma „или“, kar-ša-nu-, kar-aš-nu- и kar-aš-ša-nu- „упустить, пренебречь“.

¹ Другое объяснение чередования -t в ijat с -ta в ešta дает Couvreur, Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 4, 551 и сл.

Отличие от случаев, описанных в § 23 и сл., не всегда является четким: от takš- „связывать, прикреплять, прилаживать“ причастие — ták-ša-an-za „привязанный, прилаженный“ но ták-ki-e-eš-ša-an-zi „они привязывают, прилаживают“, e-eš-ḥar-šum-mi-ít „их кровь“ вместо ešḥar-šmit (§ 113 и сл.).

28. Из четырех свистящих и шипящих звуков z, s, š, ṣ, различаемых в вавилонской клинописи, в хеттских словах встречаются только š и z. Из них š обозначает по типу ассирийского письма звук s, а z — ts; ср. русск. ц или нем. и итал. z (Pedersen, Hitt., § 5).

а) Произношение z как ts выясняется из наличия сосуществующих форм da-šk-izzi „он берет (неоднократно)“ и azzikkizzi = *at-šk-izzi „он ест (неоднократно)“ (§ 23); то же вин. п. ед. ч. anijattan „выполнение“ (основа anijatt-) и им. п. ед. ч. anijaz = *anijat(t)-s (литературу см. у Friedrich, Heth., 24).

б) На произношение š как s указывают: отсутствие в хеттских словах s, одновременное употребление daškizzi и azzikkizzi, а также египетские написания типа Mrsr = Muršiliš, Ḥtsr = Ḥat-šušiliš¹ (литературу см. у Friedrich, Heth., 23 и сл.).

29. Неясно, должны ли мы учитывать для z также произношение z (звонкое s). Возможность чередования -ḥš- с -ḥz-, так же как -šḥ- с -zḥ- (^{URU}Lihšina и ^{URU}Lihzina, zašḥi- и zaḥḥi- „сон“; Ehelolf, ZA, NF 9, 186¹), сама по себе еще не является доказательством.

30. ḥ обозначает, видимо, два различных звука: один (с меньшей уверенностью засвидетельствованный) — более сильный, приближающийся к k (если действительно kilamni является дат. п. ед. ч. от ḥilammar „портик, преддверие храма“), другой — слабо артикулированный (возможно, просто гортанный смычный), о чем говорит колебание в написании ešḥar (род. п. ед. ч. ešḥanaš) „кровь“ и eššar (род. п. ед. ч. ešnaš), а также idālaḥatti вместо обычного idālaḥatti „ты делаешь зло“ (указания на более старую литературу см. у Friedrich, Heth., 24 и сл.; также Couvreur, De hettitische H, Löwen, 1937; Bergsland, RHA, 4, 257 и сл.; Pedersen, Hitt., § 107).

31. а) Подобно другим древним и современным языкам Малой Азии и соседних стран хеттский язык не имеет r в начале слова (литературу см. у Friedrich, Heth., 26).

б) В середине и конце слова r, повидимому, слабо артикулировался, так как на письме он иногда опускается, особенно в

¹ Египетское письмо может различать s и š.

конце слова: *paṇrāta* вместо *paṇrātar* „нечистота, скверна“, *mijāta* вместо *mijātar* „преуспевание, созревание“, *ḥatreṣṣa* вместо *ḥatreṣṣar* „послание“ и в одном случае в середине слова: *tūḡkueṣṣar* вместо *tūḡkureṣṣar* „головная повязка“. Сюда же относится колебание между -ца и -цар- в частице, вводимой в буквально передаваемую речь (§ 292 и сл.; Götze-Pedersen, *Murš. Sprachl.*, 30 и сл., 74).

32. Слабым звуком в середине слова частично является также *n*, который во многих случаях не обозначается перед согласными (преимущественно того же органа образования): *ṣāḥ* наряду с *ṣanḥa* „ищи!“ (императив от *ṣanḥ-*), *li-ik-ta* наряду с *li-in-ik-ta* и *li-in-kat-ta* „он поклялся“ (основа *link-*; § 23), *ḥu-u-ma-da-az* наряду с *ḥūmandaz*, абл. ед. ч. от *ḥūmant-* „всякий“, *kar-pa-zi* вместо *karpanzi* „они поднимают“, *ú-e-eṣ-ša-ta* вместо *ueṣṣanta* „они одеваются“, *ú-ṣa-du* вместо *uṣandu* „пусть придут!“, *iṣ-ta-ta-a-it* вместо *iṣtandāit* „он пребывал, медлил“, *ne-e-a-za* вместо *nejaṇza* „ведомый“, *me-mi-ja-u-a-zi* вместо *memiṣaṣanzi* „говорить“ и т. д. (Götze, *NBr*, 5 и сл., с указ. лит.).

33. В то же время *n* часто пишется по ошибке: *neṇiṣanṣa* вместо *neṇiṣaz* „с неба“, *ḥaṣṣannanṣa* вместо *ḥaṣṣannaz* „из рода“, *li-in-kán-ta* вместо **linkt* „он поклялся“. (§ 23; Friedrich, *ZA*, *NF* 5, 42²).

34. Сходное с описанным в § 32 явление, хотя и не тождественное ему, представляет собой ассимиляция *n* последующему согласному (с удвоением или без удвоения последнего) при присоединении энклитики: **iṣtamanan-san* „его ухо“ (вин. п. ед. ч.) > *iṣtamanaṣṣan*; **ḥalugatallan-tin* „твоего посла“ (вин. п. ед. ч.) > *ḥalugatallantin*; **tuzzin-man* „мое войско“ (вин. п. ед. ч.) > *tuzzi-man*; *appizziṣan-ma-at* „но позднее это“ > *appizziṣamat*; *ḥūman* „все“ + частица *-šan* (§ 303) > *ḥūmaṣṣan*; *SUM-aṣmit* „их имя“ вместо *ŠU.W-an-ṣmit* (*lāman-ṣmit*); *mān* „если“ + ца (частица в цитируемой речи; § 292 и сл.) > *māca* (*Hrozný*, *CH*, I, 12²; *Sommer-Ehelerolf*, *Pār.*, 65; *Sommer*, *AU*, 383¹). Однако мы находим и такие случаи, когда, например, *kuṣṣan-šet* „его награда“ то ассимилируется, давая *kuṣṣaṣšet*, то остается неизменным; может быть образовано даже *kuṣṣaniṣṣit* со вспомогательным гласным (§ 27).

35. Здесь также встречаются ошибочные обратные образования; например, *paṣṣan* < *pu* „и“ + *-aṣ* „он“ (им. п. ед. ч.) + частица *-šan* (XXIII, 11; III, 11) ошибочно передано посредством *paṇṣan*, как если бы вместо именительного здесь стоял винительный падеж.

36. а) Звуковое сочетание *-tn-* обычно переходит в *-nn-*, особенно в склонении абстрактных имен на *-ātar* (род. п. ед. ч. *-annaš* < *-atnaš*), например: *ḥaddulātar* „здоровье“, род. п. *ḥaddulannaš*; *idālaqatar* „злость, негодность“, род. п. *idālaqannaš* (§ 87, Sommer-Ehelolf, Pär., 30).

б) Сохраняется *-tn-* в несколько иначе построенном *ḥuitar* „животный мир“, род. п. ед. ч. *ḥuitnaš*, и реже в абстрактных именах на *-ātar*: *ḥaratar* „толчок, удар“, дат. п. ед. ч. *ḥaratni* (Friedrich, ZA, NF 5, 61 и сл.; Sommer, HAB, 77²).

37. Ассимиляция *t* изредка встречается в таких случаях, как переход *ni* „и“ + *-at* „это“ + *-ši* „ему“ в более распространенное *našši* либо более редкое *našši*, или переход *ni* + *-at* + частица *-šan* в более распространенное *naššan* либо более редкое *naššan*.

38. Звуковое сочетание *-nza* чередуется с *-nzan*: *ḥanza* ер- и реже *ḥanzan* ер- „дружески приветствовать“, *nan-za* (*ni* „и“ + *-an* „его“ + частица *-za*; § 252 и сл.) и также *nanzan* (Götze, Arch. Or., 5, 3).

39. Фразово-фонетические изменения возникают прежде всего в случаях присоединения энклитических местоимений, например: *-ni* „мне, меня“, *-ta* „тебе, тебя“, *-ši* „ему“, *-aš* „он“, *-an* „его“, *-at* „это“ и энклитических частиц: *-(i)a* „и“, *-ma* „но“, *-ašta* „тогда“, *-za*, *-kan*, *-šan*, *-ca(r)*- (частица в цитируемой речи) к ударенному слову или к начинающим предложение *ni*, *ta* и т. п. Как фразово-фонетические законы следует рассматривать также явления, описанные в § 34, 35, 37, 38.

40. Если к начинающему предложению *ni* „и“ присоединяются местоимения *-aš* „он“, *-an* „его“, *-at* „это“, *-e* „они = *ei*, *eae*, *ea*“, *-uš*, *-aš* „их = *eos*, *eas*“, или частицы *-ašta* или *-apa*, то в *ni* перед следующим гласным *i* исчезает: **nu-aš* > *naš*, **nu-an* > *nan*, **nu-at* > *nat*, **nu-e* > *ne*, **nu-uš* > *nuš*, **nu-aš* > *naš*, **nu-ašta* > *našta*, **nu-apa* > *napa* (Ungnad, ZDMG, 74, 417 и сл.).

41. Аналогичное явление имеет место и в случаях с архаичным *ta* „и“: *taš*, *tan*, *tat*, *tuš*, *tašta* (Ungnad, ZA, NF 2, 104¹; Friedrich, ZA, NF 2, 293 и сл.), а также с редким и архаичным *šu* „и“: *šaš*, *šan*, *šuš* (Sommer, HAB, 78).

42. Перед теми же словами частица, вводимая в буквально цитируемую речь, *-ca(r)*- выступает в более полной форме *-car-*: *-caras*, *-caran*, *-carat*, *-cari*, *-caruš*, *-carašta* (Ungnad, ZDMG, 74, 421).

43. Если согласный при присоединении энклитики (независимо от того, стоит ли он в конце ударенного слова или в начале

энклитики) попадает в положение между двумя гласными, то он часто, но не регулярно, удваивается: ну „и“ + частица -šan = ну(š)šan; šunāš „вы“ + -an „его“ = šunāššan; ну „и“ + -ца (частица в цитируемой речи) + -naš „нас“ = нуца(n)naš; mān „если“ + -a „и, также“ = mānna; ɟastul „грех“ + -ma „но“ + частицы -za и -kan = ɟastulma(z)zakan; UL „не“ + -ца + -ta „тебе, тебя“ + -kan = UL-ца(t)ta(k)kan; apāš „этот, упомянутый, данный“ + -a „и“ = apā(š)ša (также вин. п. ед. ч. arūn + -a = arū(n)na и т. д.; Sommer, IF, 55, 291).

44. Если частицы -za и -šan следуют друг за другом, то они сливаются в -zan (Götze, Arch. Or., 5, 30 и сл.; произносится *ts-san: Sommer, HAB, 114*).

45. Энклитическое местоимение -ta „тебе, тебя“ непосредственно перед -za выступает в форме -tu или -du: ну „и“ + -ца + -ta + -za + -kan = нуcaduzakan (Hrozny, Spr. d. H., 127 и сл.; Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 82 и сл.).

46. а) Явление фразовой фонетики представляют также те случаи, когда в роли „и“ (для соединения отдельных слов) после согласных стоит -a, а после гласных (большей частью также после составных элементов, написанных по-аккадски, и после иноязычных имен, воспринимаемых как идеограммы) — -ja: Teli-pi-ru-ša „и Телипинус“, apāšša „и он“, но apē-ja „и они“ (им. п. мн. ч.), ka-ia „и здесь“, UL-ia „и не“ URUKar-ga-mi-š-ja „и город К.“ (Forrer, ZDMG, NF 1, 209; Sommer-Ehelolf, Pār., 28 и сл.).

б) К словам, оканчивающимся на -z, и прежде всего к аблативам, форма -ja присоединяется всегда с соединительным гласным -i: KAR-lazi-ja „и слева“, tamedazzi-ja „и от другого“, kez kezzi-ja „отсюда и отсюда“. Также встречаются единичные аблативы на -zi и без -ja: kēzzi „от этого“, kuezzi „от которого“ (Sommer-Ehelolf, Pār., 29).

47. Гаплогогические сокращения:

а) -ma „но“ + -šmaš „вам, им“ = -mašmaš может сократиться в -maš (Friedrich, OLZ, 1936, 309¹).

б) Если частица -(a)šta следует за слогами -aš, -iš, -uš, то она может утратить свой составной элемент -(a)š- и выступать просто как -ta (Sommer, HAB, 104, прим.): ну „и“ + -ца + -šmaš „им“ + -(a)šta = нуcašmašta; ^{GIŠ}KU^{HI.A}-uš-šuš „их мечи“ (вин. п. мн. ч.) + -(a)šta = ^{GIŠ}KU^{HI.A}-uššušta (2 BoTU, 23 A; II, 30). То же после -z: ну-za-ta (произносится *nu-z-sta), т. е. ну + частица -z(a) + -(a)šta; ki-e-iz-ta, ki-e-iz-za-at-ta, ki-e-iz-za-aš-ta = *kēz-sta, т. е. kēz „отсюда“ + -(a)šta.

ИМЯ

1. Словообразование

48. Мы не имеем возможности рассматривать здесь строение основ хеттских имен. Ограничимся лишь несколькими замечаниями о суффиксах имен производных.

49. Абстрактные имена образуются с помощью суффиксов:

а) -an: *ḥenkan* „судьба, смерть, эпидемия“ (*ḥink-* „уделять“), *paḥḥan* „страх“ (*paḥ-* „бояться“); возможно, также *kuššan* „награда, плата“ и *šaḥḥan* „оброк, плата за пользование землей“ (Götze, *Natt.*, 55, 91);

б) -atar: *idālaqatar* „злость, негодность“ (*idālu-* „плохой, дурной, злой“), *palḥatar* „широта“ (*palḥi-* „широкий“), *šullatar* „спор, ссора“ (*šullāi-* „спорить“), *laḥḥiatar* „поход“ (*laḥḥiia-* „отправляться в поход“) (*Hrozný, Spr. d. H.*, 72 и сл.; Götze, *Madd.*, 94 и сл.);

в) -eššar: *ašeššar* „заседание“ (*eš-* „сидеть“), *ḥanneššar* „судебное дело“ (*ḥanna-* „судить“), *palḥeššar* „широта“ (*palḥi-* „широкий“). С этим же суффиксом часто образуются и слова с конкретным значением: *urpeššar* „послание, посылка“ (*urpa-* „посылать“), *kureššar* „головная повязка“ (*kuer-* „резать“) (*Hrozný, Spr. d. H.*, 71 и сл.; Götze, *Madd.*, 62 и сл.);

г) -ašti: *palḥašti* „широта“ (*palḥi-* „широкий“), *dalugašti* „долгота“ (*daluki-* „долгий, длинный“) (*Friedrich, ZA, NF 5*, 35, с указ. лит., 77);

д) -att: *kartimmijatt-* „гнев“ (*kartimmija-* „гневаться“), *anijatt-* „выполнение, действие“ (*anija-* „выполнять, совершать“), *paḥšaratt-* „страх“ (*paḥšariia-* „бояться“) (Götze, *Madd.*, 78 и сл.);

е) -ima: *tethjima* „гром“ (*tethāi-* „греметь“), *ekunima-* „холод“ (*ekuna-* „холодный“), *ceritema-* „боязнь“ (*ceriteš-* „бояться“) (Götze, *KIF*, 1, 186 и сл.);

ж) -ul: *aššul* „добро, благо“ (*aššu-* „добрый“); см. также § 50б, 52а (*Friedrich, Meissner-Festšchr.*, 55);

з) -ur: *anur* „(религиозное) действие, обряд“ (*anija-* „выполнять, совершать“); возможно, также *kurur* „враждебный, вражда“.

50. Nomina actionis образуются с помощью суффиксов:

а) -āi-: lengāi- „клятва“ (lenk- „клясться“), ħurtāi- „проклятие“ (ħurt- „проклинать“), цаštāi- „грех“ (цаšt- „грешить“), zahħāi- „битва“ (zah- „бить“) (Sturtevant, Mēl. Ped., 57 и сл.);

б) -ul-: iṣḥiul „соединение, договор“ (iṣḥiia- „связывать“), цаštul „грех“ (цаšt- „грешить“); см. также § 49 ж и 52 а;

в) -ṣha-: dammeṣha- „вред“ (dammeṣḥai- „вредить“), unuцаṣha- „украшение“ (unuцаi- „украшать“); возможно, также teṣha- „сон“ (Götze, KIF, I, 178 и сл.);

г) -zel-: ṣarnikzel „искупление, возмещение“ (ṣarnink- „искупать, возмещать“).

51. Nomina actoris образуются с помощью суффиксов:

а) -tara-: ceštara- „пастух“ (ceṣṭia- „пасти“) (Sommer, Heth., II, 60 и сл.);

б) -talla-: arṣanatalla- „завистник“ (arṣanīa- „завидовать“), uṣkiṣkatalla- „наблюдатель“ (uṣkiṣk- „посматривать“) (Hrozný, Spr. d. Heth., 56);

в) -ala-: auriiala- „пограничный страж“ (auri- „пограничная стража“), iṣpantuzziāla- „виночерпий“ (iṣpantuzzi- „сосуд для вина“); см. также § 54а (Tenner, Ein heth. Annalertext, 24).

52. Nomina instrumenti образуются с помощью суффиксов:

а) -ul-: šeṣarul „сито“ (šeṣariia- „цедить“; Friedrich, Meißner-Festschr., I, 55); см. также § 49 ж, 50 б.

б) -uzzi-: iṣḥuzzi- „лента, пояс“ (iṣḥiia- „связывать“), laḥḥar-nuzzi- (разновидность жертвенника) (Götze, KIF, I, 200 и сл., с указ. лит.);

в) -alli-: kuttanalli- „ожерелье“ (kuttar „затылок, плечо“), ḥarṣanalli- „венок“ (ḥarṣan- „голова“) (Friedrich, ZA, NF 2, 275).

53. а) С суффиксом -ant- образуются прежде всего собирательные имена: udneiant- „страна“ наряду с приблизительно равнозначимым udne, tuzzi- и tuzzijant- „войско“, antuḥsatar и antuḥṣannant- (<*antuḥsatnant-; § 36 а) „население“ (Friedrich, Staatsv., I, 85 и сл.).

б) Обычно, однако, производные на -ant- более не отличаются по значению от своего основного слова: rarna- и rarnant- „дом“, peruna- и perunant- „скала“, kašt- и kiṣtant- „голод“, ḥilammar и ḥilamnant- „портал, входная часть храмового здания“.

в) Также с суффиксом -ant- образуются и слова от прилагательных: dapiia- и dapiiant- „целый“, daṣṣu- и daṣṣuant- „сильный“, irmala- и irmalant- „больной“ (Friedrich, Staatsv., I, 80).

54. Прилагательные образуются с помощью суффиксов:

а) -ala-: genzuāla- „дружеский, любезный“ (genzu „склонность“), tuāala- „отдаленный“ (tuāa- „далеко“); см. также § 51 в;

- б) -ili-: karuili- „старый“ (karu „раньше“);
 в) -çant-: kartimmiāçant- „гневный“ (kartimmiā- „гневаться“), kištuçant- „голодный“ (kašt- „голод“), также areniššuçant- „такой“ от areniššan „так“ (Forrer, RHA, 1, 152);
 г) -zi- в образованиях типа сравнительных: ħantezzi- „передний, первый“ (ħant- „передняя сторона“), appezzi- „задний“ (appa „сзади, назад“), šarazzi- „верхний“ (šarā „вверх“); см. § 95.

55. Хотя женский род грамматически и не отделен от мужского (§ 59), однако в языке имеется суффикс (повидимому, заимствованный из „протохаттского“) -šara-, с помощью которого išħaššara- „госпожа“ отличается от išħā- „господин“ (Ehelolf, ZA, NF 9, 184 и сл.)

56. С суффиксом -umna- (-uma-) образуются прежде всего имена по месту происхождения: ^{URU}Ĥattušumna- „человек из Хаттуша“, ^{URU}Palāumna- „человек из Пала“, ^{URU}Luiumna- „лувиец“ (Hrozný, С. Н., 16⁵, с указ. лит.; Sommer, HAB, 169 и сл.).

57. В именах встречаются удвоение и повторение: ħalħaltu-çari- „краеугольный камень“, titita- „нос“, duddumi- „глухой“, meṣal „крупа, каша“, ħaršiħarši „гроза“, çariçarant- наряду с çarant- „горящий, пылающий“, акиçакиçа- „лягушка (?)“.

58. Сложные слова встречаются очень редко: da-iuga- „двухлетний“, ħuħħa-ħanna- „дед и бабушка“ (Friedrich, AiOr., 4, 95); возможно, название птицы pittar-palḫi-, если действительно „ширококрылый“ (Friedrich, ZA, NF 5, 36).

2. Склонение

59. В хеттском языке различаются два рода — общий (genus commune — мужской-женский, личный род), в котором древние мужской и женский род совпали (Pedersen, Hitt., § 8—12), и средний (genus neutrum — неличный род).

60. Имеются два числа: единственное и множественное. Возможные остатки двойственного числа, например šakuça „глаза“, склоняются как множественное число.

61. Падежей в языке шесть: именительный, винительный, родительный, дательный-местный, аблатив и творительный. Большинство падежных форм правильно определено еще Грозным (Spr. d. H.). Литературу относительно аблатива см. Friedrich, Neth., 28. Относительно употребления падежей см. § 213—229.

62. Обзор падежных окончаний (Pedersen, Hitt., § 13 и сл.):

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им. общ.	-š (-s)	-eš, -uš, -aš ³
Вин. общ.	-n	-uš
Им.-вин. ср.	—, -n ¹	—, -a, -i
Род.	-aš (редко -s ²),	-aš, -an
Дат.-местн.	-i, -a (—?), -ai	-aš
Абл.	-az(a)	-az(a)
Твор.	-it	-it

63. Наряду с этим встречается иногда еще старая неконтрагированная форма дательного-местного падежа на -ai: ¹Labarnai „Лабарне“, tagnai „к земле“, ḥaššannai „роду (ḥaššatar)“ (Sommer-Ehelolf, Pap., 75³; Sommer, HAB, 21).

64. а) Обычно форма дательного-местного падежа оканчивается на -i. Как местный падеж (но не как дательный) нередко встречаются также формы на -a: aruna наряду с aruni „к морю“, rarna и rarni „в доме“ (с притяжательными местоимениями всегда rap-pašša „в своем доме“, rapnanna „в моем доме“), laḥḥa и laḥḥi „в поход“, gimri и gimra „в поле“ (Sommer, HAB, 70, 94, 144, 187).

б) У основ на -i- мы находим -ia: tuzziia „к войску“, ḥuḥaššia (наряду с ḥuḥaši) „к межевому камню“, ḥulukanniia (наряду с ḥulukanni) „в носилках“ (Sommer-Ehelolf, Pap., 11).

в) Можно предполагать (но без уверенности) наличие формы без окончания для дательного-местного падежа единственного числа у основ на согласный: Ê-ir „в доме“ (Ges., § IX; Sommer, HAB, 96).

65. Аблатив единственного числа оканчивается иногда также на -anza: luttanza „из окна“, nepišanza „с неба“, ḥaššannanza „из рода“ (ḥaššatar) (§ 33).

66. Творительный падеж единственного числа оканчивается иногда на -ta: kiššarit и kiššarta „рукой“, uetenit и иногда uedanda „водой“, ištamanta „ухом“ (Ehelolf, IF, 43, 316 и сл.; возможно, его следует объяснить по § 25 а).

67. Именительный и винительный падежи множественного числа имеют тенденцию к взаимному уравниванию (Friedrich, ZA, NF 5, 34 и сл.):

¹ Sommer, AU, 164.

² -s только в род. п. ед. ч. UD-az = *UD-at-s (§ 80), а также в nekuz meḥur „вечер“, собственно „время (meḥur) вечера (*nekut-s)“. Формы родительного падежа древнего языка ¹Nunnuš и ¹Taruḥšuš объясняются по § 17а.

³ Friedrich, Staatsv., I, 36 и сл.

а) именительный падеж множественного числа выступает как винительный: *paḡaḡeš* „высокие“ (КВз, IV, 4; IV, 30), *ḥupruḥeš* „алтари“ (КВз, V, 2; IV, 29), *daḷuḡaeš* „длинные“ (XXI, 27; III, 35, 33);

б) винительный падеж множественного числа выступает как именительный: *paḡanduš* „загнанные, гонимые“ (I, 11; IV, 22; I, 13; II, 15 и многократно в „Лошадиной книге“), *daḡauš* „другие“ (Hatt., I, 33).

68. У родительного падежа множественного числа (и родительного падежа единственного числа) встречается также старое окончание -an: *šūnan* „богов“, *ŠEŠ^{MEŠ}-na* *SAL + KU^{MEŠ}-na* *ištarna* „(как) между братьями, так (между) сестрами“, *IR^{MEŠ}-ammaṇ* < **IR^{MEŠ}-an-ṇan* „моих слуг“, *LUGAL-an* „царя“, *LU^UKUR-an* „врага“, *Labarnan* „Лабарны“ (Ehelolf, ZA, NF 9, 173 и сл.; Sommer, HAB, 256).

69. Основы на -a- (и -ā-)

а) Существительные

Общ. р.: *antuḥša-* „человек“, *atta-* „отец“, *anna-* „мать“, *aruna-* „море“, *tešḥa-* „сон“, *išḥā-* „господин“ (Sommer, *Aḥḥija-vāfrage* u. *Sprachw.*, 83 и сл.; Pedersen, *Hitt.*, § 28).

Ср. р.: *pēda-* „место“.

Ед. ч.	Общий род				Средний род	
Им.	<i>antuḥšaš</i>	<i>attaš</i>	<i>annaš</i>	<i>išḥāš</i>	<i>arunaš</i>	<i>tešḥaš</i> <i>pēdan</i>
Вин.	<i>antuḥsan</i>	<i>attan</i>			<i>arunan</i>	<i>tešḥan</i> <i>pēdan</i>
Род.	<i>antuḥšaš</i>	<i>attaš</i>	<i>annaš</i>		<i>arunas</i>	<i>pēdaš</i>
Дат.-местн.	<i>antuḥši</i>	<i>atti</i>	<i>anni</i>	<i>išḥī</i>	<i>aruni</i> (<i>aruna</i>)	<i>pēdi</i>
Абл.	<i>antuḥšaz</i>				<i>arunaz</i>	<i>tešḥaz</i>
Твор.						<i>tešḥit</i>
Мн. ч.						
Им.	<i>antuḥšeš</i> (<i>antuḥšuš</i>)	<i>adduš</i> (<i>attiš</i> , <i>addas</i>)	<i>anniš</i>	<i>išḥeš</i>		
Вин.	<i>antuḥšuš</i>	<i>attus</i>	<i>annuš</i>		<i>arunuš</i>	<i>tešḥuš</i>
Род.	<i>antuḥšaš</i>					
Дат.-местн.	<i>antuḥšaš</i>	<i>attaš</i>		<i>išḥāš</i>		

70.

Основы на -а-

б) Прилагательные

Прилагательные склоняются так же, как и существительные. В отношении чередования окончаний -an и -a в именительном-винительном падеже единственного числа среднего рода никакого правила не установлено:

dannatta- „пустой“, araḥzena- „соседний“, kunna- (ZAG-(n)a-) „правый“, marša- „плохой“, дурной“.

Ед. ч.

Им. общ.		araḥzenaš	kunnaš	maršaš
Вин. общ.	dannattan	araḥzenan	ZAG-an	maršan
Им.-вин. ср.	dannattan (dannatta)		kunnan (ZAG-na, ZAG-an)	marša
Род.		araḥzenaš	ZAG-naš	maršaš
Дат.-местн.	dannatti	araḥzeni	kunni	
Абл.		araḥzenaza	kunnaz (ZAG-naz (a))	
Твор.			ZAG-(n)it	

Мн. ч.

Им. общ.	dannatteš	araḥzeneš (araḥzenaš)
Вин. общ.		araḥzenuš (araḥzenaš)
Им.-вин. ср.	dannatta	araḥzena
Род.		
Дат.-местн.	dannattaš	

71.

Основы на -i-

а) Существительные

Общ. р.: ḥalki- „(зерновой) хлеб“, tuzzi- „войско“, tuli- „заседание суда“, ḥulukanni- „носки (?)“, ḥalḥaltumari- „краеугольный камень“.

Ср. р.: ḥuṣaši- „межевой камень“, išpantuzzi- „сосуд для вина“.

Общий род

Ед. ч.

Им.	ħalkiř	tuzziř	ħulukanniř
		(tuzziiař ¹ , KBo, II, 5; II, 13)	
Вин.	ħalkin	tuzzin	tuliian ¹ ħulukannin
Род.	ħalkiiař	tuzziiař	
Дат.- местн.		tuzziia	tuliia ħulukanni(ia) ħalħaltumari(ia)
Абл.		tuzziiaz	ħulukanniiaza
Твор.	ħalkit		ħulukannit

Мн. ч.

Им.	ħalkēř	ħalħaltumarēř
Вин.	ħalkiuř	tuzziuř
Род.		ħalħaltumariiař
Дат.- местн.		ħalħaltumariiař

Средний род

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.-вин.	ħuuaři	iřpantuzzi	ħuuaři
Род.	ħuuařiiař	iřpantuzziiař	
Дат.-местн.	ħuuařiia (ħuuaři)	iřpantuzzi(ia)	
Абл.	ħuuařiiaz	iřpantuzziiaz	
Твор.		iřpanduzzit	

72.

Существительные на -ai-

а) Склоняются с чередованием гласных (Ablaut; § 18): lengaiř „клятва“, вин. п. ед. ч. lengain, но род. п. ед. ч. linkiiař (Sommer, AU, 356; Stürtevant, Mél. Ped., 57 и сл.; Pedersen, Hitt., § 32).

б) Встречаются единичные образования по аналогии, как, например, lengaiiař по именительному и винительному падежу единственного числа или, наоборот, вин. п. ед. ч. zaħħin по родительному падежу единственного числа (Sommer, AU, 356).

73. Общ. р.: zaħħai- „битва“, lengai- „клятва“, zařħai- „сон“. Ср. р.: ħařtai- „кость“.

¹ Образование по аналогии с основами на -a-.

Ед. ч.		Общий род		Средний род
Им.	zaḥḥaiš			ḥaštai
Вин.	zaḥḥain (zaḥḥin ¹)	lingain	zašḥain	ḥaštai
Род.	zaḥḥiaš	linkiaš (lingaiaš ²)		
Дат.-местн.	zaḥḥia	linkia (lengai)	zašḥia	ḥaštai
Абл.	zaḥḥiaz(a)	linkiaz(a)	zašḥiaz	
Твор.			zašḥit	ḥaštit
<i>Мн. ч.</i>				
Им.				
Вин.		lingauš ³		
Род.				ḥaštiaš

74.

Основы на -i-

б) Прилагательные

а) Склонение прилагательных с основами на -i- и -u- отличается от склонения существительных тех же основ присоединением **а** перед падежными окончаниями во всех падежах, за исключением именительного, винительного и творительного падежей единственного числа (Sommer-Ehelolf, Рар., 75 и сл.).

б) Единичные формы без этого **а** представляют собой образования по аналогии с существительными.

75. šalli- „большой“, šuppi- „чистый“, mekki- „многий“, nakki- „тяжелый, важный“, karūili- „старый“.

Ед. ч.

Им. общ.	šalliš	šuppiš	mekkiš	nakkiš	karūiliš
Вин. общ.	šallin			nakkin	karūilin
Им.-вин. ср.	šalli	šuppi	mekki	nakki	karū(i)li
Род.	šallajaš (šallaš ⁴)	šuppaiaš			karūilijaš
Дат.-местн.	šallai	šuppai (šuppi)			
Абл.	šallajaz	šuppaijaz(a) (šuppaz(a) ⁴ , šuppijaz)	meqqajaz		karūilijaz
Твор.		šuppit		nakkit	

¹ KBo, V, 6; III, 29; KUB, IV, 1; III, 14. См. § 72б.

² KBo, IV, 4; IV, 60, 68; KUB, XIV, 17; II, 13. См. § 72б.

³ Не ясно zašḥimuš (VII, 5; IV, 6; VII, 53; III, 17).

⁴ § 15.

Мн. ч.

Им. общ.	šallaēš	šuppaēš	meggaēš	nakkēš	karū(i)lēš (karuiliuš)
Вин. общ.	šallauš	šuppauš	meggauš (mekkuš)		
Им.-вин. ср.	šalla	šuppa	meggaia		karūila
Род.			meqqaiaš		(2 Pestge- bet, § 3)
Дат.-местн.	šallaiāš	šuppaiāš (šuppiāš)			karūiliāš
Абл.		šuppaiāza			

76.

Основы на -и-

а) Существительные

Общ. р.: ħeu- „дождь“, kutru- „свидетель“.

Ср. р.: genu- „колено“.

Общ. и ср. р.: ħarnau- „ложе родильницы“, ɟellu- „луг“.

	Общий род	Средний род	Общий и средний род
Ед. ч.			
Им.	ħeuš		ħarnauš ɟelluš
Вин.	ħeun		ħarnain ³ ɟellun
Им.-вин. ср.		genu	ħarnau ɟellu
Род.	ħeuaš (ħeiauaš ²)		ħarnauaš
Дат.-местн.		kutruī	ħarnaɟi ɟellui
Абл.			
Твор.		ganut(?)	(Ehelolf, IF, 43, 317 ³)

Мн. ч.

Им.	ħeueš	kutruēš	
Вин.	ħeuš		
Им.-вин. ср.			genuɟa
Род.			genuɟaš
Дат.-местн.			genuɟaš
Абл.			giniɟaz

О единичных формах родительного падежа единственного числа на -uš вместо -ицаš см. 17а.

¹ § 676.² XXV, 23; IV 52. Возможно, образование по аналогии с прилагательными.³ Образование по аналогии с основами на -i-.

77.

Основы на -и-

б) Прилагательные

а) Так же как и в склонении прилагательных с основой на -i-, перед падежными окончаниями здесь появляется **а** (Sommer-Ehelolf, Пар., 75 и сл.).

б) Формы, встречающиеся иногда без этого **а**, также представляют собой образования по аналогии с существительными; особенно это понятно для аššu- „добрый“, поскольку форма ср. р. аššu употребляется как существительное со значением „добро, имущество“ (Sommer, НАВ, 69).

78. аššu- „добрый“, parku- „высокий“, idālu- „злой“.

	Ед. ч.			Мн. ч.		
Им. общ.	аššuš	parkuš	idaluš	аššaуēš	pargaуēš (pargauš ¹)	idāлауēš
Вин. общ.	аššun	parkun	idālun		pargauš (pargamuš ²)	idālamuš
Им.-вин. ср.	аššu	parku	idālu	аššaуа		idāлауа
Род.	аššaуаš					idāлауаš
Дат.-местн.	аššaуи (аššui)	pargaуе	idāлауи		pargaуаš	idāлауаš (idāлауаš)
Абл.		pargaуаз	idāлауаз			

79. Основу на гласный представляет собой также -udnē- (ср. р.) „страна“. Склонение этого слова, сходное со склонением основ на -i-, приводим отдельно:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.-вин.	udnē	udnē
Род.	udneаш (udnijaш)	
Дат.-местн.	udne (udnija)	ҚUR-еаш
Абл.	udnēаз	

80.

Основы на -t(t)-

Общ. р. kartimmijatt- „гнев“, duškaratt- „радость“, anijatt- „выполнение, деяние“ (также ср. р.), kašt- „голод“, ɯett- „год“ [идеограмма MU (.ҚАМ)], šiɯatt- „день“ [также ср. р.; идеограмма UD (.ҚАМ)] (Götze, Madd., 78 и сл.; Ehelolf, ZA, NF 9, 181 и сл., с указ. лит.).

¹ КВо, III, 8; III, 22. См. § 67б.

² § 19б.

Ед. ч.

Им.	kartim- dušgaraz	anijaz	kašza ³	MU.ḲAM-za	UD-az ¹
Вин.	kartim- dušgara-	anijattan	kaštan	MU-an	UD.ḲAM-an
	miḷattan	ttan			

Им.-

вин. ср.

Род.	tuškarattaš	anijattaš	MU.ḲAM-aš	UD-at	UD-aš
					(UD-az ⁵)

Дат.-

местн.

Абл.	duška-	anijatti	kašti	ḡitti	šiqatti
	rattazza			MU.ḲAM-za	UD.ḲAM-az

Твор.

kaštita

Мн. ч.

Им.				MU ^{HI.A} -uš ⁴	UD.ḲAM ^{HI.A} -uš ⁴
-----	--	--	--	-------------------------------------	---

Вин.	kartim- miḷadduš
------	---------------------

MU^{HI.A}-uš UD^{HI.A}-uš

Им.-

вин. ср.

anijatta²

Род.

MU^{HI.A}-aš

Дат.-

местн.

anijattaš

MU^{HI.A}-aš UD^{HI.A}-aš

81.

Основы на -nt-

ḡumant- „каждый, всякий“, appant- „пленный, пойманный“, ḡandant- „установленный, прилаженный“, ḡuišqant- „живущий, живой“ (и все остальные причастия).

Ед. ч.

Им. общ.	ḡumanza	appanza	ḡandanza (ḡaddanza ⁶)	ḡuišqanza
Вин. общ.	ḡumantan	appantan		ḡuišqandan
Им.-вин. ср.	ḡūman		ḡandan	
Род.	ḡumandaš		ḡantandaš	
Дат.-местн.	ḡumanti		ḡandānti	ḡuišqanti
Абл.	ḡumandaz (ḡumantaza)			
Твор.	ḡumantet			

¹ § 28а.² Переход в средний род.³ § 25а.⁴ § 67б.⁵ § 62, прим. 2.⁶ § 32.

Мн. ч.

Им. общ.	hūmanteš	appanteš	handanteš	huišyanteš
Вин. общ.	humanduš (hūmanteš ¹)			huišyanduš (hušyanduš ³)
Им.-вин. ср.	hūmanda	appanti ²		
Род.	hūmandaš			
Дат.-местн.	humandaš			

82.

Основы на -п-

Частично с аблаутом (§ 18): hēnkan- „смерть“, šaḥḥan- „плата за пользование землей“, lām(a)p- „имя“, tekan- (tagṇ-) „земля“. Все основы среднего рода.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.-вин.	hēnkan	šaḥḥan	lāman	tekan	
Род.	hīnganaš	šaḥḥanaš		tagṇāš	
Дат.-местн.	hīngani	šaḥḥani	lamni	tagṇī (tagṇa ⁴)	lamnaš
Абл.	hīnganaz	šaḥḥanaz(a)		tagṇāz(a)	
Твор.		šaḥḥanit	lamnit		

Основу на -п- общего рода представляет собой SAL-п- „женщина“.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.	SAL-za	
Вин.	SAL-nan, SAL-an	SAL ^{MEŠ} -uš
Род.	SAL-naš, SAL-aš	
Дат.-местн.	SAL-ni, SAL-i	SAL ^{MEŠ} -aš
Абл.	SAL-annaza (XXIV, 13; II, 15)	

О звуковом облике этого всегда идеографически представляемого слова нам почти ничего неизвестно. Гёце и Педерсен (Murš. Sprachl., 65) пытаются на основе этимологических заключений реконструировать из форм род. п. (?) ед. ч. (?) SAL-ú-i-na-aš (IX, 39; I, 2) и вин. п. ед. ч. SAL-ú-i-na-an (XXX, 15; I, 28) основу kuin-, но это весьма сомнительно; скорее, мы имеем здесь темное по своему значению слово šalṣina-.

¹ КВо, IV, 13; VI, 13 и сл. См. § 67а.

² КВо, III, 4; IV, 20. См. § 62.

³ § 16.

⁴ § 64а (Sommer-Ehelf, Pāp., 67).

83.

Основы на -l-

Существительные (все среднего рода): цаštul „грех“, išhiul „договор“, тацал „какой-то напиток“, тајазил „кража“.

Прилагательные: takšul „дружественный“.

Существительные

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.-вин.	цаštul	išhiul	тацал	тајазил	цаšdul ^(H.L.A.)	išhiula
Род.	цаštulaš	išhiulaš	тацалаš	тајазилаš		
Дат.-местн.	цаštuli		тацали			
Абл.		išhiullaza				
Твор.	цаšdulit		тацалит			

Прилагательные

Ед. ч.

Мн. ч.

Им. общ.	takšul	
Вин. общ.		
Им.-вин. ср.	takšul	takšul
Род.	takšulaš	
Дат.-местн.	takšuli	

84.

Основы на -r-

Прилагательные: kurur „враждебный“ (существительное ср. р. „вражда“), šakuцаššar „правильный“.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им. общ.	kurur	šakuцаššaraš	kurur	šakuцаššaruš ²
Вин. общ.		šakuцаššaran		
Им.-вин. ср.	kurur	šakuцаššar	kurur(i) ¹	šakuцаššari ¹
Род.	kururaš	šakuцаššaraš	kururaš	
Дат.-местн.	kururi			
Абл.		šakuцаššaraza		
Твор.		šakuцаššarit		

¹ Götze, Murš.-Ann., 223.

² § 676.

85.

Основы на -r/n-

Эта группа основ, известная другим индоевропейским языкам лишь в виде отмирающих пережитков (лат. femur, feminis „бедро“, др.-инд. ūdhar, uddanas „вымя“), в хеттском языке является еще очень живой и продуктивной (Hrozný, MDOG, 56, 24 и сл.; он же, Spr. d. H., 64 и сл.). Все относящиеся сюда основы среднего рода.

Для лучшей наглядности мы различаем следующие подгруппы:

86. а) Отдельные имена, частично с аблаутом, частично без него

uttar „слово, дело“, ešhar „кровь“, lammar „час“, dātar „вода“, paḥḥu(ца)r „огонь“, meḥur „время“.

Ед. ч.

Им.-вин.	uttar	ešhar (ešsar ¹)	lammar	dātar	paḥḥu(ца)r ²	meḥur
Род.	uddanaš	ešhanaš (ešnaš)		detenaš	paḥḥuenaš	meḥunaš
Дат.-местн.	uddani	ešhani	lamni	deteni	paḥḥu(e)ni ⁴	meḥu(e)ni ⁴
Абл.	udda- naz(a)	ešha- naz(a)		detenaz(a)	paḥḥu(e)- naz(a)	
Твор.	uddanit	ešhanta ²		detenit (dedanda ²)	paḥḥuenit	

(uddanta; XXX, 10; I, 18 и сл.; § 66)

Мн. ч.

Им.-вин.	uddār	ūidār	
Род.	uddanaš		
Дат.-местн.	uddanaš		meḥunaš

87.

б) Абстрактные на -ātar и -tar

parprātar „запятнание, осквернение“, šullātar „спор, ссора“, laḥḥijātar „поход“, zankilātar „возмещение, наказание, штраф“, ḥuitar „животный мир“ (все с аблаутом, -tn- почти всегда ассимилировано в -nn-; см. § 36a).

¹ § 30.

² § 66.

³ § 17a.

⁴ § 16.

Ед. ч.

Им.-вин.	paṛrātar	šullātar	laḥḥijātar	zankilātar	ḥuitar
Род.	paṛannaš				ḥuitnaš
Дат.-местн.	paṛanni	šullanni	laḥḥijanni	zankilanni	
Абл.	paṛan-naz(a)	šullan-naz(a)			
Твор.					ḥuitnit

Мн. ч.

Им.-вин.				zankilātar(ri) ^{HI.A1}	
----------	--	--	--	---------------------------------	--

88. в) Абстрактные на -eššar

Также регулярно имеют аблаут: ḥanneššar „судебное дело“, urpeššar „послание, посылка“.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.-вин.	ḥanneššar	urpeššar	urpeššar ^{HI.A1}	(urpeššarri ^{HI.A1})
Род.	ḥannešnaš			
Дат.-местн.	ḥannešni	urpešni		
	(ḥannaššani ²)			
Абл.	ḥannešnaz			
Твор.	ḥannešnit			

89.

г) ⁷ Слова на -цаг

Также с аблаутом; до сих пор засвидетельствованы только в единственном числе: ašaṣar „загон для скота“, partaṣar „крыло“.

Им.-вин.	ašaṣar	partaṣar ⁱ
Род.		partaṣnaš
Дат.-местн.	ašauni	
Абл.	ašaunaz	
Твор.		partaṣunit

90. С этой группой не следует смешивать склоняемый инфинитив, о котором см. § 203—205.

91. Различные основы на согласные

nepiš „небо“, aiš „пот“ (§ 18; Sommer, Hirtfestschr., II, 291 и сл.), išgaruḥ „сосуд для вина“. Все эти слова среднего рода, до сих пор засвидетельствованные только в единственном числе.

¹ Götze, Murš.-Ann., 223.

² КВо, III, 6; I, 34. См. § 11a, 27.

Им.-вин.	periš	aiš	išqaruḥ
Род.	perišaš	iššaš	
Дат.-местн.	periši	išši	išqaruḥi
Абл.	perišaz(a)	iššaz	
Твор.		iššit	išgaruḥit

92. Смешение различных классов склонения.

а) Слова: *memiia(n)*- „слово“, *arkamma(n)*- „дань“, *ḥara(n)*- „орел“ (все общего рода) склоняются то как основы на -а-, то как основы на -п- (литературу см. Friedrich, Heth., 28; Pedersen, Hitt., § 35).

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Им.	<i>memiiaš</i>	<i>arkammaš ḥaraš</i>		
Вин.	<i>memiian</i>	<i>arkamman ḥaranan</i>	<i>memiiaš</i> (<i>memiia-</i> <i>nuš</i>)	<i>arkammuš</i> (<i>argama-</i> <i>nuš</i>)
Род.	<i>memiianaš</i>	<i>arkamma- ḥaranaš</i> <i>naš</i>		
Дат.-местн.	<i>memiiani</i> (<i>memini</i> ¹)			
Абл.	<i>memiianaz</i> (<i>meminaz</i> ¹)			

б) Со склонением этой группы можно сопоставить смешение основы на -г-: *pir* (Ē-ir) „дом“ (по § 84) с основой на -п-: *parn*- „дом“ (Ehelolf, Za, NF 185¹; Sommer, HAB, 111, 144):

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.-вин. ср.	Ē-ir, <i>pir</i>	Ē-ir (Sommer, HAB, 111)
Род.	<i>parnaš</i>	
Дат.-местн.	Ē-ri, <i>parni</i> , <i>parna</i> (Ē-na)	<i>parnaš</i> (Ē-naš)
Абл.	Ē-irza, <i>parnaza</i>	

в) Неясное как по типу строения основы, так и по значению сочетание *ḥašša ḥanzašša* „внук и правнук“ (?) склоняется также несколько необычно (Friedrich, Staatsv., I, 165 и сл., 181; II, 36 и сл.).

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	<i>ḥašša ḥanzašša</i>	<i>ḥaššeš ḥanzaššeš</i> (Sommer, HAB, 152)
Вин.	<i>ḥašša ḥanzašša</i>	<i>ḥaššuš ḥanzaššuš</i> , <i>ḥaššaš ḥanzaššaš</i>

¹ § 14a.

Дат.-местн.	ḥašši ḥanzašši ḥaššaš-šaš ḥanzaššaš-šaš (с притяжательным местоимением)
Твор.	ḥaššet ḥanzaššit

93. Иноязычные влияния в хеттском склонении.

а) Относительно склонения имен собственных по аккадскому типу см. § 347.

б) В хеттском контексте иногда встречается лувийская форма винительного падежа множественного числа на -anza: pīntanza „вёсла (?)“ (Sommer, см. у Friedrich, Za, NF 5, 57), SAL^{меж} dammaranza „женщины-dammara“ (Sommer, AU, 280⁺, 304).

в) Хуррийский направительный падеж на -ta (например, ¹Ma-neta „к Мане“; Messerschmidt, Mitanni-Studien, 1899, S. 7) встречается в хеттском языке у слов хуррийского происхождения как дательный-местный падеж единственного числа на -ti (-tī): uzu-ḥri- „трава“, uzuḥriti „на траву, на дерн“ (Sommer, OLZ, 1939, 623, 687 и сл..)

3. Способы выражения степеней сравнения

94. Особых суффиксов для выражения степеней сравнений (как это имеет место в других индоевропейских языках) в хеттском языке в общем не существует; сравнение выражается обычно с помощью синтаксических средств, как в семитических языках или же в египетском (§ 232 и сл.).

95. а) Суффикс сравнительной, вернее, превосходной степени -zi- (Sommer, см. у Götze, Hatt., 91) сохранился только в словах: ḥantezzi- „передний, первый“, appezzi- „задний, последний“, ša-gazzi „верхний“, а также в šanezzi- „хороший, сладкий“ (Ehelolf, OLZ, 1933, 4 и сл.; см. § 54г).

б) Иначе образовано, но с той же функцией, kattera- „нижний“.

96. kattera- склоняется как прилагательное с основой на -a-; остальные — частично как существительные с основой на -i- (Sommer, HAB, 94⁴), частично же как основы на -ja-; см. следующую парадигму:

Ед. ч.

Им. общ.	ḥantezziš	appezziš	šarazziš	šanezziš	katterraš
	(ḥantezzi- aš)	(appezzi- aš)			
Вин. общ.	ḥantezzin	appezzin		šanezzin	katteran
	(ḥantezzi- an)	(appezzi- an)			

Им.-вин. ср.	ḥantezzi	EGIR-zi	šarazzi	šanēzzi	kattera
Род.	ḥantezzijaš				
Дат.-местн.	ḥantezzi	appizzija	šarazzi		katteri
Абл.	ḥantezzijaz	appizzijaz	šarazzijaz	šanizzijaz	
Твор.				šanizzit	

Мн. ч.

Им. общ.	ḥantezzēš	appizzēš	UGU-azziš		katterruš
	(ḥantez- ziuš ¹)		(UGU-azzi- uš)		
Вин. общ.	ḥantezziuš			šanizziuš	
Им.-вин. ср.				šanizzi	
Род.					
Дат.-местн.	ḥantezzijaš				

МЕСТОИМЕНИЕ

1. Личные местоимения

97. а) Ударенные формы 1-го и 2-го лица (Hroz-
ný, Spr. d. H., 97—119; С. Н., 157):

	„Я“	„ТЫ“	„МЫ“	„ВЫ“
Им.	uk (ugga), ammuk	zik (zigga, ziqqa)	uēš (anzāš)	šumēš (šumāš)
Вин.	ammuk (am- tugga, ammuqqa)	tuk (tugga, tuqqa)	anzāš	šumāš (šumēš)
Род.	ammēl	tuēl	anzēl	šumēl (šumēn- zan)
Дат.-местн.	ammuk (uga, tuk (tuga) uqqa)		anzāš	šumāš (šumēš)
Абл.	ammēdaz(a) (ammētaz(a))	tuēdaz (tuētaz(a))	anzēdaz (anzidaz(a))	šumēdaz

98. В древнем языке в качестве именительного падежа употребляются только формы uk, uēš и šumēš; формы ammuk, an-
zāš и šumāš — лишь в качестве дательного и винительного паде-
жей. В языке „Нового царства“ формы винительного падежа
выступают также в роли именительного, так что формы uk и
uēš оказались почти вытесненными. Встречающееся употребление
формы им. п. šumēš также в роли винительного соответствует
аналогичному употреблению именных форм (§ 67a). Благодаря

¹ XXI, 27; I, 16. См. § 676.

тождественности местоименного винительного падежа с дательным форма *šumēš* проникает затем и в дательный падеж (XXVI; 12; II, 25). Как параллель этому встречается также употребление формы *uga* в качестве дательного падежа (Sommer, AU, 33); *zik* и *tuk* никогда друг с другом не смешиваются.

В древнем языке встречается только *šumenzan* „vestri“ (род. п. 2-го лица мн. ч.); формы *šumēl* и *anzēl* представляют собой позднейшие новообразования (Sommer, HAB, 77).

99. В качестве ударенного местоимения 3-го лица служит *arā-* „is“ (§ 118 и сл.).

100. Суффикс *-il(a)* выражает наше „сам“: *ukila* „я сам“, *zī-kila* „ты сам“, *arāšila* „он сам“ (с показателем вин. п. мн. ч. *arāšiluš*), *šumāšila* „вы сами“ (Sommer, Heth., II, 48; Sommer, HAB, 141³).

101. б) Энклитические формы дательного и винительного падежей (Hrozný, Spr. d. Heth., 120 до 133):

- <i>mi</i> „мне, меня“	- <i>naš</i> „нам, нас“
- <i>ta</i> (перед- <i>za</i> дает- <i>du</i> ; § 45) „тебе, тебя“	- <i>šmaš</i> „вам, вас“
- <i>ši</i> „ему, ей, себе“ (только дат. п.)	- <i>šmaš</i> „им“ (только дат. п.)

102. Примеры с *pi* „и“: *pi-mi* „и мне, меня“, *pi-tta* „и тебе, тебя“ (§ 43), *pi-šši* „и ему“, *pi-nnaš* „и нам, нас“, *pi-šmaš* „и вам, вас, и им“.

103. в) Возвратное местоимение выражается при помощи соответствующего личного местоимения или же посредством частицы *-za* (§ 252 и сл.).

104. г) Энклитическая местоименная основа *-a-* „он, она, оно“. Для именительного и винительного падежей местоимений 3-го лица существуют особые энклитические формы от основы *-a-*, которые выступают в общей парадигме с формами *-ši* „ему“ и *-šmaš* „им“ (§ 101; Hrozný, Spr. d. H., 141 и сл.):

Ед. ч.

Мн. ч.

Им. общ.	- <i>aš</i>	древнее - <i>e</i> , позднее - <i>at</i>
Вин. общ.	- <i>an</i>	древнее - <i>uš</i> , позднее - <i>aš</i>
Им.-вин. ср.	- <i>at</i>	- <i>at</i> (древнее - <i>e</i>)

105. Для именительного падежа множественного числа общего рода в древнем языке сохранилась индоевропейская форма местоименного именительного падежа множественного числа

мужского рода в виде $-e < *oi$; в языке „Нового царства“ вместо нее выступает форма единственного, а затем и множественного числа ср. р. $-at$ (Friedrich, ZA, NF 2, 289 и сл.).

106. *pu* „и“, так же как и архаическое *ta* „и“ и *šu* „и“ (§ 320), сочетаясь с этими формами, дают, согласно § 40 и сл., *p-aš*, *t-aš*, *š-aš* „и он, она“, *p-at*, *t-at* „и оно“, *p-an*, *t-an*, *š-an* „и его, ее“, *p-e*, *š-e*, *p-at* „и они“ (им. п. мн. ч.), *p-uš* (*p-aš*), *t-uš* (*t-aš*), *š-uš* (*š-aš*) „и их“ (вин. п. мн. ч.).

107. В сочетании с *pu* и частицей в цитируемой речи $-ца(r)$ (§ 292 и сл.) возникают: *pu-цар-aš* „и он (она)“, *pu-цар-at* „и оно“, *pu-цар-i* „и они“ (им. п. мн. ч.; $-i$ вместо $-e$, § 9a).

108. От параллельной основы $i-$ „он“ (= лат. *is*) сохранилась, возможно, форма ср. р. *it* „оно, это“ в сочетании *netta* „и это тебе“ ($< *nu-it-ta$) (Friedrich, Za, NF 2, 292 и сл.).

109. $-aš$, $-at$ и т. д. иногда встречаются с удвоением: *pašši-iaš* (т. е. $*nu-aš-ši-aš$) наряду с *pašši* (т. е. $*nu-aš-ši$) „и он ему“, *pašši-at* (т. е. $*nu-at-ši-at$) наряду с *pašši* (т. е. $*nu-at-ši$) „и оно ему“ (Götze, NBr, 19 и сл.).

110. д) Ударенное местоимение 3-го лица. От основы $ši-$ „он, она, оно“ встречаются только следующие косвенно-падежные формы единственного числа (Sommer, HAB, 78):

Род.	<i>šēl</i> (2 BoTU, 8; II, 47)
Дат.-местн.	<i>šētani</i> (Madd. Rs., 36)
Абл.	<i>šēz</i> (IX, 31; I, 14)

Энклитические формы дат. п. $-ši$ и $-šmaš$ (§ 101) могли принадлежать к этой же основе.

111. Форм именительного и винительного падежей от основы $ša-$ не существует. Характерные для древнего языка формы единственного числа им. п. общ. р. *šaš*, вин. п. общ. р. *šap* и формы множественного числа им. п. общ. р. *šē*, вин. п. общ. р. *šuš* (*šaš*), которые в течение долгого времени рассматривались как целостные местоименные формы (Götze, Madd., 137, с указ. лит.), представляют собой, скорее, сочетания скудно представленного союза *šu* „и“ (присущего древнему языку; § 320) с энклитическим местоимением $-a-$ (§ 104), аналогичные сочетаниям с *pu* „и“ (§ 106; Sommer, HAB, 78; Pedersen, Hitt., § 55).

2. Притяжательные местоимения

112. В языке „Нового царства“ в значении притяжательных местоимений употреблялись обычно формы родительного падежа личных местоимений: *ammēl attāš* „мой отец“, *tuēl annī* „твоей матери“ и т. д.

113. Но в древнем языке существовали и особые притяжательные местоимения, которые в застывших оборотах сохранялись и в более поздние периоды. Они всегда энклитичны: *-mī* „мой“, *-tī* „твой“, *-ši* „его, ее“, *-šmī* „ваш“, *-šmī* „их“. Для 1-го лица мн. ч. до сих пор не засвидетельствовано притяжательного местоимения (Hrozný, Spr. d. H., 123—133; Friedrich, ZA, NF 2, 52; Friedrich, Staatsv., I, 81²).

114. Эти притяжательные местоимения склоняются по типу основ на *-i*, с частыми переходами в склонение основ на *-a*:

Ед. ч.	1	2	3	2	3
Им. общ.	<i>-mīš</i>	<i>-tīš</i>	<i>-šiš</i>		
Вин. общ.	<i>-mīn</i> (<i>-man</i>)	<i>-tīn</i>	<i>-šin</i> (<i>-šan</i>)		<i>-šman</i> „их“
Им.-вин. ср.	<i>-met</i>	<i>-tet</i>	<i>-šet</i>	<i>-šemet</i> „ваши“	<i>-šemet</i> (<i>-šmet</i> , <i>-šamit</i> , <i>-šum-</i> <i>mit</i> ¹)
Род.	<i>-maš</i>	<i>-taš</i>	<i>-šaš</i>		
Дат.-местн.	<i>-mī</i> (<i>-ma</i>)	<i>-tī</i>	<i>-ši</i>	<i>-šmī</i> „вашему“	<i>-šmī</i> (<i>-šummi</i> ¹)
Твор.		<i>-tet</i>	<i>-šet</i>		<i>-šmit</i>

Мн. ч.

Им. общ.	<i>-mēš</i>		<i>-šēš</i>	<i>-šmēš</i> „ваши“
Вин. общ.	<i>-muš</i>		<i>-šuš</i>	
Им.-вин. ср.	<i>-met</i>	<i>-tet</i>	<i>-šet</i>	
Род.	<i>-man</i> 2 BoTU, 103, 15 (Ehelolf, ZA, NF 9, 174)			
Дат.-местн.				<i>-šmaš</i> „им“

115. Правилом является склонение как существительного, так и энклитически присоединяемого к нему притяжательного местоимения, например: род. п. ед. ч. *kardijaš-taš* „твоего сердца“, дат.-местн. п. ед. ч. *kiššari-mī* „в мою руку“, *atti-šši* „к его отцу“, *ištarni-šmī* (*ištarni-ššumē*) „в их середине“, вин. п. ед. ч.

¹ § 23, 27.

ḥalugatallan-min „моего посланника“, ḥalugatallattin < *ḥalugatallan-tin (§ 34) „твоего посланника“, tuzziman < *tuzzin-man (§ 34) „мое войско“, им. п. мн. ч. arēšmēš < *arēš-šmēš (§ 20) „ваши спутники“, вин. п. мн. ч. šarḥuanduš-šuš „их плод“.

116. В новохеттский период ощущение самостоятельности обеих составных частей сочетания, повидимому, исчезает. По образцу attāš-šiš „его отец“: attāššin (< *attan-šin) „его отца“ (вин. п.) для форм им. п. attāš-miš „мой отец“ образуется в единичных случаях форма винительного падежа только с конечной флексией — attāšmin (XIV, 11; II, 22) или attāšman (XXIX, 1; I, 26) „моего отца“. В XXXI, 66; II, 25 засвидетельствована также форма attāštin „твоего отца“.

3. Указательные местоимения

117. Эти местоимения обнаруживают специфические особенности местоименного склонения более отчетливо, чем все ранее рассмотренные. Они имеют следующие окончания:

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им. общ.	-š	-ē, -ēš, -uš
Вин. общ.	-n	-uš
Им.-вин. ср.	-t, —	-ē, —
Род.	-ēl (-ēdaš)	-enzan ¹ (-ēl)
Дат.-местн.	-ēdani (-ēdi)	-ēdaš
Абл.	-ēz (-ēdaz)	-ēz
Твор.	-(i)t	

118. Важнейшие указательные местоимения: kā- „hic“ (с деиктической частицей 1-го лица) и arā- „is“ (с деиктической частицей 2-го и 3-го лица; § 263; см. Hrozný, Spr. d. H., 137—141). arā- употребляется как ударенное местоимение 3-го лица в смысле „он, она, оно“ (§ 99). Относительно arāšila „он сам“ (вин. п. мн. ч. arāšiluš) см. § 100.

119.	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>	
Им. общ.	kāš	apāš	kē, kuš	apē, apūš
Вин. общ.	kūn	apūn	kūš	apūš
Им.-вин. ср.	kī (kē ²)	apāt	kē (kī ²)	apē
Род.	kēl	apēl	kēzan	apēzan
			(kēdaš)	(apēdaš)

¹ По поводу этого окончания см. Friedrich, Staatsv., II, 151 и сл.

² § 10.

Дат.-местн.	kēdani (kēti)	apēdani (apeti)	kēdaš	apēdaš
Абл.	kēz(za)	apez (apizza)	kizza	
Твор.	'kēt	apit		

120. а) Вин. п. ед. ч. общ. р. arān (XXI, 42; II, 3) представляет собой редко встречающееся образование по аналогии.

б) Неправильно образованы и редко употребляются также формы дат.-местн. п. ед. ч. apidda (apiddan) (Friedrich, Staatsv., I, 30; II, 85 и сл., с указ. лит.) и твор. п. ед. ч. kēdanta, apēdanda (Sommer, AU, 116^s, 389).

121. а) Формы им. п. мн. ч. kē и arē унаследованы от индо-европейской эпохи и принадлежат древнехеттскому языку: kūš и arūš — новохеттские формы, образованные по аналогии с именем или же заимствованные от форм винительного падежа (Sommer, НАВ, 167²).

б) Случайное появление формы kē в качестве винительного падежа множественного числа (Sold., II, 23) объясняется согласно § 67.

в) С другой стороны, для именительного падежа множественного числа общего рода встречается один раз (XIV, 8; II, 18) форма kēuš (с присоединением -uš к уже ставшей непонятной форме kē?).

122. а) От kā- образуется наречие kiššan „таким образом, так, ^ṣḫde“.

б) От arā- образуется, с некоторым отличием, наречие arēniššan „так, ^oṣṣwz“.

123. От kiššan и arēniššan образуются два местоименных прилагательных со значением „такого рода, такой“ (также „столь большой, столь много“): kiššuant- „^{to}iḫde“ и arēniššuant- „^{to}iḫtoz“ (Hrozný, Spr. d. H., 139; Friedrich, Staatsv., II, 174 и сл.). Склоняются по типу ḫimant- „весь, целый“ (§ 81).

124. Дефектную указательную основу со значением „is“ представляет собой а- (возможно, тождественную энклитической основе -а- (?); см. § 104), от которой засвидетельствованы только следующие формы: дат.-местн. п. ед. ч. ēdani (ēdi), абл. ед. ч. ēdiz (etez, ēdaza), дат.-местн. п. мн. ч. ēdaš (Friedrich, Staatsv., I, 74, с указ. лит.).

125. Основы eni-, uni- и anni-, все с приблизительным значением „гот (т. е. уже упомянутый)“¹, можно назвать

¹ Установить точнее функции отдельных основ пока не удастся.

„полуфлектируемыми“. Они могли образоваться от деиктических частиц (Sommer, HAB, 161⁴).

а) От *uni-* засвидетельствованы только вин. п. ед. ч. общ. р. *unin*, им.-вин. п. ср. р. *uni* (также со значением множественного числа) и им. и вин. пп. мн. ч. общ. р. *uniuš* (Friedrich, Staatsv., I, 155 и сл.; Tenner, Ein heth. Annalertext, 22 и сл.; Pedersen, Hitt., § 53).

б) От *eni-* им. п. ед. ч. общ. р. *eniš* известен только по одному списку слов, в остальных засвидетельствован лишь им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *eni* (также со значением множественного числа) (Friedrich, Staatsv., I, 73 и сл., с указ. лит.; Pedersen, Hitt., § 54). В XXXI, 71; IV, 10 встречается также форма вин. п. мн. ч. общ. р. *eniuš* (как именительный падеж множественного числа, по § 676). Аналогично *kiššan* (§ 122a) существует наречие *eniššan* „вышеупомянутым образом“.

в) Наконец, от *anni-* только в одном списке слов засвидетельствована форма им. п. ед. ч. общ. р. *anniš*. К этой же основе, возможно, относятся наречия *annaz* и *annišan*, оба со значением „некогда, когда-то“ (Friedrich, Staatsv., I, 151 и сл.).

126. Без изменения выступает в текстах *aši* „уже упомянутый“; эта форма может иметь функцию именительного и винительного падежей единственного числа всех родов. Однако и здесь в одном списке слов засвидетельствовано образование им. п. ед. ч. общ. р. *ašiš* (Friedrich, ZA, NF, 2, 286 и сл.; Pedersen, Hitt., § 53).

4. Вопросительные и относительные местоимения

127. В хеттском языке существует только одна основа *kui-*, которая употребляется как вопросительное и относительное местоимение в функции и существительного и прилагательного (Hrožný, Spr. d. H., 144 и сл.).

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им. общ.	<i>kuiš</i>	<i>kuēš</i>
Вин. общ.	<i>kuin</i>	<i>kuēuš</i>
Им.-вин. ср.	<i>kuit</i>	<i>kuē</i>
Род.	<i>kuēl</i>	
Дат.-местн.	<i>kuēdani (kuēti)</i>	<i>kuēdaš</i>
Абл.	<i>kuēz(za)</i>	

128. Параллельная основа *kua-* сохранилась только в форме местн. п. *kuṣatta (kuṣattan)* (примерно параллельно *apidda(n)*; § 1206, с указ. лит.) и в застывшей в виде наречия первоначальной форме им.-вин. п. ср. р. *kuṣat* „почему?“.

129. Им. п. мн. ч. общ. р. *kuēš* часто употребляется также в качестве винительного падежа множественного числа; равным образом вин. п. мн. ч. *kuēuš* употребляется изредка в качестве именительного множественного.

130. Обобщающие относительные местоимения: *kuiš* *kuiš*, *ku-iš* *imma*, *kuiš* *imma* *kuiš*, *kuiš-aš* *kuiš*, *kuiš-aš* *imma*, *kuiš-aš* *imma* *kuiš* „кто бы ни, кто еще кроме“ (Hrozný, Spr. d. H., 147 и сл.; Götze, ZA, NF 2, 266 и сл.). В отношении склонения ср. род. п. ед. ч. *kuēl* *imma*, дат.-местн. п. *kuēdani* (*imma*) *kuēdani*, абл. ед. ч. *kuez* *imma* *kuēz*, им.-вин. п. мн. ч. ср. р. *kuē* *kuē*, дат.-местн. п. мн. ч. *kuēdaš* *kuēdaš* и т. д. Также *kuišša* (= *kuiš* + -а „и, также“; § 133) может иметь обобщающее значение („кто еще“; Sommer, HAB, 59).

131. а) Производное вопросительное местоимение *mašiant-*, *mašiant-* (также *maši-*) „сколь велик?, сколь много?“ (Götze, NBr, 35 и сл.; Sommer, HAB, 164 и сл.) склоняется по типу *humant-* „весь, целый“ (§ 81).

б) С суффиксом имен происхождения (§ 56) образовано *kuen-zumna-* „откуда происходящий?“ (Friedrich, Staatsv., II, 152).

5. Неопределенные местоимения

132. *kuiški*, ср. р. *kuitki*, выступает как существительное „некто, нечто“ и прилагательное „некий, некое“; *UL* *kuiški*, ср. р. *UL* *kuitki* — существительное „никто, ничто“, прилагательное „никакой, никакое“ (Hrozný, Spr. d. H., 148 и сл.).

133. *kuiš(š)a* (т. е. *kuiš* + -а „и“; § 305 и сл.) означает „каждый“, а также „кто бы ни“ (§ 130; Sommer-Ehelolf, Pār., 16 и сл.).

134. Склонение *kuiški* и *kuišša*:

	Ед. ч.		Мн. ч.	
Им. общ.	<i>kuiški</i>	<i>kuiš(š)a</i>	<i>kuēšqa</i> ³	<i>kuēša</i>
Вин. общ.	<i>kuinki</i>	<i>kuinna</i>	<i>kuiušga</i>	<i>kuiušša</i>
Им.-вин. ср.	<i>kuitki</i>	<i>kuitta</i>	<i>kuēq(q)a</i> ⁴	
Род.	<i>kuēlqa</i> (<i>kuēlga</i> , <i>kuēlka</i> ¹)	<i>kuella</i>		
Дат.-местн.	<i>kuēdanikki</i> ²	<i>kuēdanija</i> (<i>kuētanija</i>)		
Абл.	<i>kuēzqa</i>	(<i>kuēzzi(i)a</i>)		

¹ Изредка также *kuēlki* (XIII, 23, 3; XXIII, 68; I, 15).

² Единично также *kuēdanikka* (2 BoTU, 148, 4).

³ Единично *kuēški* (XIV, 14; II, 18).

⁴ Единично также *kuēkki* (XIV, 1; II, 1).

135. Относительно случаев употребления простого *kuiš* вместо *kuiški* см. § 265 а, б.

136. *kuiš* — *kuiš* означает также „кто — кто“ (см. § 265 в).

137. Сюда же следует отнести *tamāi-* „другой“, склоняющееся частью по местоименному, частью по именному типу (Hrozný, Spr. d. H., 150 и сл.; Pedersen, Hitt., § 48):

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им. общ.	<i>tamāiš</i> (<i>dam(m)āiš</i>)	<i>tamāēš</i> (<i>damāuš</i> ³)
Вин. общ.	<i>tamāin</i> (<i>dam(m)āin</i>)	<i>damāuš</i>
Им.-вин. ср.	<i>tamāi</i> (<i>damāi</i>)	<i>tamāi</i>
Род.	<i>tamēl</i> (<i>dammēl</i> ¹)	<i>dammēnzan</i>
Дат.-местн.	<i>tamētani</i> (<i>tamēdani</i> , <i>damēdani</i> , <i>damētani</i> , <i>dammēli</i> ²)	<i>tamēdaš</i>
Абл.	<i>tamēdaz</i> (<i>tamētaz</i> , <i>damēdaza</i>)	

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

138. Произношение хеттских числительных нам почти неизвестно, так как все числа, за редким исключением, обозначаются с помощью цифр.

139. Для „двух“ можно установить основу *dā-*, исходя из порядкового числительного *dān* (§ 144) и составного слова *dā-juga-* „двухлетний“ (§ 58). Основы **tri-* „три“ и **šiptam-* „семь“ с достоверностью выводятся из названий жидкостей *terijalla-* и *šiptamiija-* (Ehelolf, OLZ, 1929, 322 и сл.). Для „сдного“ предполагается произношение *šanna-* (Götze, Language, 11, 185 и сл.; Götze, Tunn., 127), однако уверенно утверждать это мы не можем.

140. „Один“ склоняется частично по типу местоимений, частично по типу прилагательных (Sommer, AU, 164):

Им. общ.	1-aš
Вин. общ.	1-an
Им.-вин. ср.	1-an
Род.	1-ēl
Дат.-местн.	1-ēdani
Абл.	1-ēdaz(a)

¹ Единично *tamedaš* (XIII, 2; II, 29, 40).

² Относительно этой формы см. Sommer-Ehelolf, Pär., 2.

³ § 676.

Наречие *1-etta* „заодно, вместе“, возможно, представляет собой форму дательного-местного падежа единственного числа („в одном“), аналогично *apidda(n)* (§ 120 б) и *kuṣatta(n)* (§ 128; Sommer, HAB, 143).

141. Склонение „два“ (Friedrich, ZA, NF 5, 56 и сл.):

Им. общ.	2-uš (2-ēluš?)
Им.-вин. ср.	2-ela (2-el)
Дат.-местн.	2-etaš (2-as)

142. „Оба“ передается с помощью 2-pit¹ или просто 2-ēl.

143. Для „трех“ встречается форма им. п. 3-e-eš (XV, 31; I, 6); согласно § 139 оно читается как *trēs.

144. Из порядковых числительных нам известны: *ḥantezzi-* „первый“, собственно сравнительное прилагательное „передний“ (§ 95 и сл.), а также несклоняемое *dān* „второй“ (Sommer, Heth., II, 44, с указ. лит.).

145. В хеттском языке, повидимому, существовали также порядковые числительные на -anna: 2-anna (т. е. *danna?), 3-anna, 4-anna (и 4-in), 5-anna, 6-anna, 7-anna (Sommer, AU, 272¹).

146. Как числовые наречия выступают образования на -anki: 1-anki „однажды“, 2-ki „дважды“, 10-anki „десять раз“, 20-anki „двадцать раз“ (Götze, KLF., I, 231, с указ. лит.).

147. Относительно сложного слова с числительным *dā-ḫuga-* „двухлетний“ см. § 58.

ГЛАГОЛ

1. Словообразование

148. В данной работе мы не имеем возможности детально рассмотреть строение хеттских глагольных основ. Ограничимся замечаниями относительно некоторых суффиксов, служащих для образования производных глаголов.

149. а) -aḥḥ- — суффикс отыменных глаголов со значением „делать таким, как это обозначено основным словом“ (Friedrich, ZA, NF 1, 16 и сл.; Pedersen, Hitt., § 83): *šarazziḥḥ-* „делать

¹ Относительно -pit см. § 296.

превосходящим" (šarazzi- „превосходящий“), nakkiiaḥḥ- „делать тяжелым“ (nakki- „тяжелый“), idalaḥḥ- „делать зло“ (idalu- „злой“), kururīaḥḥ- „воевать, враждовать“ (kūru- „вражда“).

150. б) Суффикс -annāi- служит для выражения длительности (Sommer-Ehelolf, Pär., 22; Götze, Madd., 129 и сл.; Bechtel, Hitt. Verbs in -sk-, 82 и сл.; Pedersen, Hitt., § 82): ija- „идти“, iḥannāi- „ходить (длительно)“; paḥḥ- „травить, гнать“, paḥḥannāi- „натравливать, гонять“; ḥaḥḥ- „ударить“; ḥaḥḥannāi- „бить“.

Часто сочетается с итеративным -šk- (§ 154).

151. в) -eš- образует отыменные глаголы со значением „сделаться таким, как это выражено основным словом“ (Götze, Hatt., 69, 94): idālaeš- „стать злым, поссориться“ (idalu- „злой“), parkueš- „очиститься“ (parkui- „чистый“), makkeš- „умножиться“ (mekki- „много“), šalleš- „увеличиться, вырасти“ (šalli- „большой“).

152. г) Инфикс -nin- употребляется реже, чем суффицируемое -nu- (§ 153), для образования отглагольных каузативов (Friedrich, Staatsv., I, 31³; Götze, Hatt., 72; Pedersen, Hitt., § 92, 2): ḥark- „погибнуть“: ḥarnink- „погубить“, ištark- „заболеть“: ištarnink- „сделать больным“.

153. д) Суффикс -nu- является обычным средством образования каузативных глаголов от глаголов (Friedrich, ZA, NF 1, 15¹ и сл.; Sommer-Ehelolf, Pär., 8¹; Pedersen, Hitt., § 92, 1): ar- „прибывать, достигать“: arnu- „приносить, доставлять“, ḥar- „гореть“: ḥarnu- „зажигать“, link- „клясться“: līnganu- „заставить дать клятву“, ḥark- „гибнуть“: ḥarganu- „(по)губить“, ḥeḥ- „вернуться“: ḥeḥnu- „вернуть“. Иногда с этим суффиксом образуются также, конкурируя с соответствующими формами на -aḥḥ- (§ 149), производные от именных основ (Friedrich, ZA, NF 1, 16): mališkunu- „ослабить“ (mališku- „слабый“), daššanu- „усилить, укрепить“ (daššu- „сильный“), šallanu- „увеличить, вырастить“ (šalli- „большой“), terpu- „уменьшить“ (terpu- „мало“), parkunu- „очистить“ (parkui- „чистый“).

Как показывают приведенные примеры, при отыменных образованиях -nu- не всегда присоединяется непосредственно к предлогаемой основе. Относительно līnganu- и ḥarganu- см. § 21, 23, 27.

В некоторых случаях различия в значении между основным глаголом и производным на -nu- отсутствуют (Friedrich, ZA, NF 1, 16): paḥš- и paḥšanu („охранять, защищать“).

154. е) Суффикс -šk- характеризует прежде всего итеративные глаголы (Sommer-Ehelolf, Pär., 21 и сл.; Bechtel, Hitt. Verbs in -sk-, Ann Arbor, 1936; Pedersen, Hitt., § 88, прим.), которые

могут быть образованы от любой глагольной основы¹: dā- „взять“: dask- „брать“, pāi- „дать“: pešk- „давать“, er- „схватить“: arpišk- „хватать“, ḥatrai- „писать“: ḥatrešk- „писать неоднократно“, eku- „пить“: akkušk- „пить (неоднократно)“, aḡ- „прибыть, достигнуть“: ar(a)šk- (§ 23) „прибывать, достигать“, ed- „есть“: azzik- (§ 23) „повторно есть, пировать“, dāi- „положить, поставить“: zikk- (§ 24) „класть, ставить“, širand- „совершить возлияние“: širanzak- (§ 23) „неоднократно совершать возлияния“, kuēn- „ударить“: kuāšk- (§ 11a; 32) наряду с kuennišk- „ударять, бить“. Неправильно au(š)- „видеть, смотреть“: ušk- „посматривать“.

Суффикс -šk- часто сочетается с другими суффиксами: arpušk- „повторно приносить“, ḥarninkišk- „неоднократно губить“, kururijahḥešk- „постоянно воевать, враждовать“.

Особенно часто присоединяют к себе итеративный суффикс образования на -annāi- (§ 150; Götze, Madd., 130): ʕaḥḥannešk- „длительно (снова и снова) ударять, бить“, paṣṣ- „разломить“: paṣṣijannešk- „(некоторое количество хлебов) один за другим разламывать“.

Иногда встречается, притом в той же функции, что и -šk-, суффикс -šš- (Sommer, HAB, 56 и сл., 178; Bechtel, Hitt. Verbs in -sk-, 75 и сл.): ešša- „повторно делать“ (iḷa-), ḥalzešša- „повторно звать“ (ḥalzāi-).

155. При образовании глагольных основ иногда встречается удвоение; ср. ʕek- и ʕeʕak- „требовать“, kiš- и kikkiš- „стать, сделаться“, laḥḥija- и laḥlaḥḥija- „отправляться в поход“, kaṭ-kattenu- „окунуться“, rapraṣ- „брызгать“, ašaš- „сажать“.

156. а) В хеттском, как и в других индоевропейских языках, значение простой глагольной основы изменяется при помощи приставок. В этом отношении хеттский язык обнаруживает архаичные черты, поскольку приставки в написании всегда выделяются как самостоятельные слова и между приставкой и глаголом могут вставляться маленькие словечки.

б) Важнейшие приставки: anda (andan) „внутри“, appa (appaṇ) „назад, опять“, arḥa „прочь“, katta (kattan) „вниз, к, с“, paṛa „вперед, наружу“, piraṇ „перед“, šarā „вверх“, šēr „вверху“, например: pāi- „идти“: anda(n) pāi- „войти“, appa pāi- „идти обратно“, appaṇ pāi- „идти позади“, arḥa pāi- „идти прочь“, paṛa pāi- „идти дальше, выйти“, katta(n) pāi- „идти вниз, идти

¹ Ради удобства я и далее употребляю старое обозначение „итеративный глагол“ для формы на -šk-, хотя установлены и другие функции этой формы: она встречается при сочетаниях со многими субъектами или объектами, в соединении с дистрибутивным или обобщенно-относительным удвоением, обозначая также продолжение прерванного действия (литературу см. у Sommer, HAB, 260).

с кем-нибудь“, *šarā pāi-* „идти вверх“; *dā-* „братъ“: *appa(n) dā-* „отобрать“, *arḥa dā-* „убрать прочь“, *paṛā dā-* „вынуть“, *katta(n) dā-* „снять сверху“, *šarā dā-* „поднять, получить, захватить“ (относительно *arḥa*, *paṛā*, *piran* см. Zuntz, Ortsadv.).

в) Приставки могут выступать в сочетании друг с другом: *appa(n) anda pāi-* „опять войти“, *šēr arḥa dā-* „убрать сверху“, *appa šarā dā-* „опять взять“. Приставка *aṣan* встречается только в сочетаниях: *aṣan arḥa* „прочь“, *aṣan katta* „вниз“; поэтому собственное значение *aṣan* установить трудно (Götze, Madd., 135).

157. В отличие от самостоятельных приставок префикс *u-* (также *ue-*; § 16) „скуда“ всегда соединяется, а параллельный ему префикс *pē-* „туда“ обычно соединяется с глаголом (Friedrich, ZA, NF 2, 52 и сл.; Friedrich, Staatsv., II, 146; Pedersen, Hitt., § 95): *uda-* (*ueda-*) „принести“, *pēda-* „отнести“; *unpa-* „пригнать“, *repna-* „погнать туда“; ср. также *uizzi* „он приходит“ и *paizzi* „он пойдет“ и формально неясную пару *uāte-* „принести“ и *peḥute-* „отнести“.

Однако *pē-* „туда“ встречается и самостоятельно, прежде всего при *ḥar(k)-* „держать“: *pē ḥarzi* „он подает“.

2. Спряжение

158. В системе хеттского глагола мы различаем два спряжения. По окончаниям 1-го лица ед. ч. презенса — в одном *-mi*, а в другом *-ḥi* — принято называть первое — спряжением на *-mi*, а второе — спряжением на *-ḥi* (Forrer, ZDMG, NF 1, 211; Pedersen, Hitt., § 61 и сл.; Couvreur, Mél. Cumont, 551 и сл.; Couvreur, Mél. Boisacq, 207 и сл.).

159. Существует два залога: актив и медиопассив. Последний употребляется как медиум греческого или индоиранского типа, как пассив и как депоненс (т. е. при глаголах, которые, имея активное значение, спрягаются только медиопассивно). Примеры см. § 266.

Основную массу медиопассивных форм составляют депонентные глаголы; медиальные и пассивные формы, образуемые рядом с соответствующими активными, встречаются реже.

160. Система времен и наклонений очень ясна: из простых (не составных) времен существуют только презенс и претерит, из наклонений — рядом с индикативом — только императив. Путем сложения со вспомогательными глаголами может быть образовано еще несколько времен (реже употребляемых), придающих языку „современный“ вид (§ 200 и сл.).

161. Глагольные имена имеют много форм. Для их обозначения применяются с большим или меньшим основанием (Sommer,

НАВ, 226) латинские наименования: инфинитив, герундий, герундив и супин; существует также причастие, которое при переходных глаголах имеет пассивное, а при непереходных — активное значение (§ 283).

162. Глагол также имеет только единственное и множественное числа; двойственного числа нет.

163. Обзор личных окончаний (большинство из них было установлено еще Грозным, Spr. d. Н.):

Актив		Медиопассив ¹	
спряжение	спряжение	спряжение	спряжение
на -mi	на -hi	на -mi	на -hi
Индикатив презенса			
Ед. ч.			
1. -mi	-hi (-ahhi)	-haḥari ³ (-hari, -ha ⁴)	-ḥaḥari (-hari)
2. -ši	-ti	-ta(ti) ⁵	-ta(ti) ⁵
3. -zi	-i ²	-tari (-ta) ⁴	-ari (-a ⁴)
Мн. ч.			
1. -ḡeni	-ḡeni	-ḡaštati (-ḡašta) ⁶	-ḡaštati (-ḡašta) ⁶
2. -teni	-teni	-duma (-dumari) ⁷	-duma ⁷
3. -anzi	-anzi	-antari (-anta ⁴)	-antari (-anta ⁴)
Индикатив претерита			
Ед. ч.			
1. -un ⁸ , -nun ⁹	-ḡun	-ḥaḥat(i) (-ḥat(i))	-ḥaḥat(i) (-ḥat)
2. -š, -t (-ta)	-š, -ta (-šta)	-tat(i), -ta ¹⁰	-at(i) (-tat)
3. -t (-ta)	-š, -ta (šta)	-tat(i), -ta ¹⁰	-at(i)

¹ Сводку медиопассивных окончаний и форм Грозный опубликовал в „Трудах первого международного лингвистического конгресса в Гааге“ в 1928 г. (Actes du I Congrès international de linguistes à la Haye, 1928), стр. 155 и сл. Относительно различий между спряжениями на -mi и на -hi в медиопассиве см. Götze, *Murš.-Ann.*, 258 и сл.

² При наличии предшествующего -i- диссимиляторно появляется -a (ср. *paššia* „он ломает“; § 192).

³ Установлено Götze, *ZA*, NF 2, 14 (ср. Friedrich, там же, стр. 163).

⁴ Формы с исходом на -ri и без него чередуются, повидимому, независимо от каких-либо правил (Sommer-Ehelf, *Pap.*, 52).

⁵ Sommer, *HAB*, 148.

⁶ Friedrich, *ZA*, NF 2, 164 (он же, *IF*, 43, 257¹ и *AfOr*, 4, 94 и сл.).

⁷ Hrozny, *JSOR*, 6, 70¹ (ср. Götze, *Hatt.*, 107; Sommer, *HAB*, 85).

⁸ После согласного.

⁹ После гласного.

¹⁰ Sommer, *HAB*, 87³.

Мн. ч.

1. -cen	-cen	-цаštat	
2. -ten	-ten	-dumat	-dumat
3. -ir	-ir	-antat(i)	-antat(i)

Императив

Ед. ч.

1. -allu ¹ , -llu ²	-allu	-ħaħaru (-ħaru)	-ħaħaru (-ħaru)
2. —, -i, -t	—, -i	-ħut(i)	-ħut(i)
3. -du	-u	-taru	-aru

Мн. ч.

2. -ten	-ten	-dumat(i)	-dumat(i)
3. -andu	-andu	-antaru	-antaru

Инфинитив

Супин

Причастие

1. ħar (род. п. -цаš)	1. -цanzi	-ant-
2. -anna	2. -цан	

164. Существует тенденция к уравниванию спряжений на -mi и на -ħi:

а) Особенно часто наблюдается проникновение во 2-м лице ед. ч. презенса окончания -ti из спряжения на -ħi в спряжение на -mi: epti „ты хватаешь“, ħarti „ты держишь“, ħarnikti „ты губишь“, ištamašti „ты слышишь“, maniħaħti „ты вручаешь“, karuššijatti (наряду с karuššijaši) „ты молчишь“.

б) Реже проникает в том же лице в спряжение на -ħi окончание -ši: цаštaši наряду с обычным цаštatti „ты грешишь“.

в) Глаголы на -aħħ- (§ 149) со спряжением на -mi могут образовывать 3-е лицо ед. ч. презенса и претерита также по типу спряжения на -ħi: dašucħħzi и dašucħħħi „он ослепляет“, išiħaħta и išiħaħħiš „он почуял, отыскал“ (Sommer, HAV, 222).

г) Наоборот, флексия спряжения на -mi проникает в 3-м лице ед. ч. претерита и императива в спряжение на -ħi: akta наряду с правильным akiš „он умер“, akdu наряду с правильным aku „пусть умрет“.

д) Многие глаголы спрягаются по обоим типам: dalaħħi и da-lijami „я пускаю, оставляю“ (см. также § 192 и сл.). Небольшие отклонения встречаются у многих глаголов.

165. Изредка во 2-м лице ед. ч. презенса спряжения на -mi встречается окончание -zi: ištamašzi „ты слышишь“ (Friedrich, Staatsv., II, 188).

¹ После согласного.

² После гласного.

166. а) В редких случаях в 3-м лице ед. ч. презенса спряжения на -*hi* вместо обычного -*i* встречается окончание -*ai*: единично *širrandai* (XV, 1; III, 55; HT, 5, 20) вместо весьма распространенной формы *širanti* „он совершает возлияние“; в „Лощадиной книге“ вместо обычного *arri* „он моет“ часто встречается форма *arra*. То же и в 3-м лице мн. ч. претерита спряжения на -*hi*: единично *širrantair* (V, 6; II, 63) вместо обычного *širantir* „они совершили возлияние“ (Sommer-Ehelolf, Pār., 74).

б) Наоборот, 3-е лицо ед. ч. презенса спряжения на -*hi* от глагола *ušta-* „грешить“ может иметь наряду с обычной формой *uštai* (т. е. основа *ušta-* + окончание -*i*) также форму *ušti* (Sommer-Ehelolf, Pār., 74; Sommer, HAB, 183).

в) Странная форма *paršija* „он ломает“ объясняется согласно § 163¹, 192.

167. В 1-м лице ед. ч. императива от глагола *eš-* „быть“ наряду с правильной формой *ašallu* „да буду!“ образуются также единичные формы *ešlut* и *ešlit* „да буду!“ (Friedrich, ZA, NF 5, 46 и сл.).

168. В претерите и императиве медиопассива формы, оканчивающиеся на -*i*: (-*ha*)*h*ati, -*tati*, -*ati*, -*antati*, -*huti* и -*dumati*, принадлежат древнему языку; формы без -*i*: (*ha*)*h*at, -*tat*, -*at*, -*antat*, -*hut* и -*dumat* — относятся к более позднему периоду.

СПРЯЖЕНИЕ АКТИВА

СПРЯЖЕНИЕ НА -*mi*

1. Корневые основы на согласные

169. а) Односложные основы, оканчивающиеся на один согласный: *eš-* „быть“, *er-* „хватать, схватывать“, *šeš-* „спать, покоиться, оставаться“, *ueh-* „поворачиваться“, *uēk-* „требовать“, *eku-* „пить“ (Pedersen, Hitt., § 84).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. <i>ešmi</i>	<i>epmi</i>	<i>šešmi</i>		<i>uekmi</i>	
2.	<i>epši</i> (<i>epti</i> ¹)			<i>uekti</i> ¹	<i>ekušši</i>
3. <i>ešzi</i>	<i>epzi</i>	<i>šešzi</i>	<i>uehzi</i> (<i>uāhzi</i> ²)	<i>uekzi</i>	<i>ekuzi</i> (<i>ekuzazzi</i> ³ , VIII, 24; I, 4)

¹ § 164а.

² Один раз *uāhhuzi* (КВо, III, 5; III, 4).

³ Образовано по аналогии с *ezzazzi* „он ест“ (§ 170; Sommer, HAB, 149³).

Мн. ч.

1.	eppueni				akueni ¹
2.	epteni (apteni ¹)				ekutteni (ekuɣate- ni ¹ ; I, 16; III, 34)
3.	ašan- zi ¹	appanzi ¹ (šašanzi)	šešanzi (šašanzi)	ɣeɣanzi (ɣaɣanzi)	ɣek(k)anzi akuɣanzi (ekuɣanzi; XX, 1; II, 20)

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. ešun	eppun	šešun	ɣeɣun	ɣekun	ekun
2. ešta	epta				
3. ešta	epta	šešta		ɣekta	

Мн. ч.

1. ešuen	eppuen				ekuen
2. ešten	epten				
3. ešir	eppir	šeššir		ɣekir	ekuer

Императив

Ед. ч.

1. ašallu ² (ešlut, ešlit ³)					
2. eš	ep			ɣek	eku
3. ešdu	eptu	šešdu			

Мн. ч.

2. ešten	epten				ekutten
3. ašandu	appandu		ɣaɣandu		akuɣandu

Инфинитив

1. ešuɣar		(род. п. šešuɣaš)	ɣeɣuɣar	ɣekuɣar	
2.	appanna		ɣaɣanna		akuɣanna

¹ § 11a.² КВо, IV, 14; I, 43.³ § 167.

Супин

1. aššūcanzi erpuṣcanzi šešūcanzi

Причастие

aššanza appanza

akuṣanza

170. б) Односложные основы на согласный с включением элемента -s- между основой и окончанием в некоторых формах: et- „есть“, mat- „выдерживать, терпеть“, išpart- „убегать от, избегать“ (Götze, Madd., 125 и сл.; Sommer, HAB, 148 и сл.).

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1. etmi			atueni
2. mazatti ²			ezzatteni ³
3. ez(z)az(z)i ¹
(ezzāi)	mazzazzi ¹	išparzazi ¹
(išparzizi)	adanzi

Индикатив претерита

1. edun		išparzaḥḥun ⁵	
2. mazzašta ⁴	išparzašta ⁴		
3. ezta ⁴	mazzašta ⁴	išparzašta ⁴	eter išpartir

Императив

2. et (ezzazza, XX, 92;
VI, 8)	ez(z)at(t)en ⁶
3.	ezzandu

Инфинитив

2. adanna

Причастие

išparzanza adanza

171. в) Односложные основы на согласный с чередованием огласовки (аблаутом) (§ 18): kuen- „бить, убивать“ (Sommer, HAB, 45), ḥuek- „заклинать“, kuer- „резать“ (Pedersen, Hitt., § 84).

¹ Т. е. *et-s-zi, *mat-s-zi, *išpart-s-zi (§ 23).

² Т. е. *mat-s-ti (§ 23).

³ Т. е. *et-s-teni.

⁴ Т. е. *et-s-t, *mat-s-t, *išpart-s-t.

⁵ Переход в спряжение на -ḥi (§ 188 и сл.).

⁶ Т. е. *et-s-ten.

Индикатив презенса

	Ед. ч.		Мн. ч.
1.	kuemi	hukmi ¹	kuenummeni ²
2.	kueši (kuenti)		kuennatteni ²
3.	kuenzi	huekzi kuerzi (hukzi ¹)	kunanzi hūkanzi kuranzi (kuennanzi ³)

Индикатив претерита

1.	kuen(n)un (kuenunun)	kueyen (kuinnum- men ²)	hugayen (XVIII, 12; I, 13)
2.	kuenta (kuinneš- ta ⁴)	kuenten	
3.	kuenta	huekta kuerta kuennir	

Императив

2.	kuen(n)i	kuenten	
3.	kuendu	hukdu kunandu	kurandu

Инфинитив

Супин

1.	(род. п. kuennumaš ²),	kuenummanzi ²
2.	kunanna hukanna kuranna	

Причастие

kunanza	hūkanza
(kuennijan ⁵)	kuranza

172. г) Односложные основы с исходом на два согласных: kar- „поднимать“, hark- „погибать“, цаlḥ- „ударять“, šanḥ- „искать“, link- „клясться“ (§ 23 и 26; кроме того, Pedersen, Hitt., § 84).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1.	kar-ar-mi	ца-al-aḥ-mi	ša-an-aḥ-mi (ša-an-ḥa-mi)
----	-----------	-------------	------------------------------

¹ Форма с нулевой огласовкой (см. также § 16).

² Образовано по аналогии со спряжением на -ḥi (§ 188).

³ XVII, 35; I, 32. Тоже образование по аналогии.

⁴ XVII, 3; III, 4. Образовано по аналогии со спряжением на -ḥi (§ 189).

⁵ HT, I; II, 42. Тоже образование по аналогии (§ 189).

Индикатив претерита

1.	kar(-ap)- pu-un	ya-al(-aḥ)- ḥu-un	ša-an(-aḥ)- ḥu-un (ša-aḥ-ḥu-un ² ; Duppl., § 8, строка 20)	li-in-ku-un	
2.			ša-an-aḥ-ta	li-ik-ta ² (Madd., I, 27)	
3.	kar-ap-ta	ḥar-ak-ta	ya-al-aḥ-ta	ša-an-aḥ-ta (ša-aḥ-ta ² ; VII, 8; II, 16 и сл.)	li-in-ik-ta (li-in-kat- ta, li-ik-ta)

1.			li-in-ga- u-en (li-in-ku- en)
2.			
3.	kar-pl(-e)- ir	GUL-(aḥ)- hi-ir	ša-an-aḥ-te-en ša-an-ḥi-ir

² § 32.

Императив

Ед. ч.

2.	kar-ap-pí-
ja ¹	ца-аl-аh	ša-an-ḡa	li-in-ik
(li-in-ki,
3.	kar-ap-du ḡar-ak-du		ša-aḡ-du ²	li-i-ik)

Мн. ч.

2.	kar-ap-te-
en	ца-аl-аḡ-te-
en	ša-an-ḡa-at-te-
en	li-in-ik-te-
en
3.	kar-pa-an-
du		ša-an-ḡa-an-
du	li-in-kán-
du

Инфинитив

1.	kar-pu-ца-
ar	ца-аl-аḡ-
ḡu-ца-ar
2.	ḡar-kán-na	

Супин

ца-аl(-аḡ)-
ḡu-ца-an-
zi

Причастие

kar(-ap)-pa-an-za ḡar-kán-za ца-аl-ḡa-aḡ-za ša-an-ḡa-an-za li-in-kán-za

173. Многосложные основы: а) ištamaš- „слышать“, punuṣ- „спрашивать“, ḡamenk- „связывать“; глаголы на -eš- (§ 151): idālaḡeš- „стать злым, разозлиться, посориться“, parkueš- „очиститься“.

Индикатив презенса

Ед. ч.

1.	ištamašmi	punuṣmi	ḡamangami
(IX, 31;
III, 24)	
2.	ištamašti
(ištamašzi ³)			idālaḡešti
3.	ištamašzi	punuṣzi	ḡamanki ⁴	idālaḡešzi
parkuešzi
(parkuṣzi ⁵).

¹ Переход в спряжение глагольных основ на -ja (§ 177).

² § 32.

³ § 165. Dupr., § 10, строка 17; Кур., § 16 С, III, 7; Ал., § 12, строка 82.

⁴ Спряжение на -hi (§ 185).

⁵ § 16. VIII, 2; II, 8.

Мн. ч.

1.		punuššueni		
2.	ištamašteni		idālaḡešteni	parkuešteni
3.	ištamaššanzi	punuššanzi	ḡaminkanzi	idālaḡeššanzi
		(ḡamankanzi)		

Индикатив претерита

Ед. ч.

1.	ištamaššun	punuššun		parkueššun
2.		punušta		
3.	ištamašta	punušta	ḡamikta	idālaḡešta
			(ḡamakta,
XXVI, 91,
I, 9; ḡama-
nakta, XIV,
4; II, 10)	

Мн. ч.

1.		punuššuen		
2.	ištamašten			
3.	ištamaššir	punuššir	ḡaminkir	ḡUL-meššir ¹

Императив

Ед. ч.

2.	ištamaš	punuš	
3.	ištamašdu	punušdu	parkueštu

Мн. ч.

2.	ištamašten	punušten	
3.	ištamaš-
šandu	punuššan-
du	ḡamankan-
du

Инфинитив

1.	ištamaššu-
ḡar | punuššuḡar | (род. п. ḡa-
mankuḡaš) |
|----|-------------------|------------|---------------------------|

Супин

1.	ištamaššu-
ḡanzi |
|----|---------------------|

¹ Т. е. idālamaššir (§ 196).

Причастие

ištamaššanza

hamenkanza

б) Глаголы на -aḥḥ (§ 149): idālaḡaḥḥ- „делать зло“, šuppiḡaḥḥ- „очищать“, kururīḡaḥḥ- „воевать, враждовать“, dašuḡaḥḥ- „ослеплять“, manīḡaḥḥ- „передавать, определять, управлять“ (Pedersen, Hitt., § 83).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. idālaḡaḥmi	šuppiḡaḥmi			manīḡaḥmi
2. idālaḡaḥti		kururīḡaḥti		manīḡaḥti
(idālaḡatti ¹)				
3. idālaḡaḥzi	šuppiḡaḥḥi ²	kururīḡaḥzi	dašuḡaḥḥi ²	manīḡaḥzi

Мн. ч.

1.			tašuḡaḥḥueni	
2.				
3. idālaḡaḥḥan- zi	šuppiḡaḥḥan- zi	kururīḡaḥ- ḥanzi	tašuḡaḥḥanzi	manīḡaḥ- ḥanzi

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. idālaḡaḥḥun	šuppiḡaḥḥun	kururīḡaḥḥun		manīḡaḥḥun
2.				manīḡaḥta
3. HUL-aḥ-ta	šuppiḡaḥḥas ²	kururīḡaḥta		manīḡaḥḥiḥ ²

Мн. ч.

1. idālaḡaḥḥuen		kururīḡaḥḥuen		
2. HUL-aḥten				
3.		kururīḡaḥḥir	dašuḡaḥḥir	manīḡaḥḥir

Императив

Ед. ч.

2.				manīḡaḥ
----	--	--	--	---------

Мн. ч.

2.				manīḡaḥten
----	--	--	--	------------

Инфинитив

1.	šuppiḡaḥḥuḡar
----	---------------

Причастие

idālaḡaḥḥanza

tašuḡaḥḥanza

¹ § 30. Кур., § 20 D, 13, вариант.

² § 164в.

2. Основы на гласные

174. а) Многосложные основы: *uɕate-* „приносить“, *peɕute-* „доставлять, относить“, *ɕete-* „строить“, *ɕatku-* „прыгать“ (Petersen, Hitt., § 87).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1.		<i>peɕutemi</i>	<i>ɕedaɣɣi</i> ¹	
2.	<i>uɕateši</i>	<i>peɕuteši</i>		
3.	<i>uɕatezzi</i> (<i>uɕadazzi</i> , XXI, 29; III, 38)	<i>peɕutezzi</i>	<i>ɕetezzi</i>	<i>ɕatkuz(z)i</i>

Мн. ч.

1.	<i>uɕateɕani</i> (<i>uɕatummeni</i> ¹ ; KIF, I, 398, строка 12)			
2.	<i>uɕatetteni</i>	<i>peɕutetteni</i>		
3.	<i>uɕadanzi</i>	<i>peɕudanzi</i>	<i>ɕedanzi</i>	

Индикатив претерита

Ед. ч.

1.	<i>uɕatenun</i>	<i>peɕutenun</i>	<i>ɕetenun</i> (<i>ɕedaɣ- hun</i> ¹ ; XIX, 30; I, 15)	
2.	<i>uɕatet</i>	<i>peɕutet</i>		
3.	<i>uɕatet</i>	<i>peɕutet</i>	<i>ɕetet</i>	<i>ɕatkut</i>

Мн. ч.

1.	<i>uɕateɕen</i>		<i>ɕetummen</i> ¹ (KBo, IV, 1; I, 28)	
2.				
3.	<i>uɕater</i>	<i>peɕuter</i>	<i>ɕeter</i>	

Императив

Ед. ч.

2.	<i>uɕate</i>	<i>peɕute</i>
3.	<i>uɕateddu</i>	

Мн. ч.

2.	<i>uɕatetten</i>	<i>peɕuteten</i>	
3.	<i>uɕadandu</i>	<i>peɕudandu</i>	<i>ɕedandu</i>

Инфинитив

1.		(род. п. <i>ɕedumaš</i>) <i>ɕatkuɕar</i>
----	--	---

Супин

*ɕetummanzi*¹

¹ Спряжение на *-ɣi* (§ 188).

Причастіе

peḥudanza cedanza

ɕatkuɕanza

175. б) Односложные основы: lā „освобождать, развязывать, распрягать“, tē- „сказать“ (Sommer, HAB, 192 и сл.; Pedersen, Hitt., § 85).

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1. lāmi	temi		
2. lāši	teši		tarteni ²
3. lāi ¹	tezzi	lānzi	taranzi ²

Индикатив претерита

1. lāun (lānun)	tenun	lāɕen
3. lāit	tet	

Императив

2. lāi		lāttēn	tetten
3.	teddu		darandu ²

Причастіе

lānza taranza²

3. Основы на -āi-

176. ḥatrāi- „писать“, piddāi- „убегать“, kappuɕāi- „испытывать“, ḥandāi- „прилаживать, связывать, устраивать“ (§ 13а; кроме того, Götze, Madd., 81 и сл.; Götze, Tunn., 44, прим. 132; Pedersen, Hitt., § 90).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. ḥatrāmi			ḥandāmi
2. ḥatrāši		kapueši ⁴	ḥandāši
3. ḥatrāizzi	pittāizzi (piddāi ³)	kappuezzi ⁵ (kappuɕāi ³ , KBo, II, 9; I, 34)	ḥandāizzi (ḥantez- zi ⁵ , HT I; III, 7; ḥandāi ³ , KBo, V, 2; IV, 16)

¹ Спряжение на -ḥi (§ 186 или 187).

² От другой основы tar- (Sommer, HAB, 192 и сл.).

³ Переход в спряжение на -ḥi (§ 187).

⁴ § 176.

⁵ § 13а.

Мн. ч.

1. ḡatrāuni ¹			
2.	pittatteni	kappuḡatteni	
3.	piddanzi	kappuḡanzi	ḡandanzi
	(pittiḡanzi ²)	(kappuēnzi ³)	

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. ḡatrānun		kappaḡānun	ḡandānun
2. ḡatrāēš	piddāiš	kappuit ⁴	
3. ḡatrāit	piddāit	kappuḡait	ḡandāit
(ḡatrāiš ²)	(piddāiš)	(kappuet ⁴)	

Мн. ч.

1.			ḡandāḡen
2.			
3. ḡatrāir	piddāir		ḡantāir

Императив

Ед. ч.

2. ḡatrāi		kappuḡai	
		(kappui)	
3.		kappuḡāiddu	ḡantaiddu
		(kappuiddu)	

Мн. ч.

2.	pittatten	kappuḡatten	
3.		kappuḡandu	

Инфинитив

1.		kappuḡaḡar	ḡandāḡar
----	--	------------	----------

Супин

ḡandāḡanzi

Причастие

ḡatranza	pittiḡanza	kappuḡanza	ḡandanza
----------	------------	------------	----------

4. Основы на -ḡa-

177. ḡa- „делать“, tiḡa- „подходить, приближаться“, cemiḡa- „находить“, zaḡḡiḡa- „сражаться“, kartimmiḡa- „гневаться“ (§ 14a; кроме того, Pedersen, Hitt., § 89).

¹ § 16.

² Переход в спряжение на -ḡi (§ 187).

³ § 176.

⁴ § 13a.

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. ijami (ijammi; I, 16; III, 24)	tijami	ɟemijami	zahhijami
2. ijaši	tijaši	ɟemijaši	zahhijaši
3. iiaz(z)i (ie(z)zi, izzī)	tiaz(z)i (tiez(z)i, tizzī)	ɟemiaz(z)i (ɟemiezzi, ɟemizzi)	zahhiezzi (XXIII, 77, 76)

Мн. ч.

1. ijaɟeni	tijaɟeni	ɟemijaɟeni	zahhijaɟeni
2. iɟatteni	tɟatteni		
3. ijanzi (ienzi)	tijanzi (tienzi)	ɟemijanzi	zahhijanzi

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. ijanun (ijaun; KBo, IV, 10; I, 50)	tijanun	ɟemijanun	zahhijanun	kartimmi- anun
2. iɟat	tɟat			
3. iɟat (iet)	tɟat (tiet)	ɟemiat (ɟemit)		kartimme- šta ¹ (KBo; VI, 31; I, 15)

Мн. ч.

1. ijaɟen	tijaɟen	ɟemiɟaɟen	
2. iɟatten			
3. ier	tier	ɟemier (ɟemir)	zahhir

Императив

Ед. ч.

1. iɟallu (XIV, 11; III, 19)	
2. iɟa	tɟa
3. iɟaddu (ieddu)	tɟaddu

¹ Переход в спряжение на -hi (§ 189).

Мн. ч.

2. iɟatten	tɟiɟatten		zahɟiɟatten
3. iɟandu (iendu)	tɟiɟandu	ɟemiɟandu	

Инфинитив

1. iɟaɟar (род. п. iɟaɟ- aš)	tɟiɟaɟar (род. п. tɟiɟaɟ- aš)
------------------------------------	-------------------------------------

Супин

iɟaɟanzi	tɟiɟaɟanzi	ɟemiɟaɟanzi	zahɟiɟaɟanzi
----------	------------	-------------	--------------

Причастие

iɟanza	tɟiɟanza
--------	----------

5. Основы с инфиксом -nin- (§ 152)

178. ɟarnink- „уничтожить, погубить“, šarnink- „заменить“; ninink- „поднимать, созывать“ (§ 32; кроме того, Götze, Madd., 116 и сл.; Pedersen, Hitt., § 92, 2).

Индикатив презенса

Ед. ч.		Мн. ч.		
1. ɟarnikmi	šarnikmi		šarninkueni	
2. ɟarnikti		ɟarnikteni	šarnikteni	ninikteni
3. ɟarnikzi	šarnikzi	ninikzi	ɟarnin- kanzi	šarnin- kanzi kini(n)- kanzi

Индикатив претерита

1. ɟarninkun	šarninkun	nininkun		
2. ɟarnikta				
3. ɟarnikta	šarnikta	ninikta	ɟarninkir	nininir

Императив

2. ɟarnik		ninik	ɟarnikten	
3.	šarnikdu		ɟarnin- kandu	nininkandu

Инфинитив

1. ɟarninku- ɟar	(род. п. ni- ninkuɟaš)
---------------------	---------------------------

Супин

ḥarninkuḡ- ṣarninkuḡ-
anzi anzi

Причастие

ḥarnin- ṣarnin- ninin-
kanza kanza kanza

6. Итеративные глаголы с основой на -šk- (§ 154)

179. а) dašk- „повторно брать“, pešk- „снова давать“, memišk- „часто говорить, поговаривать“, ušk- „часто смотреть, поглядывать“ (образование от au(š)-; § 190), akkušk- „часто пить, попивать“ (Pedersen, Hitt., § 88).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. daškimi	peškimi	memiškimi		
2. daškiši	peškiši	memiškiši	uškiši	
3. daškizzi	peškizzi	memiškizzi	uškizzi	akkuškizzi

Мн. ч.

1. daškiḡani (dašgaḡeni ¹)	pišgaḡeni ¹	memiškiḡani		
2. daškitteni (daškatteni, dašqatani ¹)	piškatteni	memiškatteni (memiškiteni)	uškatteni	akkuškittani ¹
3. daškanzi	peškanzi	memiškanzi	uškanzi	akkuškanzi

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. dašganun	peškinun	memiškinun	uškinun	akkuškinun
2. daškeš		memiškeš (XII, 34; I, 8, memiškit, KBo, IV, 14; III, 24)		
3. daškit	peškit	memiškit	uškit	akkuškit

Мн. ч.

1.			ušgaḡen	
2.	peškatten			
3. daškir	peškir			akkuškir

¹ § 11a. 21.

Императив

Ед. ч.

1.	piškellu (VI, 45; III, 66)	ušgallu (XXIV, 5; II, 8)		
2.	peški	memiški	uški	akkuški
3. daškiddu		memiškiddu	uškiddu	akkuškiddu

Мн. ч.

2. daškatten	piškatten		uškatten	akkuškitten (akkuškatten)
3. daškandu	peškandu	memiškandu	uškandu	akkuškandu

Инфинитив

(род. п. uš-
kijaṣaš¹)

Причастие

uškanza

б) azzikk- „часто есть, пировать“, taršik- „поговаривать“ (§ 23).

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1.	taršikimi		
2.	taršik(k)iši	azzikkittani	
3. azzikkizzi	taršikizzi	azzikkanzi	taršikkanzi (tar-aš-kán-zi ²)

Индикатив претерита

1. azzikkinun		tar-aš-ki-u-en ² (taršigaṣen)
2.	tar-aš-ki-it ²	
3.		azzik(k)ir

Императив

2. azzikki	azzikkitten (azzikkatten)
3. azzikkiddu	azzikkandu

7. Каузативные глаголы с основой на -пи-

180. arnu- „приносить, доставлять“, ʕaḥnu- „поворачивать“, parkunu- „очищать“, raḥḥašnu- (raḥṣanu-; § 27) „охранять“, tit-tanu- „ставить, помещать“, aš(ša)nu- (§ 27) „устраивать, заботиться о“ (§ 19a; кроме того, Pedersen, Hitt., § 92, 1).

¹ Переход в спряжение глаголов с основой на -ja- (§ 177).² § 23.

Индикатив презенса			
<i>Ед. ч.</i>			
1. arnum(m)i	ꞗaḥnumi	parkunum(m)i	paḥšanumi
2. arnuši (arnutti; КВо, IV, 3; III, 11)	ꞗaḥnuši	parkunuši	
3. arnuz(z)i	ꞗaḥnuz(z)i	parkunuz(z)i	
<i>Мн. ч.</i>			
1. arnummeni	ꞗaḥnummeni	parkunummeni	
2. arnuttēni	ꞗaḥnuttēni		paḥḥašnuttēni (paḥšanuttēni)
3. arnuḡanzi	ꞗaḥnuḡanzi	parkunuḡanzi	paḥšanuḡanzi

Индикатив претерита			
<i>Ед. ч.</i>			
1. arnunun	ꞗaḥnnunun	parkunnunun	
2.			
3. arnut	ꞗaḥnut	parkunut	
<i>Мн. ч.</i>			
1.	ꞗaḥnum(m)en		
2.			
3. arnuir (arnuer)	ꞗaḥnuir (ꞗaḥnuer)	parkunuir	paḥšanuir

Императив			
<i>Ед. ч.</i>			
2. arnut		parkunut	
3. arnuddu		parkunuddu	paḥšanuddu
<i>Мн. ч.</i>			
2. arnuttēn			paḥḥašnuttēn
3. arnuḡandu		parkunuḡandu	paḥḥašnuḡandu

Инфинитив			
1. arnummar (род. п. arnum- maš)	ꞗaḥnuḡar (ꞗaḥnumar)	parkunummar	paḥšanumar

Супин			
	ꞗaḥnummanzi		paḥ(ḥaš)šanum- (m)anzi

Причастие

arnuḡanza ʕaḥnuḡanza parkunuḡanza paḥḥaš(ša)nuḡanza

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1. tittanum(m)i

2.

3. tittanuz(z)i aš(ša)nuz(z)i¹ tittanuḡanzi aš(ša)nuḡanzi

Индикатив претерита

1. tittanunun
(titnunun¹)

aššanunun

tittanummen

2. tittanut

3. tittanut (titnut¹) aššanut tittanuer aššanuir

Императив

1.

aš(ša)nullu¹
(XIV, 8; II, 7;
XIV, 11; III, 20)

2. tittanut

ašnut¹

tettanuttēn

3. tittanuḡdu

aššanuddu

tittanuḡandu

Инфинитив

Супин

1. tittanumar (род. п. ašša-
num(m)aš) tittanummanzi aššanumanzi

Причастие

tittanuḡanza aššanuḡanza

8. Глаголы, не относящиеся ни к одной из групп

181. Следующие глаголы нельзя отнести ни к одной из предшествующих групп: ḥar(k)- „держать, иметь“ (Sommer, Heth., II, 7²), pai- „идти“ (Sommer, Heth., I, 1 и сл.), ʕa- „приходить“ (Pedersen, Hitt., § 86).

¹ § 27.

Индикатив презенса

	Ед. ч.			Мн. ч.	
1. ɣarmi	pāimi	uɣami (uɣammi)	ɣarɣeni	pāiɣeni (pāɣeni ¹ ; XXIII, 23; III, 5)	uɣaɣeni
2. ɣarši (чаше ɣarti)	pāiši (изредка pāši ¹ , pāitti ²)	uɣaši	ɣarteni	pāitteni (pāittani)	uɣatteni
3. ɣarzi	pāizzi	uizzi	ɣarkanzi	pānzi	uɣanzi (uɣenzi ³ ; Ges., § 79, вариант)

Индикатив претерита

1. ɣarkun	pāun (pānun)	uɣanun	ɣarɣen	pāiɣen (pāɣen ¹ ; XVIII, 29; IV, 21)	uɣaɣen
2. ɣarta		uit	ɣarten		uɣatten
3. ɣarta	pāit	uit	ɣarkir	pāir	uer

Императив

2. ɣar-ak ⁴			ɣarten	pāitten	uɣatten (uitten; 2 ² BoTU, 14§, 22)
3. ɣardu	pāiddu	uiddu	ɣarkandu	pāndu	uɣandu

Инфинитив

1.	pāɣar (род. п. pāɣaš)	uɣaɣar (род. п. uɣaɣaš)
----	-----------------------------	-------------------------------

Супин

pāɣanzi	uɣaɣanzi
---------	----------

Причастие

ɣarkanza	pānza
----------	-------

uɣanza

¹ § 136.² Спряжение на-hi (§ 137); Нццц., § 28, строка 28.³ § 176.⁴ § 25a.

182. В императиве от глагола *pāi-* „идти“ сохранилась только форма 2-го лица мн. ч.; форма 2-го лица ед. ч. утратилась. Обе формы заменяются также изолированными формами императива *it* „иди!“ и *itten* „идите!“, основа которых *i-* „идти“ как самостоятельный глагол уже не существовала (ср., однако, медиальный глагол *iḷa-*, § 196; см. также Friedrich, ZA, NF 2, 48; Pedersen, Hitt., § 86).

183. 2-е лицо ед. ч. императива от *uḷa-* „приходить“ заменяется междометием *eḫi* „сюда!“, также „приходи“ (Pedersen, Hitt., § 75). Глагольная функция этого междометия выявляется в сочетании с приставками: *anda eḫi* (XXIV, 2; I, 11), *paṛā eḫi* (Güterbock, ZA, NF 9, 323, строка 5), *kattan eḫi* (VII, 5; I, 16; VII, 8; II, 3).

СПРЯЖЕНИЕ НА *-ḫi*

1. Основы на согласные

184. а) На один согласный: *ṣak-* (*ṣek-*, § 11a; Sommer, HAB, 101) „знать“, *ak-* „умереть“, *ar-* „достигнуть, прибыть“, *ṣak-* „кусать“, *aṣaṣ-* „сажать“ (Pedersen, Hitt., § 76).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. <i>ṣaggaḫḫi</i>		<i>arḫi</i>		<i>aṣaṣḫi</i> (<i>aṣaṣḫe</i> ²)
2. <i>ṣakti</i>	<i>akti</i>	<i>arti</i>		<i>aṣaṣti</i>
(<i>ṣekti</i> ¹ ; XVIII, 67; I, 9)				
3. <i>ṣakki</i>	<i>aki</i>	<i>ari</i>	<i>ṣaki</i>	<i>aṣaṣi</i>

Мн. ч.

1. <i>ṣekkueni</i>	<i>akkueni</i>			
2. <i>ṣekteni</i>	<i>akteni</i>	<i>arteni</i> (<i>erteni</i> ¹)		
3. <i>ṣekkanzi</i>	<i>akkanzi</i>	<i>aranzi</i>		<i>aṣeṣanzi</i> ¹ (<i>aṣiṣanzi</i>)

¹ § 11a.

² § 10.

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. šaggahhun		a-ar(-ah)-hu-un ³		ašašhun
2. šakta				
3. šakta ¹ (šekta ² ; VII, 8; II, 15)	ak(k)iš (akta ¹)	a-ar-aš	uakkiš (Forrer, Mélanges Cumont, 694, стро- ка 25)	ašašta ¹ (ašešta; KBo, III, 4; II, 20)

Мн. ч.

1. šekkuen		eruen ² (XXI, 10, 24)	uakuen	
2.	akten			
3. šekkir	akir(ekir)	erir		ašešer (ašešir)

Императив

Ед. ч.

1. šeggallu (XXIII, 88; I, 6)	aggallu (KBo, IV, 14; II, 35)
2. šak (šaki ⁴)	ak
3. šakdu ¹	aku (akdu) ¹ aru

Мн. ч.

2. šekten (šikten)	arten	ašešten
3.	akkandu	

Инфинитив

1.		ašešuuar
2.		uaganna (uaganna; XXV, 24; II, 14)

Супин

ašešuuanzi

Причастие

šekkanza	akkanza (agganza)	aranza	ašešanza
----------	----------------------	--------	----------

¹ Переход в спряжение на -mi (§ 169).² § 11a.³ § 26.⁴ Al., § 19, строка 75 (Friedrich, Staatsv., II, 101).

185. б) На два согласных: paḥš- „охранять“, šipand- „совершать возлияние“.

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1. paḥḥašḥi
(paḥḥašmi ¹ ;
XXIX, 1; I, 19)	šipandaḥḥi	paḥšueni	
2. paḥḥašti		paḥḥašteni	
3.	šip(p)anti
(šipandai ² ; XV,
1; III, 55; HT,
5, 20)	paḥšanzi	šipandanzi
(šippantenzi ³)

Индикатив претерита

1.	šipantaḥḥun		
2. paḥḥašta			
3. paḥḥašta ¹	šippandaš	paḥšir	šippanter
(šippantair ² ;
V, 6; II, 63)

Императив

2. paḥši	paḥḥašten
3. paḥḥašdu	paḥšandu

Инфинитив

1.	šippantuḡar
(род. п. šipan-
duḡaš) |
|----|--|

Супин

šip(p)anduḡanzi
(šipantuḡanzi)

Причастие

paḥšanza šipantanza

2. Основы на гласные

186. а) dā- „братъ“ (Friedrich, ZDMG, NF 1, 169 и сл.; ср. Pedersen, Hitt., § 77).

¹ Переход в спряжение на -mi (§ 172).

² § 166a.

³ § 11a; KBo. IV, 13; V, 12.

Индикатив презенса

<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1. dahḥi	dāḡeni (dāḡani, dummeni ¹ , XIII, 35; IV, 6; tummeni, XVII, 8; IV, 17 и т. д.)
2. datti (tatti)	datteni (tatteni)
3. dāi	danzi

Индикатив претерита

1. dahḥun	dāḡen
2. dās (KBo, III, 4; III, 77; datta, Madd., II, 56)	datten
3. dās	dāir

Императив

2. dā	datten
3. dāu (daddu ² ; KBo, IV, 10; I, 11 и сл.)	dandu

Инфинитив

Супин

Причастие

1. (род. п. dāḡaš)	dāḡanzi	danza
2. danna		

187. 6) dāi- „класть, ставить“ (Friedrich, ZDMG, NF 1, 169 и сл.); pāi- „давать“ (Sommer, Heth., I, 1 и сл.), nāi- „направлять, посылать“; zāi- „переходить“, ḡalzāi- „звать“ (Pedersen, Hitt., § 77 и сл., 81).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. teḥḥi	piḥḥi	neḥḥi		ḡalziḥḥi (ḡal-zijami ⁶ ; XV, 23, 19)
2. dāitti (tāitti)	pāišti (pešti ³)	nāitti (nejati ⁴)	zāitti (Kup., § 9 C, 31; zā-ši ⁵ , ZA, NF 5, 58)	ḡalzāitti (ḡal-zešti, ḡalzijat-ti ⁴ , ḡalziḡaši ⁷ ; см. Götze, Туэн., 31 и сл.)
3. dāi	pāi	nāi	zāi	ḡalzāi

¹ Образование по аналогии (§ 188)?

² Переход в спряжение на -mi (см. хотя бы § 174, 177).

³ § 13a.

⁴ Частичный переход (в отношении основы, но не по окончанию) в спряжение на -mi (§ 177).

⁵ Переход в спряжение на -mi (§ 181, 175; ср. § 136).

⁶ Переход в спряжение на -mi (§ 177). Об этом и аналогичных ему отклонениях в спряжении ḡal'zāi- см. также Sommer, HAB, 231.

⁷ Полный переход в спряжение на -mi (§ 177).

Мн. ч.

1. tijaŋeni	pijaŋeni (piŋeni ¹)	nejaŋeni	ḡalzijaŋeni (ḡalziŋani)
2. dāitteni (tāitteni, XIII, 4; IV, 21; tāištēni, XIII, 4; IV, 27)	peštēni (pištēni)	nāištēni (nāištāni)	ḡalziātteneni ²
3. tijanzi (tienzi; I, 17; II, 9)	pijanzi	nejanzi	ḡalzijanzi

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. teḡḡun	peḡḡun	neḡḡun (nejaḡḡun; XII, 57; IV, 11)	ḡalziḡḡun
2. dāišta (dāitta ³)	pāišta (pāitta; I, 16; III, 10; XIV, 1; I, 22)		
3. dāiš	pāiš (pešta)	nāiš (nāešta)	zāiš
			ḡalzāiš

Мн. ч.

1. tijaŋen (XIX, 55; II, 5; XXVI, 66; III, 17; dāiŋen, XXIII, 72; II, 2)	pijaŋen	zaiŋen	ḡalzi(ja)ŋen
3. dāier (Sold., I, 27; tier, tiir)	pier	nāir (neir)	ḡalzēr

Императив

Ед. ч.

2. dāi	pai	nāi	ḡalzāi
3. dāu	pāu	nāu	

Мн. ч.

2. dāišten	pešten	nāišten (nejašten ⁴)	zaitten	ḡalzišten
3. tijanḡu	pijanḡu			

¹ § 14a.² Полный переход в спряжение на -mi (§ 177).³ Götze, Madd., стр. 61.⁴ Частичный переход (в отношении основы, но не по окончанию) в спряжение на -mi (§ 177).

Инфинитив

1. tijaṣar (род. п. tijaṣaš)	pijaṣar	nejaṣar	(род. п. ḥalzijaṣaš)
2. tiḥanna	piḥanna		

Супин

tijaṣanzi	pijaṣanzi	ḥalzijaṣanzi

Причастие

tiḥanza	piḥanza	neḥanza	ḥalziḥanza

188. в) С -и(m)- в 1-м лице мн. ч., инфинитиве и супине: tarna- „оставить, поставить, положить, пустить“, zenna- „окончить“, šarra- „разделить, разломать“, ʕašta- „грешить“, uda- „принести“, pēda- „отнести“ (Pedersen, Hitt., § 80, 82).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. tarnahḫi	zinnahḫi		udahḫi	pēdahḫi
(pitaḫḫi)
2. tarnat(t)i
(tarnāši ¹)	zinniši ⁴
(XXIX,
1; I, 5)	šarratti	ʕaštat(t)i
(ʕaštaši ¹)	pedatti
3. tarnāi
(tarnāiz-
zi ² , XXVIII,
4; I, 256)	zennāi
(zinnizzi ⁴)	šarrāi
(šarrizzi ⁴)	ʕaštāi
(ʕašti ⁵)	udāi
pēdāi

Мн. ч.

1. tarnum-
meni ³	zinnum-
meni ³	šarraṣeni
(XXIV, 8;
IV, 5)	utunmeni ³
(udum-
(m)eni)	pēdum(m)eni ³
(pitum(m)eni)
2. tarnat(t)eni		šarratteni	udatteni	pēdatteni
(pitatteni)
3. tarnanzi	zennanzi	šarranzi	udanzi
(utenzi ⁶ ,
XVII, 35;
I, 5)	pedanzi (не-
редко также
pitenzi ⁶)

¹ § 1646.² Переход в спряжение на -mi (§ 176).³ Образование по аналогии с глаголами в § 180 (спряжение на -mi?).⁴ Переход в спряжение на -mi (§ 176, см. также § 13a).⁵ § 1666.⁶ § 11a.

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. tarnahhun	zinnahhun	šarrahhun	uštaḥhun	udaḥhun	pēdaḥhun
2. tarnāš		šarratta
(XIV, 1;
I, 42)	uštaš		
3. tarnāš	zinnit ³	šarraš	uštaš	udaš	pēdaš
- (tarništa¹)

Мн. ч.

1. tarnum(m)en ²				utummen ²	
(tarnuen; 2
BoTU, 21;
III, 6)					
2. tarnatten					
3. tarnir		šarrer
(šarrir)	uštaer	uter	pēter
(piter)

Императив

Ед. ч.

2. tarnā (tarni ⁴)			uda	pēda
3. tarnāu	zinnāu		udāu	pēdāu

Мн. ч.

2. tarnatten			udatten	pēdatten
(tarništen,
VI, 45; I, 32)				
3. tarnandu		šarrandu	udandu	pēdandu

Инфинитив

1. tarnummar	zinnu-	šarrumar	uštummar	utummar	pētummar
(род. п. tar-
nummaš)	uār	(род. п.
šarrumaš)			

Супин

tarnummanzi		šarrumanzi	utummanzi	pētum(m)-
anzi |
|-------------|--|------------|-----------|-------------------|

Причастие

tarnanza	zennan-	šarranza	uštaanza	pēdanza
	za			

¹ Образование по аналогии с глаголами в § 187 или 189.² Образование по аналогии с глаголами в § 180 (спряжение на -mi?).³ Переход в спряжение на -mi (§ 176, см. также § 13a).⁴ Относительно колебаний между tarnā и tarni см. Sommer, HAB, 188.

189. г) С тенденцией образовывать 3-е лицо мн. ч. презенса по типу глаголов с основой на -ja- (Sommer, HAB, 188²): ešša- „совершать“, tema- „говорить“, ḥalzešša- „кричать, взывать“, unna- „пригонять“, reppa- „прогонять“, urra- „отправлять“ (Pedersen, Hitt., § 79).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. eššaḥḥi (iššaḥḥi)	memahḥi	ḥalziššaḥ- ḥi	unnahḥi	pennahḥi	uppahḥi
2. eššatti (iššatti)	mematti	ḥalziššatti		pennatti	
3. eššāi (iššāi)	memāi	ḥalziššāi	unnāi	pennāi	uppāi

Мн. ч.

1. eššueni	memaeeni				uppiēeni (XVII, 21; IV, 13)
2. eššatteni (iššatteni)	mematteni		unnatteni (XXVI, 19; II, 24; un- ništenī, XIII, 27; I, 32)		uppatteni (XIII, 17; IV, 8)
3. eššanzi	memanzi (memi- anzi)	ḥalziššanzi	unnanzi (чаще un- nījanzi)	pennanzi (чаще pen- nījanzi)	uppanzi (uppiianzi)

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. eššaḥḥun	memahḥun		unnahḥun	pennahḥun	uppahḥun
2.	memišta	ḥalzeššešta			uppešta
3. eš(š)ešta	memaš (чаще memišta)		unneš (unniš, unnešta)	penniš (penništa)	uppešta (uppaš; XXVI, 70, 3)

Мн. ч.

1. eššuen			unnumnen		
2.	memišten				
3. eššer (eš- šir)	memir	ḥalzeššir		pennir	uppir

		Императив		
<i>Ед. ч.</i>				
1.	memallu (VI, 46; IV, 42)			
2. ešša (išša, memi ešši ¹)		unni	penni	uppi
3.	memāu	unnāu		uppāu

Мн. ч.

2. iššatten	memišten	
3. eššandu (iššandu)	memandu	ḫalzeššan- du

Инфинитив

1. eššuṣar

Супин

memijaṣ- anzi	pennu- manzi
------------------	-----------------

Причастие

memanza	uppanza
---------	---------

3. Неправильный глагол au(š)-

190. au(š)- „видеть, смотреть“ (Forrer, ZDMG, NF 1, 214; Friedrich, IF, 43, 258¹; Friedrich, ZA, NF 3, 186¹, 202 и сл.; Pedersen, Hitt., § 102).

Индикатив презенса

<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1. uḫḫi	aummeni
2. autti	austeni (XXIII, 77, 15; ušteni, 2 BoTU, 10 ḡ, 8; autteni, XXI, 42; I, 30; XXVI, 12; I, 9)
3. aušzi	uṣanzi

Индикатив претерита

Императив

<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1. uḫḫun	aumen	uṣallu (XIV, 8; II, 42)	
2. aušta		au	aušten
3. austa	auer	aušdu	uṣandu

¹ Sommer, HAB, 188.

СМЕШЕНИЕ СПРЯЖЕНИЙ НА -mi и -hi

191. Уже приведенные выше парадигмы показывают присущую хеттскому глаголу тенденцию к образованию отдельных форм с отклонениями от обычной схемы, прежде всего с отклонениями от правильного типа спряжения. Здесь мы не имеем возможности описать все колебания между спряжениями на -mi и на -hi. Приведем лишь некоторые глаголы, парадигмы которых представляют настолько пестрое смешение форм, характерных для обоих спряжений (частично также и с одновременными изменениями основы), что их невозможно отнести к одному определенному типу спряжения.

192. а) dala- и dalija- „оставлять“, išhāi- и išhija- „связывать“, ḥuḡāi- и ḥūja- „убегать“, šāi- и šija- „давить, нажимать“¹, šunp- и šun(n)ija- „наполнять“, paršāi- и parši(ja)- „разламывать“.

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. dalaḥḥi (dalijami)		ḥūjami		šunnaḥḥi (šunijami)	paršijaḥḥi (paršijami)
2. dalatti (dalijaši)		ḥu(e)jaši			
3. dalāi (daliyasi)	išhāi	ḥuḡāizzi (чаще ḥuḡāi)	šijaizzi (šiezzi)	šunnai (šun(n)i- jazi, šu- nizzi)	paršāizzi (paršijazi, особенно часто paršija ² ; parši, HT, 1; I, 60)

Мн. ч.

1. talijaḡeni		ḥūjaḡeni			
2. dalešteni (XXIII, 82; II, 22)	išhiḡatteni			šunnatteni	
3. daliḡanzi	išhiḡanzi	ḥuḡanzi (ḥūjanzi)	šijanzi	šunnanzi (šun(n)i- janzi)	paršanzi (чаще paršijanzi)

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. dalaḥḥun (daliḡanun)	išhiḥḥun (išhiḡanun)	ḥūjanun	šijanun (XIII, 35; IV, 37)
----------------------------	-------------------------	---------	----------------------------------

¹ Для этой пары, вероятно, существовало первоначально то же отношение, что и для dāi:tiḡanzi (§ 187).

² § 163¹, 166в.

2.				
3.	dališ (dalešta, daliġat)	išġiġat	ħuġaiš (ħuġaš)	šġait (šiet)
				šunnaš (šunništa, šunēt; Ges., § 166 и сл.)

Мн. ч.

1.	daliġaġen				
2.	daliġatten				
3.	dalir	išġier	ħuġair (ħūer)	šġair	šunnir

Императив

Ед. ч.

2.	dala (dali ¹)		šai (šġa)	šunni
3.	talešdu (KBo, III, 3; II, 9)			šunniddu

Мн. ч.

2.			šaišten (XXVI, 82, 9)	šūništen (XIII, 3; II, 27)
3.		išġiġandu	šġiġandu	

Инфинитив

1.	dalumar	išġiġaġar (род. п. ħū- (taliġaġar) iġaġaš)		šunnumar ²
----	---------	---	--	-----------------------

2.			šġiġanna	
----	--	--	----------	--

Супин

šġiġaġanzi	šunnumanzi ²	parši(ġa)- ġanzi
------------	-------------------------	---------------------

Причастие

daliġanza	išġiġanza	ħu(ġa)ġanza	šġanza	šunniġanza	paršiġanza
-----------	-----------	-------------	--------	------------	------------

193. б) ħaš- „порождать“, ištarp- „запирать, закрывать, замыкать“.

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1.	ištapmi		
3.	ħaši	ištāpi (ištarp- pi)	ħaššanzi ištappanzi

¹ Sommer, HAB, 188.

² По § 188.

Индикатив претерита

1. ḥāšun
 3. ḥāšta ištapta (KBo, ḥāšir
 VI, 29; II, 34;
 ištappaš,
 Ḥatt., IV, 26)

Императив

3. ḥāšu ištapdu ištappandu

Причастие

- ḥaššanza ištappanza

в) takš- „скреплять, производить, совершать, предпринимать“.

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1. taggašḥi
 2. takkišši takkešteni (taggašteni)
 3. takkešzi (реже takkizzi, tag- takkeššanzi
 gašši; 2 BoTU, 23 A; II, 15)

Инфинитив

Супин

Причастие

1. takšunar takšunanzi takšanṣ

СПРЯЖЕНИЕ МЕДИОПАССИВА

194. Для медиопассива различия между спряжениями na -mi и na -ḥi существенного значения не имеют (ср. таблицу окончаний, § 163); поэтому в нижеследующих парадигмах они во внимание не принимаются.

1. Основы на согласные

195. ar- „стоять, становиться“, tarup- „собираться“, eš- „сидеть, садиться“, kiš- „делаться, становиться“, raḥš- „защищать, охранять“ (депонентный глагол = активному). Кроме того, от глагола eš- засвидетельствована еще форма (переходная) 2-го лица ед. ч. презенса eštari (Madd., I, 20, 44) „ты занимаешь (место)“ (с окончанием -ta(ri), которым следует дополнить окончания, приведенные в § 163). Соответствующим этому кратким окончанием является -ta в raḥḥašta. Окончание -tari мы имеем также в пассиве ḥalziḡattari (XXVI, 12; III, 18) „тебя зовут“ (наряду с ḥalziḡattari (XXV, 32; II, 21) „его зовут“; окончания -tari и -ta также встречаются в форме депоненса ḥannattari (XXXI, 127; I, 43, 46)

и в форме *ḥannatta* (XXX, 11; I, 6) „ты судишь“. Формы *ḥalzi-ḥattari* и *ḥannatta(ri)* относятся к числу редких (ср. § 197).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. <i>arḥaḥari</i>	<i>ešḥaḥari</i>	<i>kišḥaḥari</i>	
2. <i>artati</i>		<i>kištati</i>	<i>paḥḥašta</i> (Sommer, HAB, 148)
3. <i>artari (arta) taruptari</i>	<i>ešari (eša)</i>	<i>kišari (kiša)</i>	<i>paḥšari</i> (Huqq., I, 34, 37)

Мн. ч.

1. <i>arḥašta</i> (XVII, 21; IV, 6)	<i>ešḥašta(ti)</i> (XII, 66; IV, 10 = KBo, III, 7; IV, 7)		
2.			<i>paḥḥašduma</i> (2 BoTU, 8; III, 47, 49)
3. <i>arantari</i> (<i>aranta</i>)	<i>taruppan- tari</i>	<i>ešantari</i> (<i>ešanta</i> , <i>ašanda</i>)	<i>kišandari</i> (<i>kišanta</i>)

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. <i>arḥaḥat</i>	<i>ešḥaḥat</i> (<i>ešḥat(i)</i>)	<i>kišḥaḥat</i> (<i>kišḥat</i>)	<i>paḥḥašḥaḥat</i> (<i>paḥḥašḥat</i>)
2. <i>artat(i)</i>	<i>eštat</i> (Madd., II, 34)	<i>kištat</i> (XXIII, 102; I, 5; <i>kišat</i> , Ges., § 37)	
3. <i>artat</i>	<i>darupdat</i>	<i>ešat</i>	<i>kišat (kišati) paḥḥaštat</i>

Мн. ч.

1. <i>arḥaštat</i> (XXIII, 115, 13)			
2.			<i>kišdummat</i> (XXIII, 103; II, 4)
3. <i>arantat</i> (<i>arandati</i>)	<i>taruppan- tati</i>	<i>ešantat</i> (<i>ešandat</i>)	<i>kišantat(i)</i> (<i>kišandat</i>)

Ед. ч.

Императив

1. arḥaḥaru
(KBo, IV, 14;
III, 6; VBoT,
120; II, 20)

2. arḥut ešḥut kišḥut
3. artaru ešaru kišaru paḥšaru

Мн. ч.

2. ardumat ešdum(m)at kišdumat paḥḥašdumat
(KBo, IV, 12;
II, 3)
3. arantaru taruppan- kišantaru paḥšantaru
taru (paḥšandaru)

Инфинитив

2. ašanṇa

Причастие

ešanza kišanza

2. Основы на гласные

¹196. ija- „ходить“, nāi-, neja- „поворачиваться“, zaḥḥija- депоненс „воевать“ (в медиальном значении „сражаться, бороться“), uṣa- „показываться, являться“ (медиум к au(š)- „смотреть“¹; литературу см. § 190), ki- „лежать“.

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. ijaḥḥari nejaḥḥari zaḥḥijaḥḥa(ri)
(§ 267)
2. iḥattati neḥattati
3. iḥattari (iḥat- neḥari zaḥḥiḥattari uṣaitta(ri) kittari
ta, iḥadda(ri)) (neja) (§ 267) (kitta)

Мн. ч.

1. zaḥḥijaṣṣaštati
(KBo, III, 4;
II, 13; § 266)
2. iḥadduma²
(XXIII, 72;
II, 55)
3. iḥantari neḥanda(ri) kiḥantari
(iḥanta) (niḥantari) (kiḥanta)

¹ Вместе с тем основа auš- с медиальными окончаниями выступает, по-видимому, как депоненс (= активу „смотреть“).

² Следует отметить šarkaliḥatumarī „вы поднимаетесь“ (?) (Sommer, HAB, 85 и сл.).

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. iiaḥḥat (iiaḥḥaḥat)	neiaḥḥat	zaḥḥiiaḥḥat (XXIII, 11; III, 30; § 267)	uḥaḥḥat (XXIV, 7; IV, 34; auṣḥaḥat, Forrer, Forsch., II, 23; II, 17)
---------------------------	----------	---	---

2.

3. iḡattat(i)	neiat (ча- ше neiat- tat, neiad- dat)	zaḥḥiiaḡattat ¹ (§ 267)	uḡaittat (auṣtat; XVII, 10; II, 35; § 267)	kittat(i)
---------------	--	---------------------------------------	---	-----------

Мн. ч.

1.

2.

3. iḡantat	neḡantat(i)	uḡantat	kiiḡantati
------------	-------------	---------	------------

Императив

Ед. ч.

1.

2. iiaḥḥut (XXII, 70; I, 37; чаще it, см. § 182)	naiṣḥut (neṣḥut)	zaḥḥiiaḥḥut (XXVI, 35, 8; § 267)	uḥaḥḥaru
---	---------------------	--	----------

3. iḡattaru	neḡaru	kittaru
-------------	--------	---------

Мн. ч.

2. iḡaddumat (XV, 34; I, 42)	naiṣḍumat	zaḥḥiiaḡaddu- mat (§ 267)	kiddumati (Ḥuqq., IV, 7)
3. iḡantaru	neḡandaru	uḡandaru	

3. Редкие медиальные и пассивные формы

197. Из числа редких медиальных и пассивных форм, относящихся к глаголам, обычно имеющим активную флексию, см. еще:

а) Медиум

irḥāi- „ограничивать“, мед. „кончаться“ (по § 176): irḥāitta (VIII, 1; III, 5) „кончается“ (3-е лицо ед. ч. презенса);

¹ Также zaḥḥiiaḡatta (Sommer, HAB, 87³).

uniṇṇāi- „украшать“, мед. „украшаться“: uniṇṇaḥḥari (XVII, 9; I, 32) „я украшаюсь“ (1-е лицо ед. ч. презенса); unuttat (XVII, 5, 5) „она украсилась“ (3-е лицо ед. ч. претерита);

ḥandaī- „устанавливать, прилаживать, устраивать“, мед. „подчиняться, предаваться“ (§ 176): ḥandaṭṭa(ri) (KBo, IV, 4; II, 29 и т. д.) „получается, оказывается“ (3-е лицо ед. ч. презенса); ḥandanta(ri) „они подчиняются“ (3-е лицо мн. ч. презенса); ḥandaṭṭat (KBo, IV, 4; II, 51 и т. д.) „оказалось“ (3-е лицо ед. ч. претерита); ḥandantati (XVII, 10; IV, 22) „они подчинились“ (3-е лицо мн. ч. претерита);

zenna- „кончать“, мед. „кончаться“ (§ 188): zinnattari (VIII, 1; II, 12) „кончается“ (3-е лицо ед. ч. презенса); zinnattat (KBo, II, 5; IV, 11) „кончился“ (3-е лицо ед. ч. претерита);

šarra- „разделять, нарушать“ (§ 188): šarratta (Madd., I, 42) „ты нарушил“ (2-е лицо ед. ч. претерита; см. Sommer, НАВ, 87³);

ḥuṇa- (ḥūṇa-) „убегать“ (§ 192): ḥuṇatta(ri) (Al., § 18, строка 65) „он убегает“ и т. д. (3-е лицо ед. ч. презенса).

б) Пассив

duṇarna- (§ 176/188) „разбивать, разламывать“: duṇarnattari (Pār., I, 4) „он разламывается“ (3-е лицо ед. ч. претерита), duṇarnattat (Pār., I, 45) „он был разломан“ (3-е лицо ед. ч. претерита);

ḥūnink- (§ 178) „повреждать“: ḥūniktari (Pār., I, 3) „его повреждают“ (3-е лицо ед. ч. презенса), ḥūniktat (Pār., I, 44) „он был поврежден“ (3-е лицо ед. ч. претерита);

aššanu- (§ 180) „устанавливать, готовить“: aššanuuddāri (XIII, 20; I, 10) „его устанавливают, готовят“ (3-е лицо ед. ч. презенса).

198. Любопытная диссимилиция наблюдается у медиального глагола ɟar- „гореть“: в 3-м лице ед. ч. презенса находим ɟarāni < *ɟarari (3-е лицо мн. ч. презенса правильно ɟarandari), в 3-м лице ед. ч. императива ɟarānu < *ɟararu (Sommer, KIF, I, 120 и сл.).

199. Малоупотребительный пассив может также заменяться соответствующими по значению активными или медиальными глаголами: aki „он умирает“ (§ 184) является также пассивом к глаголу kuen- „убивать“ и, следовательно, означает также „он убиваем“ (Friedrich, Symbolae Koschaker dedicatae, Leiden, 1939, I и сл.); kitta „он лежит“ (§ 196) означает также „его кладут“ (пассив к dāi- „класть, помещать“; § 187, Sommer-Ehelfolf, Pār., 52).

4. Составные глагольные формы

200. Различаются три типа составных форм спряжения:

а) Образование пассива путем сочетания глагола еš- „быть“ с причастием: DUMU.SAL piḡanza ešta (XXI, 38; II, 7 и сл.) „девушка была дана“; niḡarat anda UL SIḡ₃-in appan ešta (XXIII, 33; II, 8) „это было нехорошо уложено“; ḡurtanteš ešir (XIV, 17; H, 12) „они были прокляты“; taruppanteš ešir (2 BoTU, 23 A; I, 15) „они были соединены“; lamniḡan ešdu (XIII, 4; II, 33) „да будет названо!“; ^{GIS}GIḡIR iškian ešdu (HT, 1; II, 38 и сл.) „пусть колесница будет смазана!“; ḡarpanteš ešten (XIII, 4; III, 61) „пусть будете выкупаны!“; danteš ašandu (XIII, 4; III, 7) „пусть будут взяты!“

Иногда глагол еš- „быть“ опускается¹: UD.KAM^{HI.A} tuḡḡušan-teš (VIII, 1; III, 2) „дни обрезаны, укорочены“, memiḡaš ištantaḡa (AI., § 2 B, 6) „дело (было) затянато, просрочено“.

201. б) Выражение перфекта и плюсквамперфекта путем сочетания глагола ḡar(k)- „иметь“ (§ 181) с застывшей формой именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода причастия (Sommer-Ehelolf, Pār., 30). Перфект: ^{GIS}GIḡIR turian ḡarḡeni (XIII, 35; IV, 2 и сл.) „мы запрягли боевую колесницу“; nat mān kūruraš DINGIR^{LUM} kuiški iḡan ḡarzi (HT, 1; II, 18 и сл.) „и если это сделало какое-нибудь вражеское божество“; mān DINGIR^{LUM} ^{UTU}ḡ^{ŠI} ḡaddulaḡḡan ḡarti (XV, 16; I, 4 и сл.) „если ты, о божество, Солнце (т. е. царя) исцелило“; mān antuḡšan kuinki para ḡuittian ḡarmi (Huqq., III, 10) „если я какого-нибудь человека предпочел“; LÚMEŠ URUGašḡa kuit dān ḡar-kanzi (XVII, 21; IV, 7) „что взяли люди Гашга“; pāḡ-aš-na-an ḡar-kān-zi (KBo, IV, 9; VI, 7 и т. д.) „они склонились“. Плюсквамперфект: kuē KARAS^{HI.A} INA KUR URUNuḡašši peḡudan ḡarta (KBo, IV, 4; II, 63 и сл.) „какие войска привел он в страну Нухашши“; 300 GUŠKIN iḡḡian ḡarta (Duppr., § 2, строка 9 и сл.) „300 (сиклей) золота он (как дань) наложил“; numi ^ŠSTAR ka-niḡšan ḡarta (Hatt., I, 28 и сл.) „и богиня Иштар ко мне благоволила“; numi ištamaššan ḡarkir (KBo, V, 8; I, 23 и сл.) „и они слышали от меня“. Императив: numi ištamanan laḡān ḡar-ak (XXIV, 1; I, 16 и сл.) „и держи ухо ко мне склоненным“; nu ^{ŠA}LÚKÚR kuēš KAS^{HI.A} našza BEL MADGALTI karpuḡan ḡardu (XIII, 2; I, 9 и сл.) „и которые пути (путями) врага (являются), их начальник пограничной стражи под надзором (буквально: надзираемое) пусть держит“. В этом сочетании причастная форма всегда

¹ Как правило, опускается в 3-м лице ед. и мн. ч. презенса (§ 212).

сохраняется неизменной; таким образом, хеттский язык выходит здесь за пределы употребления, свойственного современным романским языкам.

202. в) Выражение значения „собираться, быть готовым что-либо сделать“ с помощью одного из глаголов: *dā-* „брать“, *dāi-* „класть, помещать“ или *tija-* „ступать“ в сочетании со вторым супином на *-цап* (Götze, Hatt., 66 и сл.; Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 21 и сл.). Основной глагол выступает здесь часто или в форме итератива на *-šk-* или *-šš-* (§ 154), или в форме дуратива на *-appāi-* (§ 150): *ERIN^{MES} peškiṣan dāir* или *tier* „они были готовы давать войска“; *ERIN^{MES} peškiṣan tijaṣeni* (KBo, IV, 4; IV, 34 и сл.) „мы готовы давать войска“; *EZEN^{HI.A} ešṣuṣan tijaṣzi* (V, 6; I, 23) „они собираются праздновать праздники“; *LUŠU.GI kišat naš DINGIR^{LIM}-iš kikkišṣuṣan dāiš* (2 BoTU, 23A; I, 63 и сл.) „он стал стар и он собрался богом стать (т. е. умирать)“; *pammašši arkamman piddanniṣan dāir* (Madd., I, 74) „впредь они были готовы платить ему дань“; *numu aši memiṣaš tešḥaniškiṣan tijaṣ* (Murš. Sprachl., I, 7) „и мне это дело сниться стало“; *Ē^{MES}.ŠUNU karipuṣan dāir* (2 BoTU, 23A; I, 21 и сл.) „они начали дома свои уничтожать (буквально: пожирать)“ (Bechtel, Hittite Verbs in *-sk-*, стр. 67 и сл.; Sommer, HAB, 56).

5. Именные глагольные формы

203. Первый инфинитив (на *-цап*) является скорее всего глагольным существительным; *цацап* означает „приход“, *ḥarninkuṣar* „уничтожение“. Отсюда понятно, почему эта форма в известной степени может склоняться (герундий; Friedrich, ZA, NF 1, 9 и сл.).

204. а) Особенно часто встречается родительный падеж инфинитива. Но он образуется не от основы на *-цап*, а от основы на *-и*: *pāṣar* „хождение“, род. п. *pāṣaš*; *tijaṣar* „положение“ (от *dāi-*), род. п. *tijaṣaš*; *arnummar* (§ 19a) „приношение“, род. п. *arnummaš*; *šeṣuṣar* „отдохновение“, род. п. *šeṣuṣaš*; *nininkuṣar* „объявление“, род. п. *nininkuṣaš*; *turijaṣar* „запрягание“, род. п. *turijaṣaš*; *tarnummar* „положение“, род. п. *tarnummaš*.

205. б) Другие падежные формы встречаются редко. Следует отметить для *цекиṣar* „требование“ (Sommer, KIF, I, 340 и сл.) образованный от основы на *-цап* аблатив ед. ч. *цекиṣarras* (XII, 24; I, 6) и особенно формы множественного числа (§ 87 и 88): от *аркиṣar* „моление, молитва“ мн. ч. *аркиṣarri^{HI.A}* и *аркиṣarra*; от *минумар* „достижение расцвета, роста“ (род. п. *minummaš*) — *минумар^{HI.A}* и *минумарри^{HI.A}* (Götze, Murš.-Ann., 223 и сл.).

206. Герундий, т. е. родительный падеж инфинитива, приближается к герундиву: *memiiaš kuiš ijaçaš* (Durr., § 14, строка 7) „какое дело совершения (есть)“ по существу то же, что и „какое дело надлежит совершить“: *kuiš arḥa tarḥnummaš* (XIII, 20; I, 11) „кто отпущения (есть)“ = „кто должен быть отпущен“. Отсюда понятно, почему такой родительный падеж от существительных воспринимается иногда как форма именительного падежа единственного числа от прилагательных и к нему в отдельных случаях образуются формы именительного падежа множественного числа; так, наряду с *kuiš IKRIBU šarninkuçaš* (KBo, II, 2; III, 33) „каковая молитва покаяния (есть)“ мы находим как мн. ч. *IKRIBU^{нл.а} kueš šarninkueš* (KBo, II, 2; IV, 7 и сл.) „каковые молитвы покаянные (суть)“ (Götze, Hatt., 140; ср. Pedersen, Hitt., § 94).

6. Лувийские глагольные формы

207. Иногда хеттские глагольные формы имеют при себе лувийские личные окончания. До сих пор засвидетельствованы следующие случаи:

а) 3-е лицо ед. ч. презенса на -ti (Sommer, AU, 108): *anniti* „он выполняет“ (хетт. *an(n)iiazi*), *ḥašpati* „он уничтожает“ (основа *ḥašpa-*; Güterbock, ZA, NF 9, 325).

б) 3-е лицо мн. ч. презенса на -nti (Sommer, AU, 108): *ḥaššanti* „они одевают“ (хетт. *ḥaššanzi*; § 169).

в) 1-е лицо ед. ч. претерита на -ḥa (Götze, Hatt., 62, 94; Sommer, AU, 71, 389): *taparḥa* „я правил“ (основа *tapar-*), *daḥušiiaḥḥa* „бездейтельно созерцал“ (основа *daḥušiia-*), *ḥašpaḥa* „я уничтожил“ (основа *ḥašpa-*).

г) 3-е лицо ед. ч. претерита на -ta, также после гласных (там, где в хеттском стоит -t) (Sommer, AU, 108): *išḥizzita* (XIII, 3; III, 26) „он рассвирепел“ (основа *išḥizzia-*, § 177; 3-е лицо ед. ч. презенса *išḥizzijazi*), *rapritta* (2 BoTU, 10 γ, 18) „он осквернился“ (основа *raprāi-*, § 176; 3-е лицо ед. ч. презенса *raprizzi*), *tarpanallaššatta* „он подстрекал (?)“.

д) 3-е лицо мн. ч. претерита на -nda (Sommer, AU, 108): *amtaššanda* (XII, 26; II, 8) (значение не ясно, однако встречается наряду с формами 3-го лица мн. ч. претерита на -ir).

СОГЛАСОВАНИЕ¹

208. Принято считать, что в хеттском языке согласование в роде и числе соблюдается слабо. До некоторой степени это наблюдение соответствует действительности; однако детальное исследование вопроса о согласовании в хеттском языке еще не произведено. Предварительно отметим следующее:

а) Действительные языковые факты частично затемнены написанием; под окостенелыми формами идеографической передачи многочисленных, часто употребляемых имен существительных могут скрываться совершенно различные в фонетическом и грамматическом отношениях формы.

1. Если, например, при KUR „страна“ атрибутивные прилагательные и местоимения выступают иногда в среднем роде, а иногда в общем, то в первом случае KUR передает слово ср. р. *udnē* „страна“ (§ 79), а во втором — слово *genus commune* — *udneiant-* „страна“ (§ 53 а, 81) (Sommer, AU, 343; Götzе, Murš.-Ann., 203 и сл.).

2. Под множественным числом идеограмм типа ERÍN^{MES} и NAM.RA^{MES} могут скрываться как формы множественного числа „войска“ и „пленные из мирного населения“, так и соответствующие собирательные образования в единственном числе (Sommer, AU, 145). Поэтому, с одной стороны, мы встречаем конструкции с согласованием во множественном числе: *kuēš ERÍN^{MES} NARĀRĒ anda ʕariššanteš ešir* (КВо, V, 8; I, 18 и сл.) „какие вспомогательные войска на помощь пришли“; *NAM. RA^{MES}-ʕamukan kuēš piran arḫa paršer* (XIV, 15; III, 28) „пленные из мирного населения, которые передо мной разбегались“, а с другой — мы имеем и примеры согласования в единственном числе: *kāš 6 ME ERÍN^{MES} SAG. DU-i uškišgatallaš ešdu* (XIV, 15; IV, 48) „это войско из 600 (человек) личной охраной пусть будет“; *NAM. RA^{MES} kuin ʕaater naš 1 LIM ešta*

¹ § 208—210 даются в расширенной редакции, помещенной автором в сборнике хеттских текстов (J. Friedrich, *Hethitisches Elementarbuch*, II Teil, *Lesestücke in Transcription*, Heidelberg, 1946, S. 129—131). — *Прим. ред.*

(КВо, V, 6; I, 36 и сл.) „масса пленников, которую доставили, это (общ. р.) была 1 тысяча“ (так же в род. п. ед. ч. *apel ŠA NAM. RA^{mes}; Durp.*, § 13, „этой пленной массы“ и т. д.).

б) В то же время в хеттском языке сильно распространено согласование по смыслу; в особенности это относится к согласованию в числе (Sommer, AU, 211¹). Если подлежащим является существительное с собирательным значением, то глагольное сказуемое может стоять при нем во множественном числе: *KUR-eanza ħumanza URU^{as.as.ħi.a} BAd EGIR-pa eppir* (КВо, III, 4; IV, 36 и сл.) „вся страна в укрепленные города удалилась“ (буквально: „удалились“, так как здесь имеются в виду „обитатели страны“). И наоборот, при подлежащем во множественном числе глагольное сказуемое может стоять в единственном числе там, где существительное, выступающее в качестве подлежащего, воспринимается в собирательном значении (Sommer, AU, 153 и сл.): *ħeħeš kiša* (VIII, 1; III, 8 и сл.) „ливни настанут“ (буквально: „настанет“), так как здесь может иметься в виду „наступление периода дождей“.

в) В случаях с многочленными сложными предложениями восприятие хетта легко могло при переходе от одной части предложения к другой колебаться как между единственным и множественным числом, так и между общим родом и средним. Ср., например: *šardiassanna kuin ucatet šuš* [kuenun?] (2 BoTU, 7, 37) „и помощь, которую он привел, я их (разбил?)“ (*kuin* = *quem*, но *š-uš* = *eos*, поскольку здесь мыслятся „войска“); *UR¹-ri ašeššar kuit naš ĤUR. SAG^{na}perunu[š ħarta]* (КВо, IV, 4; IV, 6) „которое в городе население, оно гору и скалы занимало“ (*kuit* = *quod* точно передает существительное ср. р. *ašeššar* „население“, но *naš* = *is*, так как здесь мыслится существительное м.-ж. р. *antuhšannanza* „народонаселение“); *[KA] RAŠ-zakan kuēš tēpačēš i[špart]er apātmaħan ħuman a[rħa ħ]ašpir-pit* (Madd., I, 48) „войска (буквально: лагерь), которые (из которых) немногие ускользнули, и все это они же истребили“ (за существительным в единственном числе *KARAŠ* „лагерь“ следует конструкция во множественном числе: *kuēš tēpačēš išparter* „которые немногие ускользнули“; здесь говорящему представляется сначала слово со значением „войска“, но затем он вспоминает существительное среднего рода единственного числа „лагерь“, с которым и производит далее согласование: *apāt ħūman* „это все“).

209. Колебания в роде установлены:

а) С названиями частей тела (Sommer, HAB, 110). Так, в одних случаях со словом ср. р. *gepu* „колено“ мы находим правильное согласование притяжательного местоимения в среднем роде (*gepu-ššit* „его колено“; VII, 1; III, 7), в других же — притяжательное местоимение в общем роде: *gepuššuš* „его колени“ (вин. п. мн. ч.;

КВо, III, § 4; II, 20; KUB, XIII, 4; II, 58; XVII, 29; II, 11; ср. Götze, Murš.-Ann., 215). То же и с обозначениями „руки“ — *keš-šeraš* (общ. р.) и *keššar* (ср. р.), где обнаруживаются совершенно обратные в отношении грамматического рода конструкции с притяжательным местоимением; ср., с одной стороны, *ŠU-aš-šet* (Ges., I, § 4) „рука его“ (т. е. *keššeraššet*; существительное мужского-женского рода + местоимение в среднем роде), с другой — *keššar-šiš* (Ges., I, § 3) „рука его“ (существительное среднего рода + местоимение в мужском-женском роде).

б) Иногда такие колебания наблюдаются и в других случаях, подлежащих еще исследованию. Ср., например: EN SISKUR. SISKUR-*ja*kan... *aššu ešdu* (КВо, IV, 1; I, 45 и сл.) „и пусть совершающий жертвоприношение (буквально: господин жертвоприношения)... добр (хорош; *aššu* — ср. р.) будет“; *mān antiṣaḥḥaš šurri* (КВо, V, 2; I, 3) „если человек чист“ (*šurri* — ср. р., но параллельно мы встречаем там же — IV, 64 — *mān UKU-aš šurriš* с правильным употреблением прилагательного в общем роде; иначе Sommer, HAB, 176 и сл.). Наряду с правильной конструкцией *MI-an ḥumandan* „всю ночь“ (например, KUB, I, 13; I, 56; II, 10, 59 и т. д.; *MI-an* = *išpan-dan*, вин. п. ед. ч. от существительного м.-ж. р. *išpant-* „ночь“) в „Лошадиной книге“ часто встречается также *MI-an ḥuman* с прилагательным в среднем роде (например, KUB, I, 13; III, 28; КВо, III, 5; I, 30, 39; возможно, что мы здесь имеем дело с ошибкой составителя, который не был хеттом). То же *É^{HI.A}-KUNU-iašmaš parkiṣaēš eštu* (XV, 42; II, 12) „и дома ваши у вас чистые пусть будут“ (*É^{HI.A}* — им.-вин. п. мн. ч. от существительных ср. р. *piḡ* или *parna*; *parkiṣaēš* — прилагательное в им. п. мн. ч. общ. р. наряду с правильной, согласно § 210, постановкой ед. ч. *eštu* глагола после существительного среднего рода). См. также Sommer, HAB, 176⁵.

в) Следует упомянуть здесь и об употреблении формы им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *mekki* „много“ вместо формы именительного-винительного падежа общего рода в единственном и множественном числе (Sommer, HAB, 63; ср. нем. *viel Menschen* и т. п.): *arāš DUMU-aš LUŠU.GI: ešzi[nuz]a DUMU^{mes} mekki ija*zi (VIII, 35; I, 9 и сл.) „этот мальчик вырастет и произведет много детей“ (*mekki* вместо вин. п. мн. ч. общ. р. *meggauš* „многих“); *niṣa kunanzašša mekki LUarpanzašša mekki* (КВо IV, 4; II, 75) „и убитых много и пленных много (буквально: и убитый много и пленный много)“ (*kunanzašša* и *LUarpanzašša* = *kunanza* и *LUarpanza*, им. п. ед. ч. общ. р. + -а „и“; ср. § 25 б).

210. 1) Если подлежащим является существительное среднего рода во множественном числе, то сказуемое ставится в единственном числе.

а) В отношении глагольного сказуемого это правило, так же как и в греческом языке, применяется без исключений (Sommer, HAB, 168): uđdar ANA ŠAPAL MUL^{HI.A} šešzi (KBo, V, 2; II, 28) „воды (die Wasserportionen) останутся под звездами (ед. ч.)“; arēja uddār QATAMMA lagāru (KBo, II, 3; III, 21 и сл.) „и эти слова также сбудутся (ед. ч.)“; kururi^{HI.A}-tamu kuē ešta (Hatt., IV, 56), которые же (страны) мне враждебны были (ед. ч.)“.

б) Также ставится в единственном числе, но уже в отличие от греческого языка, и именное сказуемое (Sommer, HAB, 111⁴): kēma tuppa^{HI.A} ... anijan ešta (KBo, IV, 10; I, 38) „а эти таблетки... изготовлены были (ед. ч.)“; kururi^{HI.A} meggaja nininkan ešta (KBo, V, 8; II, 35 и сл.) „много (буквально: многие) вражеских войск собрано было“; ^{GIŠ}INBI^{HI.A} išhuṣan (KBo, V, 1; II, 35) „фрукты насыпаны (ед. ч.)“; kejakan Ē DINGIR^{LIM}... uktūri QATAMMA aššu ešdu (KBo, IV, 1; I, 43 и сл.) „и эти храмы... крепки (и) так же хороши (защищены) пусть будут (ед. ч.)“.

Однако именное сказуемое иногда встречается и во множественном числе; ср. вариант последнего примера; kejaja Ē DINGIR^{LIM} QATAMMA paḥḥašnuṣanda ešdu nuṣaratšan... uktūri ešdu (KBo, IV, 1; I, 9 и сл.) „и эти храмы пусть так же защищены (мн. ч.) будут (ед. ч.) и это... твердо пусть будет“.

2) При существительных среднего рода в именительном-винительном падеже множественного числа притяжательные местоимения ставятся в единственном числе (Sommer, HAB, 97): uddarmit (KUB, I, 16; II, 56) „слова мои“; šakuṣa-sšet (KUB, XXIX, 1; II, 18) „глаза его“. Ср. парадигмы в § 114.

211. а) После числительных относящееся к ним существительное ставится или во множественном, или в единственном числе (Sommer-Ehelołf, Pār., 52, с указ. лит.): 7^{NA4}paššiluš (^{NA4}paššilan)-ĪD-az šarā dāi- (KBo, V, 2; I, 56) „он вынимает 7 камешков из реки“; 3 ḥuprušḥēs kijanta (или kitta; § 210) или 3 ḥuprušḥiis kitta „3 алтаря поставлены“ (§ 199).

б) С другой стороны, встречаются и такие сочетания, как 1-NUTIM TÚG.GAR.NE^{MES} (KBo, V, 2; I, 31) „одна единица роскошных одеяний (т. е. одно роскошное одеяние)“.

212. а) В презенсе мы находим часто образование чистых именных предложений, т. е. состоящих из подлежащего и сказуемого, без глагола „быть“: attaš aššuš „отец добр“; MU. KAM-zaṣata šer tēraṣeššanza (KBo, IV, 4; III, 24) „год тебе для этого укороченный (уменьшенный)“, т. е. „тебе для этого остается мало времени“.

Если подлежащим является личное местоимение (включая arāš), то оно часто ставится эмфатически на конце (Sommer, HAB, 154):

maršanzaça zik (2 BoTU, 12 A; II, 20) „плохой ты“; *UL DUMU-IA* arāš (2 BoTU, 8; II, 14) „не сын мне он (буквально: этот)“.

б) Эта конструкция возможна также и в императиве (а также в отрицательном обороте, lē с индикативом презенса; § 274 а, 287; Sommer, AU, 168, 326): *piçaraš ammuḳ* ^{1U}*MUDI-IA* (KBo, V, 6; IV, 11) „и (пусть) он мне муж (будет)“; 1-aš 1-ēdani menaḥḥanda le idāluš (Targ., § 10, строка 10) „один на другого (пусть) не злобен (будет)!“

Встречаются и чередующиеся конструкции, например: *piçaza damedaza KUR-eza kurur eš ammetazamaçazakan KUR-eza arḥa lē kurur* (Tav. IV, 4 и сл.) „теперь же из другой страны враждебен будь, из моей же страны не (будь) враждебен! (т. е. ты можешь враждовать, но не от моего имени)“.

в) В претерите глагол „быть“ опускаться не может (Sommer, AU, 25, 54¹, 62): *attaš aššuš ešta* „отец был добр“; *ABU-IA gen-ziçalaš ešta* (KBo, V, 6; IV, 13) „мой отец был благосклонен“; *nuza MU.ḲAM-za šer tēpaçeššanza ešta* (KBo, IV, 4; III, 23) „и год был для этого уменьшенный“. Относительно чередования претерита и презенса см. последнее положение § 219.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПАДЕЖЕЙ

1. Винительный падеж

213. а) С глаголами, содержащими понятие болезни, предложения могут конструироваться двояким образом (Friedrich, Staatsv., I, 31 и сл.): в качестве подлежащего здесь выступает или больной (т. е. интранзитивно): *SAL-Gassulijaçijaš ištarkiat* (KBo, IV, 6; I, 24) „Г. заболела“, или же название болезни, а название больного является дополнением в винительном падеже: *kappin DUMU-an ḤUL-lu GIG GIG-at* (KBo, IV, 12; I, 5 и сл.) „маленького мальчика поразила злая болезнь“.

б) В последней конструкции болезнь часто остается невыраженной, в результате чего возникает безличный оборот с лицом в качестве дополнения в винительном падеже: *ištarkijazzi kuinki* (Targ., § 13, строка 38) „болеет всякий“; *tukma irmaliḳjattat* (Duppr., § 7, строка 14 и сл.) „а ты заболел“.

214. а) Местоимение в среднем роде может выступать как „внутренний винительный“ (как в лат. hoc te rogo, греч. τοῦτο χαίρω; Friedrich, Staatsv., I, 78 и сл.): *tuk UL kuṭki idalaçaḥḥun* (Kur., § 8 С, 23) „в отношении тебя я совсем не поступал дурно“; *apāttaja NIŠ DINGIR^{LIM} šarratti* (Targ., § 11, строка 23 и сл.) „и этим ты нарушаешь клятву; *kijaṇ 1-an dammešḥanunun* (KBo, IV, 8; II, 13) „одним этим я ее наказал“.

б) „Внутренний винительный“ выступает также в хеттском языке как распространенная *figura etymologica*, например: *ḥannešsar ḥanna-* (Hatt., III, 73) „суд судить (вершить)“, *kuṣiṣtin kup-* (Hatt., IV, 34) „замысел замышлять“, *ḥukmaiš* (§ 10, 67 a) *ḥu(e)k-* (VII, 53; II, 6) „заклинания заклинать“, *urpešsar urpa-* (Hatt., IV, 52 и сл.) „послание посылать“ (Sommer, НАВ, 41).

в) Как разновидность внутреннего винительного падежа можно рассматривать также и „винительный пути“ (§ 215 б).

215. а) Очень редко винительный падеж отвечает на вопрос „куда?“ (Friedrich, Staatsv., II, 40¹): *šalli pēdan tiḫazi* (КВо, I, 28; I, 14) „он вступает на великое место (т. е. на трон)“; *pušmaškan ḤUR.SAG-an parḥanzi* (XIII, 3; II, 11) „они погонят вас в горы“. Обычно в этих случаях употребляется дательный-местный падеж (§ 217).

б) Несколько иначе обстоит дело с „винительным пути“: *maṣkan ḤUR.SAG Teḫšinan šarā rāun* (XIX, 37; III, 49) „я бы поднялся на гору Т.“.

216. Формы винительного падежа, застывшие в виде наречия, например: *ḫantezzi* (Al., § 17, строка 58) „сначала, прежде всего“, *karuṣariṣar* „утром“.

2. Дательный-местный падеж

217. Хеттский дательный падеж объединяет в себе функции дательного и местного падежей; он отвечает как на вопрос „кому?“, так и на вопросы „где?“ и „куда?“. Об употреблении в значении местного падежа см. следующие примеры: *URU-an šašti ṣalḥun* (КВо, IV, 4; III, 36 и сл.) „я напал на город на ложе (т. е. во время сна, ночью)“; *URU Ḥattuši gimmandarinun* (КВо, IV, 4; IV, 40 и сл.) „я перезимовал в Хаттуше“; *URU KÜ.BABBAR-ši* (= *URU Ḥattuši*) *ṣanun* (КВо, III, 4; III, 37 и т. д.) „в Хаттуш я пришел“; *pušmaškan peruni parḥanzi* (XIII, 3; II, 13) „они погонят вас на скалу“; *KUR Ḫeḫa ḪR-anni daḥḥun* (КВо, III, 4; III, 22) „я взял в подчинение страну реки Шеха“.

218. а) Глагол „быть“ может иметь при себе possessивный дательный падеж (Sommer, AU, 258²): *ANA ŠEŠ-IA NU. GÁL kuitki* (XXI, 38; I, 15) „у моего брата нет ничего“.

б) Сюда же можно отнести обозначения мер, например: *ANA ṣašannima pargataršet 6 IKU* (КВо, III, 2; I, 25 и сл.) „высота же *ṣašanna* (ристалища) 6 ику“ (Friedrich, ZA, NF 5, 36 и сл.).

в) Наряду с possessивным дательным (*dativus possessivus*) существует также possessивный родительный падеж (*genetivus*

possessivus) (Sommer, HAB, 59); ^{URU}Ijaruḡaddašḡa URU-aš annaz am-mēl ŠA ABI ABI/A ešta (KBo, III, 3; I, 14 и сл.) „город Ияру-ваддаш был раньше (т. е. принадлежал раньше) моего деда“.

219. Дательный падеж употребляется иногда с нашей точки зрения плеонастически (dativus ethicus): pušmaš (или nuza; § 252) DINGIR^{MES}-aš ZI-ni mekki naḡḡanteš eštin (XIII, 4; III, 56 и сл. или XIII, 6; II, 16) „что касается настроения духа богов, будьте (себе) весьма осторожны!“; pušmaš uzuḡrin adanzi (KBo, III, 5; III, 3) „они (себе) траву поедают“; aššijannašḡannaš ĪR^{MES} ešuen, kinun-maḡatuza UL ĪR^{MES} (XXIII, 1; I, 31 и сл.) „любви служителями (т. е. любимыми слугами) были мы (себе; буквально: нам), ныне же мы (себе) тебе не служители“ (§ 212 в).

220. Местным значением дательного падежа объясняется его употребление, как:

а) Дательный цели (Sommer, HAB, 104): nukan kuin ANA 'Nuḡanza ḡaluki parā neḡḡun (KBo, IV, 11, 68 и сл.) „кого я теперь к Нуванце в посольство (с целью посольства) отправил“.

б) Дательный действующего лица при пассиве: 'UTU-ikan kuiš aššijattari (XXIV, 7; IV, 37) „кто любим солнечной богине“; zik-zakan ammuḡḡa l-edani AMA-ni ḡaššanteš (XXIII, 102; I, 14 и сл.) „ты и я от одной ли матери рождены?“ (иначе Sommer, HAB, 78, 185).

в) Dativus comparationis (§ 233).

3. Родительный падеж

221. а) Родительный падеж стоит чаще перед управляющим словом, чем после него (Sommer, HAB, 47 и сл.): parnaš išḡaš „дома хозяин“; attašaš Ê-ri (Ges., § 27) „в его отца доме“; LÚ-ḡaš ḡaštul (Ges., § 197) „человека проступок“.

б) Постановка родительного падежа после управляющего слова возможна в том случае, когда слово обозначено идеограммой (Sommer, AU, 49¹, 93; HAB, 47 и сл.): LÚ takšulaš (XXIII, 77, 60) „человек мира“ (наряду с takšulaš URU „город мира“; там же, 52, 59); INIM kunannaš (Tav., II, 3) „дело убийства“.

222. а) Более обстоятельное выражение значения родительного падежа достигается путем добавления притяжательного местоимения („человека его голова“; Sommer, HAB, 110). Эта конструкция особенно распространена в „Судебнике“ (и вообще она является древней): GUD-aš IGI-ŠU (Ges., § 77 В) „быка глаз его“; SAL-aš ELLI sarḡuḡanduššuš (Ges., § 17) „свободной женщины плод ее (мн. ч.)“; kēl meneššit (Ges., § 166) „этого лицо его“.

6) При неопределенном местоимении родительный падеж ставится позади (Sommer, HAB, 182): šuppalaššet kuelqa (Ges., § 163) „животное его, кого-то“.

223. Излюбленным в хеттском языке является употребление родительного падежа для определения другого имени (Friedrich, Staatsv., I, 158; II, 140): от цаštul „грех“ (§ 83) употребляется цаštulaš (например, Кур., § 7 С, 15, но наряду с ним цаštulas UKÜ-aš) в значении „(человек) греха“ = „грешник“; от тајазил „кража“ — тајазилаš „(тот) кражи“ = „вор“ (например, Ges., § 73) и „(то) кражи“ = „возмещение за кражу“ (Ges., § 95); kardijaštaš (КВо, III, 7; I, 26) „(это) твоего сердца (kardi-)“ = „твое желание“; mānaš ħarkannaš (КВо, IV, 10; I, 10) „если он смерти“ = „приговорен к смерти“. Ср. еще аššaцаš memijanaš (Hatt., IV, 50) „(тот) хорошего дела (положения)“ = „находящийся в хорошем положении“; TI-annaš (Hatt., I, 15) „(тот) жизни (ħuišцатар)“ = „долговечен“, а также формы родительного падежа от инфинитивов (§ 204); например: паħħуцаš (Hatt., IV, 5) „(тот) почитания“ = „тот, кто оказывает почитание“; kuiš arĥa tarnummaš (XIII, 20; I, 11) „кто освобождения“ = „кто будет освобожден“ (§ 206); kuitma DI-šar šumēl UL tar(ah)ħуцаš (XIII, 20; I, 36) „какое судебное дело не вашей возможности“ = „какое судебное дело вы сами не можете выиграть“ (другие примеры см. Sommer, HAB, 76², 92 и сл.).

Соответственно в аккадском языке ŠA МАМЕТИ „(тот) кляты“ = „связанный клятвой“ (§ 363).

224. а) Вместо родительного падежа (с нашей точки зрения) может выступать партитивная аппозиция (αἰμα καὶ ὄλου καὶ μέρος, араб. Badal; Friedrich, Staatsv., I, 43 и сл., 178; II, 24, 142 и сл.), когда у одного глагола имеются два дополнения в одном и том же падеже, из которых первое выражает целое, а второе — затронутую действием часть этого целого (‘Εκτορα δ’ αἰὼν ἄρ’ οὐ πόκασε φρένας ἀμφιμελαινάς, Р 83): takku A.ŠĀG-an ZAG-an (вариант с род. п. A.ŠĀG-aš ZAG-an) kuiški paršija (Ges., § 168) „если кто-нибудь границу поля (буквально: поле границу) нарушит“; пицаруš IGI^{HI.A}-ца munnanzi (2 BoTU, 23 A; II, 29) „им глаза (буквально: их глаза — вин. п.) закроют“; mān arēma kuiški ITTI^d UTU^{SI} цаštai (Кур., § 27 A, 35 и сл.) „если кто-то из них (буквально: эти, кто-то) против Солнца согрешит“; nukan ANA^d UTU^{SI} ŠU-i anda mijaħуцантаħħut (Al., § 21, строка 46) „ну, достигай старости под защитой Солнца (буквально: у Солнца в руке)“; nat ANA ABBA^{HI.A} Ū ANA ABBA ABBA^{HI.A} IA UL kuedanikki uppir (Hatt., IV, 54 и сл.) „это отцам (и) предкам моим никому не посылали“; natmukan UKÜ-az KA×U-az šara uizzi (VI, 45; I, 30 и сл.;

вариант с род. п. *natmukan antuḥṣas KA×U-az šarā uizzi*) „и это (т. е. это слово) ко мне из человеческого рта (буквально: из человека, из рта) восходит“.

б) Особенно следует обратить внимание на употребление в этой конструкции личных местоимений: *puza kē KUR.KUR LU KUR ammēdaz ŠU-az tar(aḥ)ḥun* (КВо, III, 4; IV, 45 и сл.) „и я себе эти страны врага своей рукой (буквально: от меня, от руки) подчинил“; *UL-ḡarakan tuētaza memīānaz kuennir* (VIII, 48; I, 12) „разве они его не по твоему слову (буквально: не через тебя, через слово) убили?“ Практически эта конструкция приводит к тому, что личное местоимение занимает место possessивного местоимения; однако происхождение данного оборота нам неизвестно.

в) В качестве партитивной аппозиции следует рассматривать также обозначения мер, например: *naṣ parkuḡataršet 5 IKU* (I, 11; IV, 23) „и оно (ристалище), высота его 5 ику (т. е. высота ристалища равняется 5 ику)“; *gankuḡar arāṭṭaja UL duqqari* (КВо, IV, 1; II, 12 и сл.) „и эти, вес, не важен (т. е. и их вес не важен)“ (Friedrich, ZA, NF 5, 36 и сл.).

4. Аблатив и творительный падеж

225. а) Аблатив обозначает прежде всего исходную точку движения (на вопрос „откуда“?): *iššaz* „из рта“, *perišaz* „с неба“, *ṣetenaz* „из воды“.

б) С этим значением связаны аблатив разделения: *parkuiš arēz linkiāz* (Huqq., IV, 48 и сл.) „свободен от этой клятвы“ и аблатив причины: *šullannaz* (Ges., § 1, 2) „в результате ссоры“.

226. Затемненный аблатив подобного рода содержится, возможно, также в наречиях места и времени, например: *ZAG-az* „справа“, *iškišaz* „обратно, сзади (с оборотной стороны)“, *ḥan-tezziāz* „спереди, раньше“, *UD.KAM-az* „днем“, *MI.KAM-az* „ночью“ (Sommer-Ehelfolf, Pap., 95).

227. Инструментальный (творительный) падеж обозначает средство или орудие: *nukan IZI ṣetenit kištanuḡanzi* (КВо, IV, 2; I, 12) „и огонь водой тушат“; *UTU-un IGI^{III.A}-it uškizzi* (КВо, IV, 8; II, 19) „Солнце глазами видит“; *LU^I.DÙ-maškan lamnit ḥal-ziššai* (КВо, V, 11; I, 6 и сл.) „но привратник зовет их по имени“; *kaštitaman akten* (Madd., I, 12) „вы бы умерли от голода“.

228. Наряду с этим хеттский язык знает также и *ablativus instrumenti* (аблатив орудия) (Sommer, HAB, 199 и сл., с указ. лит.): *HAZZINNU-ḡa ŠU-za er* (VIII, 50; III, 11) „схвати топор

рукой!"; URU-an zaḥḥiiaz katta dahḥun (KBo, III, 4; IV, 40) „город боем я взял“; ammedaz ŠU-az tar(aḥ)ḥun (KBo, III, 4; IV, 45 и сл.) „моей рукой покорил“ (§ 224 б).

229. а) Поэтому аблатив и инструментальный падеж иногда употребляются попеременно (Hrozný, *Donum nat. Schrijnen*, 367 и сл.). Можно сказать: kunnaz keššeraz ḥarzi и kunnit keššarta (§ 66) ḥarzi „правой рукой держит“; natzakan naššu tešhit uḥallu (§ 190) našmat ariiašešnaz ḥandaiattaru (Pestgeb., II, § 11, 3) „(что является причиной мора), то это или сном (т. е. во сне) увижу, или это оракулом будет установлено“.

б) То же при глаголах движения: GĪR-it šarā pāun (XIV, 15; III, 44) „пешком я поднимался“ и LUGAL-uš ^{GIŠ}ḥuluganaz šarā uizzi „царь в носилках (?) восходит“.

в) К существительному в аблативе, повидимому, может присоединяться притяжательное местоимение в инструментальном падеже: šarḥuandaz-šet (Ges., § 90) „из ее утробы“; iššazmit (т. е. iššaz-šmit) „из их рта“ (Sommer, HAB, 137; иначе Pedersen, Hitt., § 17); ZAG-az-tit (XXXI, 127; I, 66) „у тебя справа“.

5. Общие замечания о синтаксисе падежей

230. Многие глаголы могут управлять несколькими падежами. Так, например:

а) цаfarnaḥ—винительным: „просить кого-нибудь, призывать, поручать кому-нибудь“ и дательным: „сообщать кому-нибудь“ (Sommer, AU, 223).

б) katta dāi—винительным: „город положить (т. е. покорить)“ и дательным: „к городу (войска) положить, город обложить, осадить“ (Sommer, AU, 210 и сл.).

в) paḥ- „бояться“ —винительным: paḥmiuš (VIII, 65, 22) „боюсь их“; UL-za kuitki paḥmi (V, 1; I, 99 и сл.) „ничего не боюсь“; дательным-местным: andamaza paḥḥuenašša uddani mekki paḥḥanteš eštin (XIII, 4; III, 44) „внутри же в деле огня (т. е. когда имеете дело с огнем) очень опасющиеся (т. е. осторожны) будьте!“ (дательный падеж также при paḥ- „кого-нибудь почитать“; Sommer, AU, 94 ¹) и в единичных случаях аблативом: nuza ḥalluḥaḥaza mekki paḥḥanteš eštin (XIII, 4; III, 43) „и ссоры очень остерегайтесь (буквально: остерегающиеся будьте)!“ (Sommer, AU, 94 и примеч. 1).

231. Относительно выравнивания форм именительного и винительного падежей множественного числа см. § 67. В единичных случаях употребляется также форма именительного падежа

единственного числа в качестве винительного: 5 GUD taḫugaš 5 GUD ḫugaš 5 GUD šaḫitišza pāi (Ges., § 57) „5 быков двухлетних, 5 быков годовалых (основа ḫuga-, соответственно taḫuga-), 5 быков сосущих (?) (основа šaḫitišt-; § 80) даст“. В „Лошадиной книге“ иногда встречается от kant- „пшеница (?)“ правильно образованная форма вин. п. ед. ч. kantan (XXIX, 40; III, 20 и т. д.), но в большинстве случаев вместо формы винительного падежа единственного числа¹ выступает форма им. п. ед. ч. kanza (I, 11; I, 44; II, 11; III, 44; I, 13; I, 9 и т. д.).

СРАВНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

232. Сравнение прилагательных выражается, за немногими исключениями (§ 95), не с помощью особых суффиксов, а синтаксическим путем.

233. Для обозначения сравнительной степени служит *dativus-localis comparationis* (дательный-местный падеж сравнения; Friedrich, AfOr, 3, 185 и сл.): nuṣakan ANA ERÍN^{MES}-KA ERÍN^{MES}-IA mekki ANA ANŠU.KUR.RA^{MES}<-KA->-maḫatta ANŠU.KUR.RA^{MES}-IA mekki (XIX, 29; IV, 18 и сл.) „теперь моя пехота многочисленнее твоей пехоты (буквально: велика при твоей пехоте), мои боевые колесницы многочисленнее твоих колесниц“; namḫakan anzel TI-anni UL ŠABĒLUNI TI-tar nakkī (Bo, 2361 + 2365; II, 21 и сл.) „затем (если) жизнь господина нашего не важнее нашей жизни“. Из другого примера (Sommer, HAB, 219 и сл.) следует, что хеттскому языку наряду с обычным дательным сравнения (*dativus comparationis*) не был чужд также и аблатив сравнения (*ablativus comparationis*).

234. Образование превосходной степени весьма напоминает образование сравнительной и яснее всего узнается из добавления слова ḫumanza „весь“ к форме дательного-местного падежа множественного числа: DINGIR^{MES}-naš ḫumandaš dZašḫapunaš šalliš (KBo, III, 7; IV, 15 и сл.) „из всех богов Ц. величайший (собственно: великий)“.

Выражение превосходной степени мы находим также в предложении: šallaḫaškan DINGIR^{MES}-aš kuiš šalliš (XXXI, 141, 3) „из великих богов который велик“.

¹ Это следует рассматривать как языковую погрешность составителя текста, который не был хеттом (Sommer, OLZ, 1939, 161 и сл.).

НАРЕЧИЯ

235. Наречия являются либо первичными по своему происхождению, либо производными.

236. Первичные наречия:

а) Наречия места: *kā* „здесь“, *arija* „там“, *kēz* „отсюда, с этой стороны“, *arēz* „оттуда“, *ediz* „с той стороны, по ту сторону“, *kuṇṇari* „где? куда?“, *kuṇṇarikki* „где-нибудь“, *UL kuṇṇarikki* „нигде“, *kuṇṇaritta* „повсюду“, *andurza* „внутри“, *araḥza, araḥzanda* „вокруг, вне“, *menaḥḥanda* „(на)против“, *arḥa* „прочь“, *parā* „вон, дальше“, *piran* „перед“ (*Zuntz, Ortsadv.*, 13, 59 и сл., 85 и сл.), *ṣēr* „наверху, вверх“ (также „за это, поэтому“), *ṣarā* „вверх“, *anda(n)* „внутри, внутрь“, *tapuṣa, tapuṣza* „в сторону, возле“, *duṇṇan — duṇṇan* „туда — сюда“.

б) Наречия времени: *kinun* „ныне“, *arija* „тогда“, *kuṇṇari* „когда?“, *kuṇṇarikki* „когда-нибудь, некогда“, *UL kuṇṇarikki* „никогда“, *karu* „раньше, уже“, *anniṣan* „прежде, некогда“, *lukkatta* „рано утром, на утро“, *ziladuṇṇa, zilatiṇṇa* „в будущем“, *piṇṇa* „еще“, *pāṇi* „еще не“, *piran parā* „прежде, перед тем“, *duṇṇan parā* „до сих пор“, *ḥudāk* „внезапно, тотчас же“.

в) Наречия образа действия, степени и т. д.: *kiṣṣan* „так, таким образом“, *eniṣṣan* „так же“, *apeniṣṣan* „так“, *arumma* „весьма“, *kuṇṇat* „почему?“, *kuṇṇatṭa* „как-нибудь, может быть“, *UL kuṇṇatṭa* „ничуть, отнюдь не“, *paṇṇa* „тогда, затем“, *imma* „наконец(?)“, *katta* „соответственно(?)“.

237. Как производные наречия выступают:

- а) застывшие падежные формы (§ 216, 226);
- б) производные от прилагательных.

238. Форма именительного-винительного падежа среднего рода от прилагательных может служить наречием: а) в единственном числе: *mekki* „много“ как наречие означает „очень“; *mān antuḥṣan* *kuṇṇi aṣṣu¹ parā ḥuittijān ḥarmi* (Ḥuqq., § 28, строка 9 и сл.) „если я с каким-нибудь человеком особенно хорошо обошелся“; *LU KÚR karṣi zaḥḥijaddumat* (XIII, 20; I, 19) „с врагом стойко сражайтесь!“; б) во множественном числе: *ḥatuga* „ужасно“ (*Götze-Pedersen, Murš. Sprachl.*, 17 и сл.; *Sommer, HAB*, 111).

239. Вместе с тем существует и специальный суффикс наречий *-li* (первоначально форма именительного-винительного

¹ *aṣṣu* „добро“ может означать также формулу приветствия (*Tenner, KIF*, 1, 388).

падежа единственного числа среднего рода от таких прилагательных, как *karüili* „старый“; § 54 б): ^{LÜ}*KÚR-li* „по-вражески“, *SAL-nili* „по-женски“, *aššuli* „хорошо, по-доброму“, *pittiāntili* „как беглец (*pittiānza*)“, *karuššiantili* „тайно“ (*karuššija-* „молчать“).

240. Окончание *-li* (иначе *-umnili* с показателем происхождения *-umna*; § 56) особенно характерно для наречий, означающих речь на каком-либо языке: *ḥattili* „по-хаттски (т. е. по-протохаттски)“, *ḥurlili* „по-хуррийски“, *luḫili* „по-лувийски“, *nāšili* (*Hrozný, Arch. Or.*, 1, 294; также *nešumnili?*, *Hrozný, JA*, 1931, 317 и сл.) „по-несийски (т. е. по-хеттски)“, *palāumnili* „по-палайски“, *rabīlili* „по-вавилонски“.

ПОСЛЕЛОГИ

241. а) Хеттский язык имеет только послелог, предлогов в нем нет. Границы между послелогами, с одной стороны, и наречиями и приставками, с другой, неустойчивы (относительно *arḥa*, *paṛā* и *piran* см. *Zuntz, Ortsadv.*).

б) Те синтаксические отношения, которые мы передаем при помощи предлогов, в хеттском языке могут передаваться часто просто падежными формами (без послелогов); дат.-местн. п. *Ē-ri* может и без послелога обозначать „в доме“ и „в дом“, так же как и чистый аблатив *URU-az* обозначает „из города“.

в) Вопросы „где?“ и „куда?“ обычно не различаются: *KÁ.GAL-i piran* означает и „перед воротами“ (где?) и „к воротам“ (куда?). Различие проводится только между *ḤUR.SAG-i šēr* „на горе“ и *ḤUR.SAG-i šarā* „на гору, в гору“ и часто, хотя не строго, между *Ē-ri anda* „в доме“ и *Ē-ri andan* „в дом“.

242. Вследствие совпадения понятий „где?“ и „куда?“ большинство хеттских послелогов управляет дательным-местным падежом. Некоторые управляют аблативом (на вопрос „откуда?“); вместе с тем перед послелогами встречается и родительный падеж, притом в довольно свободном употреблении. Послелоги с винительным падежом встречаются очень редко, с творительным не засвидетельствованы вовсе.

243. а) Дательным-местным падежом управляют, например, следующие послелоги:

anda(n) „в“ („где?“ и „куда?“): *Ē-ri anda(n)* „в доме, в дом“ (§ 241 в);

piran „перед“ („где?“ и „куда?“): *ḠISBANŠUR-i piran* „перед столом“;

арра(п) „позади“ (в местном значении), „после“ (во временном значении): $\dot{E}$ tarnui аррап „позади дома (tarnu-)“;

katta(n) „под, снизу“ („где?“ и „куда?“), также „у, с“ („где?“)

и „к“ („куда?“): G1S BANŠUR-i katta(n) „под столом, под стол“, $\dot{I}$ D-i

katta(n) „(внизу) у реки, (вниз) к реке“, tuqqa katta „у тебя, к тебе“;

šēr „на“ („где?“), также „для, ради“: šuḥḥi šēr „на крыше“,

IR-i šēr „для раба“; ANA LU^{MEŠ} KUR Amurra šēr (XXIII, 1; I, 35

и сл.) „ради, из-за людей Амурру“;

šarā „на“ („куда?“): šuḥḥi šarā „на крышу“;

ištarna „среди“ („где?“ и „куда?“): DINGIR^{MEŠ}-aš ištarna

(Hatt., I, 7) „среди богов“, ANA KUR URU^UHatti ištarna „в середине страны Хатти“.

б) Однако с большей частью названных здесь послелогов заведительствован также и родительный падеж (Sommer-Ehelolf, Pār., 8): KĀ.GAL-aš anda (II, 2; II, 31) „в воротах“; LUGAL-цаš piran „перед царем“; attašmaš аррап (2 BoTU, 7, 10) „после моего отца“, annašaš katta (Ges., § 189) „со своей матерью“.

в) Иногда встречается и аблатив, притом как в определенном значении, например URU-az katta „из города вниз“ („откуда?“), так и без какого-либо различия в значении: tuzziaz арра „позади войска“.

244. а) parā „из“ обычно управляет аблативом: G1S ZA.LAM..GAR-az parā „из шатра“.

б) Однако parā встречается и с родительным падежом: KĀ-aš parā „из ворот“¹ (Sommer-Ehelolf, Pār., 8).

245. tapuša, tapuša „сбоку, около“ управляет дательным-местным падежом: ḥašši tapuša „около очага, к очагу“ (Götze, Hatt., 101 и сл.; Götze-Pedersen, Murs. Sprachl., 24 и сл.).

246. parranda и pariija(n) „через, по ту сторону“ (также „вне“ и „против“) различаются между собой тем, что parranda управляет дательным-местным падежом, а pariija(n) — винительным (Friedrich, Staatsv., I, 156 и сл., 161); „через море“ передается aruni parranda или arunan pariijan.

247. С послелогам и сближается также iṣar с родительным падежом „вроде, как“: IN.NU.DA-aš iṣar „как солома“ (Sommer, Heth., II, 11 и сл.).

¹ В сочетании $\dot{E}$ ḥīli parā „наружу во двор (?)“ parā явственно выступает как наречие.

МЕСТОИМЕНИЯ

1. Личные местоимения

248. Формы винительного падежа местоимений -an „его, ее“, -at „это, оно“, -uš (-aš) „их“, -at „это“ (мн. ч.) могут, особенно в тексте хеттских законов (что характерно и для других индоевропейских языков), иногда опускаться (Sommer, HAB, 169): takku GUD^{Н.А} A.ŠÀ(G)-ni pānzi BĒL A.ŠÀ(G) ʕemijazi UD.1. KAM turijazi (Ges., § 79) „если быки на поле пойдут (и) хозяин поля (их) найдет, один день (т. е. в течение одного дня) (их) запягует“.

249. Так же (и помимо текста законов) формы винительного падежа местоимений могут не обозначаться при наличии ta „и“ (Friedrich, RHA, 3, 157 и сл.): LUQA. ŠU. DU₈. A GAL^{AM} LUGAL-i pāi ta ʕarzi (II, 13; IV, 16 и сл.) „кравчий дает царю большой (сосуд) и держит (его)“; LUGAL-uš^{GIS} BANŠUR-az NINDA-an dāi tašše (вариант nanši) pāi (Ges., § 47 A) „царь со стола хлеб берет и ему (его) дает“.

Однако некоторые местоимения могут присоединяться как к pu, так и к ta: kuit kuit ʕarakzi tat šarnikzi (Ges., § 127) „что ни пропадет, он это возместит“ (§ 106).

250. В какой степени были характерны для хеттского языка безличные глаголы, пока еще не ясно. Можно предполагать, что у некоторых кажущихся безличными глаголов, выражающих понятие болезни (§ 213 б), а также для таких глаголов, как tetḫai „гремит (гром)“, duggarī „кажется (хорошо)“ и т. д., в качестве субъекта действия подразумевается божество.

251. В качестве возвратных местоимений могут употребляться энклитические личные местоимения: pūpnas DUMU.NITA^{MES} DUMU.SAL^{MES} ijaʕen (Hatt., III, 4) „и мы нам (т. е. себе) произвели сыновей (и) дочерей“; pušmaš DINGIR^{MES}-aš ZI-ni mekki paḥḥanteš eštin (XIII, 4; III, 56 и сл.) „и что касается настроения духа богов, то будьте (вам, т. е. себе) очень осторожны (буквально: очень опасаящиеся!)“; ʕarpanzimaʕašmaš UL (XVI, 16; I, 28) „но они не моются (буквально: не моют их, т. е. себя)“.

252. Наиболее употребительным средством выражения возвратности является частица -za (-z¹), которая, подобно славян-

¹ Произносилось, во всяком случае, только -z, т. е. -ts (Sommer, HAB, 114⁴). После -n — также -zan (§ 38).

скому возвратному местоимению, применяется по отношению ко всем лицам (Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 38 и сл., 80 и сл.; Friedrich, OLZ, 1936, 306 и сл.). Таким образом, для вышеприведенных предложений существуют дублиеты: *nuza DUMU. NITA^{MES} DUMU.SAL^{MES} DÜ-nun* (XXI, 38; I, 58) „и я себе сыновей (и) дочерей произвел“; *nuza DINGIR^{MES}-aš ZI-ni mekki haḫhanteš eštin* (XIII, 6; II, 16) (перевод см. § 251); *ṣarpanzimaṣaṣ UL* (XVI, 34; I, 8 и сл.) (перевод см. § 251).

Другие примеры: *natzakan pidipit IR-aḫta* (XIX, 9; I, 15) „и он их (себе) на том же месте поработил“; *nuzakan INA KUR^{URU} Hatti UTU^{URU} TUL-na ŠUM-an daišta* (XXI, 27; I, 4) „и ты себе в стране Хатти имя „солнечного божества из Аринна положила“; *taz ŠU^{MES} arri* (XX, 96; III, 6) „и себе руки моет“; *panzan* (§ 38) *LU HADANU eššešta* (XXI, 40, 11) „и его (себе) зятем (вин. п.) сделал“; *nuzakan 2 EN SISKUR ṣatar INA SAG. DU^{MES} ŠUNU šarā laḫuṣanzi* (КВо, II, 3; IV, 4 и сл.) „и себе двое совершающих жертвоприношение воду на головы их (т. е. свои) поливают“.

253. Многие глаголы, в зависимости от того, стоит ли при них *-za*, или нет, приобретают оттенки в значении (Götze, Arch. Or., 5, 3 и сл.). Так, например:

dā- с *-za* означает „брать себе, для себя“, а *dā*- без *-za* — „брать что-нибудь для определенной цели, употреблять“ (Friedrich, OLZ, 1936, 307¹);

eš- с *-za* — „садиться“, без *-za* — „сидеть“;

kiš- с *-za* — „становиться чем-нибудь“, без *-za* — „случаться“; *tarḫ*- с *-za* — „покорять кого-нибудь“, без *-za* — „побеждать“ или „мочь“;

auš- с *-za* — „сознавать, видеть у себя, мечтать“, без *-za* — „видеть что-нибудь у другого“ (Friedrich, OLZ, 1936, 308).

254. Прочие глаголы, хотя они обычно и имеют при себе *-za* (всегда или почти всегда), не получают в связи с этим особого значения; например: *ilaliija*- „желать, помогаться“, *malāi*- „одобрять“, *markiija*- „не одобрять“, *dušk*- „радоваться“, *UL* *meta*- „отказываться“, *arkuṣar ija*-, *arkuṣar ešša*- и *arkuṣar dai*- „совершать молитву“. Это — возвратные глаголы, так же как русск. „отказываться“, нем. *sich weigern* „отказываться“, франц. *se promener* „прогуливаться“, ит. *svegliarsi* „пробуждаться“ (Friedrich, OLZ, 1936, 308).

255. Частица *-za* ставится также в именных предложениях, но не регулярно; точные условия ее появления еще не установлены:

MU.ḲAM-zaqata šēr tēpaēššanza (ḲBo, IV, 4; III, 24) „год тебе для этого уменьшенный“; nuza ANA ^dUTU^š1ⁱ ʿarriš ŠU.DIM₄-ašša šardijaš eš (Ḳur., § 13 C, 8 и сл.) „и будь Солнцу (т. е. царю) помощником и защитой от насилия“ наряду с kattama tuēl DUMU^{MES}-KA NARĀRU ŠU.DIM₄-aš šardijašša ašandu (Ḳur., § 13 C, 11 и сл.) „пусть сыновья твои помощью (и) защитой от насилия будут“. Ср. также последнее предложение § 219.

256. Отношение взаимности передается описательно: „они смотрят друг на друга“ = „один смотрит на другого“ выражается посредством ŠEŠ-aš ŠEŠ-an aušzi „брат (на) брата смотрит“; araš aran aušzi „друг (на) друга смотрит“; 1-aš 1-an aušzi „один (на) другого смотрит“; kāš kūn aušzi „этот (на) того смотрит“.

2. Притяжательные местоимения

257. ammēl UKŪ-aš „мой человек“ может означать также „один из моих людей“ (Tav., II, 70; Sommer, AU, 135).

258. а) Притяжательное местоимение 3-го лица ед. ч. -šiš „его“ употребляется иногда вместо 3-го лица мн. ч. -šmiš „их“ (Güterbock, ZA, NF 10, 62 и сл.; Sommer, HAB, 170³, 187¹): дат. п. išhišši „его господину“ может означать также „их господину“ (Ges., § 79); ^{GIŠ}ḲU^{HI.A}-uššuš (2 BoTU, 23 A; II, 30) „их оружие“.

б) В постоянных оборотах значение притяжательности может утрачиваться: pedišši (буквально: „на его месте“) переводится просто „на месте“ (Sommer, Heth., II, 37 и сл.).

259. Своеобразную конструкцию обнаруживают послелого piran „перед“, appa(n) „за, позади“, šēr „на“, katta „под, у“ и ištarna „среди“ в сочетании с личными местоимениями (Friedrich, ZA, NF 1, 173; 3, 182 и сл.; Friedrich, Staatsv., II, 143 и сл.):

а) С ударенными формами они сочетаются по обычному для нас типу: ammuk piran (Durr., § 3, строка 12) „передо мной“, duqqa katta (VBoT, 1, 7) „у тебя“.

б) Там, где мы имеем неударенные личные местоимения, в хеттском языке после piran, appa(n) и šēr ставится форма именительного-винительного падежа среднего рода притяжательного местоимения: pirantet „перед тобой“, piranšet (piraššet; § 34) „перед ним“, piranšemēt (piran-šmet; § 23) „перед ними“; appan-šamet (§ 23) „позади них“, šēršet „над ним, для него“. Таким образом, послелого используются в конструкции в качестве существительных со значением „передняя сторона“, „задняя сторона“ и т. д.

в) Сочетания с *katta(n)* и *ištarna* также конструируются в роли существительных „нижняя сторона (близость)“ и „середина“, но в дательном-местном падеже единственного числа *katti* и *ištarni*: *katti(m)mi* „у меня“, *katti(t)ti* „у тебя“, *katti(š)ši* „у него, под ним“; *ištarnišmi* (*ištarniššumi*; § 23 или 27) „среди них“.

г) Если последовательность в положении послелога и местоимения нарушается тем, что между ними попадают частицы, то вместо притяжательных местоимений ставятся энклитические: *piran-ma-at-mu* (Hatt., I, 27) „но передо мной это“, *šerr-a-šši-ššan* (КВо, IV, 2; I, 8) „и над ним“. Особенно показательно сочетание *šer-šit-ца šarnikmi* (Ges., § 95) „за него я возьму“ с вариантом *šer-ца-šši šarnikmi*.

260. Относительно сочетания существительного в аблативе с творительным падежом притяжательного местоимения см. § 229 в.

3. Указательные местоимения

261. Из числа указательных местоимений *kā-* соответствует лат. *hic*; арā-, епī-, уни- и аši — лат. *is, ille, iste*. Это же относится и к наречиям *kiššan* и *epiššan* (§ 122 а, 125 б).

262. Поэтому, например, *kiššan memišta* означает „он сказал следующим образом“, т. е. с указанием на произносимую затем речь, а *epiššan memišta* означает „он так сказал“, т. е. с указанием на то только что уже произнесенные слова (Friedrich, Staatsv., I, 73 и сл.).

263. С этим делением обеих групп в зависимости от указания на предстоящее или уже совершившееся действие перекрещивается другое деление, согласно которому *kā-* употребляется в отношении к 1-му лицу, а арā— в отношении ко 2-му и 3-му лицам (Friedrich, Staatsv., II, 94 и сл., 141 и сл.). Противоположение *kēz KUR-az — apiz KUR-az* (AL., § 14, строка 4, 7 и сл.) „из этой страны — из той страны“ можно рассматривать как „из моей страны — из твоей страны“; соответственно *kā* „здесь у меня“, аріја „там у тебя“ (или „там у него“).

264. В этом смысле *kā-* и *kiššan*, соотносящиеся с 1-м лицом, могут быть употреблены даже с указанием на действие в прошедшем: *nu kī INA MU.I.KAM ijanun* (КВо, III, 4; II, 49) „и это (т. е. эти мои дела, о которых я перед этим рассказывал) я совершил за один год“; *nan punus mān kišan mān UL kišan* (XXI, 38; I, 12) „спроси его, так ли это, или не так (т. е. как я только-что сказал)“.

4. Неопределенные местоимения

265. Вместо *kuiški* „кто-либо“ иногда употребляется просто *kuiš*:

а) *UL kuiš* означает (как лат. *non aliquis*) „никто, никакой“ (Sommer, Heth., II, 31).

б) „Если кто“ выражается обычно посредством *mān kuiški*, но часто встречается также и *mān kuiš* (как лат. *si quis*) (Friedrich, Staatsv., I, 87; II, 141).

в) *kuiš* — *kuiš* означает „один — другой“ (как в ит. *chi — chi*; дистрибутивно, но не взаимно).

ГЛАГОЛЫ

1. Залоги

266. Многие из глаголов с медиальной флексией являются депонентными, например: *ar-* „стоять“, *kiš-* „становиться, делаться“, *ki-* „лежать“; но встречаются и собственно медиальные формы, употребление которых подобно употреблению греческого медиума, например: *pāišḫut* „повернись!“, *unuttat* „она украсилась“, *zaḥḥijašaštati* „мы сразимся друг с другом“ (медиум, выражающий взаимность действия). Другие примеры см. § 197 а.

267. Иногда актив и депонент встречаются без заметных различий: *raḥš-* как в активной, так и в медиальной флексии имеет значение „защищать“, также *zaḥḥija-* „сражаться с кем-либо“, *ḥija-* „убегать“.

268. Переходные глаголы употребляются иногда как непереходные: от *maṇinku-* „короткий, близкий“ образуется, согласно § 149, глагол *maṇinkuzaḥḥ-*, который в качестве переходного означает „укорачивать“, а непереходного — „быть близко, приблизиться“.

2. Употребление времен и наклонений

269. Подобно германским языкам, хеттский язык мог обходиться всего двумя простыми временами:

а) Презенсом, которым передается также и будущее время (*uṣami* — „я прихожу“ и „я приду“) и даже лат. *futurum exactum* (Sommer, AU, 163).

В качестве „будущего со значением требования“ („*Heischefutur*“) в обетах и заповедях презенс приближается к императиву (Som-

mer, HAB, 149): NINDA-an azzašteni uātarra ekutteni (2 BoTU, 8; II, 48) „хлеб да будете есть и воду будете пить!“

б) Претеритом, которым можно передавать все времена прошедшего: ḥatrānun может обозначать и „я писал“ и „я написал“ (нем. ich schrieb, ich habe geschrieben и ich hatte geschrieben) (Sommer, AU, 59).

Претеритом может выражаться также результативное состояние: DINGIR^{LIM}-iṣ kiṣat „богом он стал (т. е. умер)“ (Sommer, HAB, 31).

270. Составные формы дают больше возможностей для различения временных оттенков (§ 201 и сл.):

а) Форма iān ḥarmi „я сделал“ соответствует немецкому перфекту и futurum exactum, а форма iān ḥarkun — немецкому плюсквамперфекту.

б) Относительно peškiān dahḥi (teḥḥi, tiāmi) „я собираюсь дать“ см. § 202.

271. Если в подчиненном предложении стоит nāci „еще не“, то при переводе на немецкий язык стараются подчеркнуть, что действие, выражаемое подчиненным предложением, предшествовало по времени действию, выраженному главным; однако хетты воспринимали действия, выражаемые обеими частями сложного предложения, как одновременные, и поэтому в подчиненном предложении ставилось то же время, что и в главном: takku LÚ-aš DUMU.SAL nāci dāi nanza mimmai (Ges., § 30) „если мужчина девушку еще не взял (буквально: не берет), откажется от нее (т. е. еще может отказаться от нее)“; kuitmanzakan ANA^{GIS}GU.ZA AB/IA nāci ēṣḥat numu araḥzenaš KUR.KUR^{LÚ}KUR kururijaḥḥir (KBo, III, 4; I, 3 и сл.) „пока на престол отца моего я еще не сел, со мной соседние враждебные страны воевали“.

272. а) В эпистолярном стиле отправитель может становиться на точку зрения адресата и вместо презенса употреблять претерит (как в латинском и в аккадском языках; Sommer, AU, 129): kašmatta uianun ḥalugatallanmin (VBoT, 1, 11 и сл.) „вот я послал тебе моего посла“.

б) Аналогичным образом следует рассматривать употребление претерита в начале царского указа (Sommer, HAB, 31): LUGAL GAL Tabarna memiṣta (2 BoTU, 8; II, 1 и сл.) „царь великий Табарна сказал“.

273. а) Императив употребляется также в формулах благословения как замена отсутствующего опатива: udnē māu šesdu

(КВо, III, 7; I, 5) „пусть страна преуспевает и покоится (спит)“, ANA DINGIR^{MES} EN^{MES} IA ZI-anza namma цар(a)šdu [Pestgeb., I, § 8, строка 26 (14)] „пусть успокоится дух богов, господ моих“.

б) 1-е лицо ед. ч. императива можно рассматривать как волюнтактив (Friedrich, IF, 43, 257 и сл.): piškellu „хочу дать“, aggallu „хочу умереть, пусть умру“; но эта форма заменяет также и оптатив: tešhit ucallu (Pestgeb., II, § 11, 3) „во сне (буквально: сном) пусть увижу!“

274. а) Для выражения запрета ставится lē „не!“ (§ 287) с индикативом презенса; таким образом, ištamaš (императив) „слушай!“, но le ištamašti „не слушай!“. Относительно единичных случаев употребления lē с императивом в древнем языке см. § 287 б, 1.

б) Аналогично передается запрет и для 1-го лица волюнтактива: lē šaggahhi (Durr., § 13, строка 44 и сл.) „я не должен знать“.

275. Для передачи потенциального и ирреального значения употребляется особая частица man, которая большей частью (но не регулярно) отличается своим написанием (ma-an) от союза mān „если“ (ma-a-an) (Friedrich, KIF, I, 286 и сл.; Sommer, AU, 73¹). Относительно отсутствия nu при man см. § 313 и сл.

276. man с презенсом выражает потенциальность действия для настоящего времени: mančarašmu LU^{MUT}IA kišari (КВо, V, 6; III, 13) „он мог бы стать моим супругом“.

Относительно lē-man с презенсом = utinam ne см. § 287 б, 2.

277. man с претеритом обозначает:

а) ирреальность действия: man INA URU^U Hajaša pāunpit nuza MU.KAM-za šēr tēpačēššanza ešta (КВо, IV, 4; III, 22 и сл.) „я бы еще (§ 296 в) в Хаясу пошел, но год для этого уменьшенный был“ (относительно nu = „но“ см. § 316 а); mānuškan Huzzijaš kuenta nu uttar išducati (2 BoTU, 23 A; II, 11) „Хуцциаш убил бы их, но (§ 316 а) дело стало известным“;

б) потенциальность действия в прошлом: mantakkan Ê ABIKA KUR-KA-ja UL arja dāir manat damēdani kuedanikki piēr (Кур., § 7 С, 20 и сл.) „разве у тебя дом отца твоего и землю твою не отобрали бы и разве (не) дали бы ее кому-нибудь другому?“

278. Особое внимание следует обратить на передачу немецкого оборота с „почти“ (beinahe) и конъюнктивом: nukan Hēpaduš subhaz katta mauššucanzi цаqqareš (Во, 2800; II, 8; Friedrich, Staatsv., II, 171) „и богиня Хепат с крыши чуть не упала (буквально: упасть упустила)“. Об цаqqar- „упустить, промахнуться“ см. § 184.

3. Употребление глагольных имен

279. Четыре формы, объединяемые под названиями инфинитива и супина, подразделяются следующим образом.

а) Первый инфинитив (на -цаг) является отглагольным существительным; цацаг означает не „приходить“, но „приход“; поэтому он выступает в предложении не как глагол, а как имя:

LU^{mes} KUR^{URU} Mizrama maḥḥan ŠA KUR^{URU} Amka GUL-aḥḥucaḥ ṣamaššanzi (КВо, V, 6; III, 5 и сл.) „когда люди страны Мизрама (Египта) слышат о нападении (вин. п.) (на) страну (род. п.) Амка“.

б) Второй инфинитив (на -анна) соответствует нашему (Sommer, Heth., II, 54 и сл.; Götz, NBr, 28 и сл.): LU^{SANGA} akuḥ-anna ʾekzi (КВо, II, 14; III, 2 и сл.) „жрец требует пить“; LU^{aš} 1-an kunanna lē šanḥazi (Targ., § 9, строка 5) „один другого убивать (пусть) не пытается“.

в) Первый супин (на -цанзи) получил свое наименование от конструкции типа ^dUTU^ši šumās ʾaḥḥucaḥanzi uizzi (КВо, V, 8; I, 8) „Солнце (т. е. царь) придет, чтобы напасть (на) вас“. Однако употребление этого супина частично совпадает с употреблением второго инфинитива (точные условия использования этих форм подлежат еще исследованию); ср. numu ternumanzi šan(a)ḥta (XXI, 15; I, 14) „и меня унижить старался“; numuzakan MI. QAM-za ʾaḥḥucaḥanzi zikkir (КВо, IV, 4; III, 63 и сл.) „и они на меня ночью нападать стали“; AMARⁿⁱ-a ijaḥanzi zinnahḥi (T. Atch., 23 и сл.) „телят приносить (в жертву) я заканчиваю (завершаю)“. Следует отметить также оборот ŠUŠI LUGAL^{mes} šiaḥanzi tar-(a)ḥta (ZA, NF 10, 86, строка 23) „шестьдесят царей в стрельбе (буквально: в метании) я победил“.

г) Второй супин (на -цан) употребляется только в таких сочетаниях, как reškiḥan daḥḥi (teḥḥi, tijami) „давать собираюсь“ (§ 202).

280. Детали употребления инфинитивных конструкций подлежат еще исследованию.

а) Предварительно укажем лишь на сочетание глагола „быть“ со вторым инфинитивом или с первым супином в значении „это надлежит сделать“ (Sommer, AU, 326): tukma kī uttar ŠA(G)-ta šiaḥanna iṣḥiulla ešdu (Kup., § 22 E, 23) „тебе же это слово в сердце вложить обязанностью пусть будет“; NINDA.KUR⁴.RA paṣšiaḥanzi NU.GÁL (XII, 12; V, 32) „хлеб не (должно) разламывать“, и даже такие сочетания, как INA KUR^{URU} Aššuca laḥ-ḥiaḥanzi ešun (XXIII, 11; III, 9 и сл.) „в страну Ассува в поход я собирался (буквально: в поход идти я был)“.

б) kišari „становится, делается“ с первым супином означает „возможно, удастся что-либо сделать“ (Friedrich, ZA, NF 5, 46,

с указ. лит.): mān tukma ʕariššuʕanzi *UL* kišari (Dupp., § 10, строка 19) „если тебе прийти на помощь не удастся“.

281. Инфинитив на -anna и супин не могут иметь при себе дополнения. Там, где мы ожидали бы дополнения в винительном падеже при инфинитиве, оно стоит при глаголе, управляющем инфинитивом, если этот глагол активен; если же глагол пассивен или им является „быть“, то имя (местоимение), которое, по нашим представлениям, является дополнением, выступает в хеттском языке как подлежащее при глаголе, управляющем инфинитивом (*nominativus cum infinitivo*; Götze, NBr, 30 и сл.; Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 27 и сл.; Sommer, AU, 285²): arāšmanu ḫarkanna šan(a)ḫta (Hatt., III, 63 и сл.) „он меня для уничтожения искал (буквально: старался)“, т. е. „он старался меня погубить“; nušši GUD riḫananzi SI × SÁ-at (Murš. Sprachl., I, 11 и сл.), буквально: „и ему бык для давания был установлен“, т. е. „для него было установлено, чтобы он дал быка“; *IŠTU KUR URU KÜ.BABBAR-ti LÜ MUNABTUM EGIR-па riḫanna UL āra* (Targ., § 7, строка 38), буквально „из страны Хатти беглец обратно для выдавания не справедливо“, т. е. „несправедливо выдавать из страны Хатти беглеца“; mān URU^{LUM} kuiš našma AŠRU kuitki ANA ¹Ulni-^dTešur riḫanna *UL* ZI-anza (KBo, IV, 10; II, 18), буквально: „если город какой-либо или местность какая-либо Ульми-Тешупу для давания (Солнцу, т. е. царю) не желание“, т. е. „если нет желания дать Ульми-Тешупу какой-либо город или местность“.

282. В этой конструкции инфинитив, или, вернее, супин, является вневременным, поскольку он может передавать как наше настоящее (или будущее) время (Sommer, AU, 285²): DIN-GIR^{LUM}-kan kuiš ANA ^dUTUŠ^t tarnumanzi SI × SÁ-at (V, 6; II, 57 и сл.), буквально: „божество, которое к Солнцу для допускания установлено“, т. е. „божество, относительно которого оракулом установлено, что его можно допустить к Солнцу“, так и наше прошедшее время: DIN-GIR^{LUM}-makan kuiš arḫa šarrumanzi SI × SÁ-at (V, 6; II, 70 и сл.), буквально: „божество же, которое обнаружилось быть сломанным“, т. е. „божество, относительно которого оракулом установлено, что оно сломано (ему прекратили поклоняться)“.

283. а) Единственная причастная форма, встречающаяся в хеттском языке, является от переходных глаголов всегда пассивной, а от непереходных — активно-непереходной (литературу см. у Friedrich, Heth., 32; Pedersen, Hitt., § 93). Таким образом, *kunanza* означает „убитый“ (*kuen-*), *arpanza* — „схваченный, пой-

манный“ (ep-), dānza — „взятый“ (dā-), adanza — „съеденный“ (ed-), šekkanza — „известный“ (šak-), но pānza — „пошедший“ (pā-), akkanza — „умерший“ (ak-), teraṣeššanza — „уменьшившийся“ (teraṣeš-), hūjanza — „бежавший“ (hūja-).

б) Изредка причастие имеет значение глагольного прилагательного: каррицанза „сосчитанный“, также „исчислимый, немногий“ (например, XIX, 37; III, 25).

284. Относительно выражения „герундива“ см. § 206.

ОТРИЦАНИЕ И ВОПРОС

285. Для выражения отрицания в повествовательных предложениях в тексте почти всегда пишется аккадское *UL* и лишь изредка хеттское *natta*¹.

286. Другие отрицания: nāci „еще не“ (§ 271) и nūṣan (nūmān) „никак не, больше не“.

287. а) При запрещении употребляется отрицание lē с индикативом презенса (§ 274 и Pedersen, Hitt., § 97).

б) В единичных случаях встречаются:

lē с императивом (Sommer, HAB, 91 и сл.): nutta LU^{MES} ŠU.GI lē memiškandu (2 BoTU, 8; II, 60) „пусть тебе (с тобой) старшие не говорят!“;

lē с потенциалисом (т. е. lē-man с презенсом; § 276) встречается один раз в древнем языке со значением utinam не (Sommer, HAB, 189): lēmanṣe LUGAL-uš kiššan tezzi (2 BoTU, 8; III, 65 и сл.) „если бы о ней царь так не сказал!“

288. Отрицание ставится обычно перед глагольной формой, при сложных глаголах — после приставки: nu namma INA^{ID} Šeḫa *UL* rāun (КВо, III, 4; III, 17 и сл.) „итак я не пошел в области реки Шеха“ (§ 318); nuṣa BELINI INA^{URU} Hajaša lē rāiši (КВо, IV, 4; III, 25) „и не ходи, господин наш, в страну Хаяса!“; nu namma DUTUŠI^{URU} Duqqaman šarūṣaṣanzi *UL* tarnaḫḫun (КВо, IV, 4; IV, 23 и сл.) „и тогда я, Солнце, город Дуккама грабить не позволил“; nutta arḫa *UL* peššijanun nuttakkan É ABIKA arḫa *UL* daḫḫun (Кур., § 22 E, 15 и сл.) „и тебя я не оттолкнул и у тебя дом отца твоего не отнял“; arijaṣatakkan anda *UL* daliṣami (AL., § 6 A, 77) „и тогда я тебя не оставляю“; nuzakan memiṣani šēr lē karuššijaši (AL., § 12, строка 83) „и об (этом) деле не умалчивай!“

¹ *natta*, например, встречается в законодательном тексте КВо, VI, 2, в то время как в КВо, VI, 3 мы находим *UL* (ср. Zimmermann, OLZ, 1922, 297) и единично в КВо, V, 8; I, 21 и др.

289. а) Однако некоторые стоящие под ударением слова могут притягивать к себе отрицание: *nuḫatta UL kuḫatqa ammēl A.ŠÀ(G) kueri anda zaḥḥija tijami* (КВо, III, 4; III, 81 и сл.) „и с тобой я ни в коем случае на моем поле (и) участке сражение не устрою“; *nuḫa BELINI le pamma uḫaši* (КВо, IV, 4; IV, 46) „и больше не приходи, господин наш!“

б) В кратких предложениях отрицание может в эмпатических целях ставиться в конце (Götze, Madd., 114): *pammamakan KUR URUḫapalla kuḫentaja UL eptaiaṭ UL* (Madd., II, 23), „но тогда страну Хапалла ты не разбил и не взял ее“; *nuḫaran šannattija lē minnāšijaḫaran lē* (Madd., I, 35) „и его не утайвай и его не укрывай!“; *parkunūšimaza UL kuit* (2 BoTU, 23 A; II, 44) „и ты не оправдаешься никак!“

в) Для усиления значения отрицание может удваиваться (Sommer, AU, 106): *nuḫaran ḫuḫarpi DINGIR^{lum}-ni UL parā UL kuḫarikki tarnahḥun* (Hatt., IV, 12 и сл.) „и я его злобному божеству никогда не предавал“.

290. Отрицание может распространяться и на следующее предложение (Sommer, Heth., II, 8³; Götze, Hatt., 96): *ḫaššannas DUMU-an idālu lē kuiški iḫazi nuššišan GİR-an takkešzi* (2 BoTU, 23 A; II, 35) „сыну (вин. п.) рода зла никто пусть не делает и в него кинжал (не) вонзает“; *ANA BULUG GIM-an ḫaššataršet NU.GÁL UL-an A. ŠÀ(G)-ni pēdanzi nan NUMUN-an ienzi* (Sold., II, 31 и сл.) „поскольку у крупы (?) (способности) размножения (им. п.) нет, ее и в поле не несут и ее семенем (не) делают (т. е. как семя не употребляют)“.

291. а) В живой речи вопрос выражается только с помощью интонации, без добавления какой-либо особой частицы: *ŠEŠ-IA -za malāši* (Tav., III, 62) „одобреешь (ли), брат мой?“; *DINGIR^{lum}-za kidaš uḫaškuḫaš šēr TUKU.TUKU-ḫanza* (V, 10; I, 12) „божество из-за этих проступков рассержено?“; *UL-ḫarankan tuēṭaza memiḫa-naz kuennir* (VIII, 48; I, 12) „не по твоему (ли) слову его убили?“ (§ 224 б). См. также предложение в § 277 б.

б) В двойном вопросе (с продолжением) второй член сопровождается частицами *nu* и *-ma* (Sommer, AU, 77 и сл.): *BAL andurza kuiški DÜ-ḫazi... nu BAL araḫzama kuiški DÜ-zi* (V, 4; I, 33, 35) „мятеж внутри кто-нибудь устраивает?.. или мятеж вне кто-нибудь устраивает?“; *nuḫarat ŠEŠ-IA IDI nuḫarat UL-ma IDI* (Tav., I, 52) „и знает это брат мой или же это не знает?“

Относительно двойного косвенного вопроса с *mān — mān* „ли — или“ см. § 335.

в) Краткие вопросы: *kuit apāt* (Tav., II, 37) „что это?“, *nu pamma kuit* (Tav., IV, 20) „что еще?“ (Sommer, AU, 122, 174).

ЧАСТИЦЫ

292. Если речь передается буквально, то перед первым ударяемым словом каждой части предложения обычно ставится энклитическая частица -ца (Hrozný, Spr. d. H., 98¹, 144): 'Piḫḫu-nijašmamu kiššan ḫatrāēš *UL*-цатта кuitki EGIR-pa piḫḫi mānnaцаму zahḫija uцаši nuцатта *UL* kuцатqа ammēl A. ŠĀ(G) kueri anda zahḫija tiјami *ANA KUR^{TI}-KA*-цатта menaḫḫanda uцami nuцаттаккан *ANA ŠĀ(G) KUR-KA* zahḫija tiјami (КВо, III, 4; III, 79 и сл.) „а Пиххунияш мне так написал: Ничего-де тебе обратно я не отдам. А если-де (ты) ко мне для битвы придешь, то я-де с тобой ни в коем случае на моем поле и земле (участке) драться не стану; к тебе-де в твою страну я, наоборот, приду и с тобой-де на земле твоей сражаться буду“.

293. Если за частицей в цитируемой речи следуют другие энклитические словечки, начинающиеся с гласного звука, прежде всего формы местоимения -а- (§ 104) или частицы -ašta и -ара (§ 304), то эта частица звучит (и пишется) цар- (§ 31 б, 42; Ungnad, ZDMG, 74, 421): nu arahzenaš KUR.KUR LÚKUR kiššan memir *ABUŠU*-цаšši kuiš LUGAL KUR Ḫatti ešta nuцараš UR. SAG-iš LUGAL-uš ešta nuцара KUR.KUR LÚKUR tarahḫan ḫarta nuцараšza DINGIR^{LM}-iš DŪ-at DUMU-ŠU-мацаššizakan kuiš *ANA GISGU.ZA ABISU* ešat nuца apāšša karū LÚKALA-anza ešta nuцаран irmaliјattat nuцара apāšša DINGIR^{LM}-iš kišat (КВо, III, 4; I, 9 и сл.) „и соседние враждебные страны так сказали: отец-де его, который царем страны Хатти был, он-де могучий царь был и он-де вражеские страны покорил и он-де богом сделался. И сын-де его, который на трон отца своего сел, и этот-де прежде храбрый был, теперь-де заболел (§ 213 б), и он тоже богом сделался“.

Относительно единичных случаев употребления -ца-aš вместо -ца-га-aš (например, КВо, V, 6; IV, 12) и -ца-at вместо -ца-га-at (например, 2 ВоТУ, 23 D; IV, 4) см. § 31 б и Sommer, HAB, 97¹.

294. В тех случаях, когда перед цитируемой речью глагол „говорить“ отсутствует, он всегда подразумевается: nukan NAM. RA^{MES} katta uer natmu GĪR^{MES}-aš kattan ḫaliјandat *BELINI*-цаннаš iē ḫarnikti nuцаннаšza *BELINI* ĪR-anni dā (XIV, 15; III, 46 и сл.) „и пленные сошли вниз и мне в ноги поклонились (и сказали): господин, не губи нас; нас-де, господин, в рабство возьми!“

295. а) В языке мифологических текстов, а изредка и в других текстах употребление частицы -ца является менее строгим

(Friedrich, ZA, NF 5, 43 и сл.; Sommer, HAB, 93): nu šarā nepiši attišši ḫalzaiš ammuḡga EGIR-па anda ep lēmu genzuḫāiši (KBo, III, 7; III, 27 и сл.) „и вверх к небу, к отцу своему, он воззвал: возьми меня после (этого, т. е. из жизни), не щади меня!“ (наряду с многочисленными случаями правильного употребления частицы в том же тексте).

б) В единичных случаях встречается неправильная постановка частицы (Friedrich, Staatsv., I, 174 и сл.; II, 91): nu DUMU^{MES}-KA DUMU^{MES} dUTU^{ŠI}-pit AŠŠUM BELUTIM paḫšantaru nuḫašmaš ḪUL-lu menaḫḫanda lē šanḫateni aḫan arḫajašmaš lē tiḫatteni (Al., § 7 A; II, 11 и сл.) „и твои сыновья сыновей Солнца и их власть пусть защищают, и против них-де зло не замышляйте и от них не отлагайтесь!“

в) Иногда частица -ца стоит в начале цитируемой речи, но в дальнейшем изложении опускается (Sommer, HAB, 112). Также может отсутствовать и в кратких предложениях диалога (Sommer, HAB, 134²).

296. а) Что касается энклитической частицы -pit (также -ре, -pat и др.), то мы можем говорить пока лишь о наиболее распространенных случаях ее употребления, так как обобщающего исследования еще нет (Sommer, OLZ, 1921, 199 и сл.; Götze, Murš.-Ann., 207 и сл.; Pedersen, Hitt., § 60, с указ. лит.). По своему значению эта частица ближе всего соответствует наречию „именно, как раз“, относясь к изложенному ранее содержанию речи: ... Если раб украл и... takku BĒLŠU tezzi šerḫašši šarnikmi nu šarnikzi takku mimmaima nu ĪR-anpit šūizzi (Ges., § 95) „если господин его скажет: за него я возьму, то возместит; если же откажет, то тем самым от раба отречется“; nukan ¹Uḫḫa-LÚ-iš arunī anda BA.UG₆ DUMU^{MES}-ŠUNU-maza arḫa šarrandat nukan 1-aš ŠĀ(G) A.AB.BA-pit ešta 1-ašmakan arunaz arḫa uit (KBo, III, 4; II, 52 и сл.) „и Uḫḫa-LÚ-iš на море умер, а его (§ 352 в) сыновья разделились (§ 266), и один как раз на море был (т. е. остался), а другой с моря ушел“. Поэтому араšpit означает „как раз тот, тот самый, тот же“: takku ĪR-iš ḫuḫai naš kururi KUR-e paizzi kuišan EGIR-па uḫatezzi nanzan (§ 38) араšpit dāi (Ges., § 23) „если раб убежит и во враждебную страну пойдет, (то) кто его обратно доставит, тот же его и возьмет“.

б) С притяжательным местоимением -pit соответствует нашему „собственный“: араlpit annašaš katta (Ges., § 189) „у его собственной матери“; SAG.DU-KA-pit (Ḫuqq., § 12, строка 19) „твоя собственная голова“.

в) Когда частица -pit стоит при сказуемом, она может означать „также, также и“: nuza ABUJA kuḫari DINGIR ^{LIM}-iš DŪ-at

Arnuandašmazakan ŠEŠ-IA ANA ^{GIS}GU.ZA ABIŠU ešat EGIR-anmaš irmaliḫattatpit (КВо, III, 4; I, 4 и сл.) „и когда отец мой богом стал, Арнувандаш, брат мой, сел на трон своего отца, но затем также и он заболел“.

г) Частица -pit часто употребляется в значении „только“: karpuantešpitmukan antuḫseš išparter (XIX, 37; III, 25) „только считанные (т. е. немногие; § 283 б) люди от меня ускользнули“; LUGAL-uššan ḫantezziḫšpit DUMU.LUGAL kikkittaru (2 BoTU, 23 A; II, 36) „царем становиться должен только первый царевич“. В вопросах к оракулу -pit часто ставится вслед за изложением причины божеского гнева: mān kīpit namḫama tamai NU.GÁL kuītki (например, V, 10; I, 14) „если только это, а больше нет ничего другого“; nuza IR-ZU-pit dāi šarnikzil NU.GÁL (Ges., § 21) „и он себе только раба своего возьмет, (а) возмещения нет (т. е. без возмещения)“.

д) Реже -pit может выражать „несмотря на то, все же“ (Tepner, Ein heth. Annalentext, 21): nuza mān irmalanzaša (§ 25 б) ešta ^{UTU}ŠL-matta ANA AŠAR ABIKA tittanununpit (Duppr., § 7, строка 16 и сл.) „и хотя ты болезненный был, я, Солнце, тебя все же на место отца твоего поставил“.

е) Дополнительные сведения о частице -pit см. Sommer, HAB, 241 (-pat).

297. Строй хеттского предложения получает свой характерный облик благодаря вводящим частицам -za, -kan и -šan. Относительно -za (-z, -zan) см. § 252—255. Частицы -kan и -šan довольно близко связаны между собой тем, что обе содержат указание на место. Они встречаются прежде всего при глаголах движения. Полностью установить многообразное употребление -kan еще не удалось (Götze, Arch. Or., 5, 16 и сл.; Pedersen, Hitt., § 96).

298. Частица -kan ставится прежде всего при определениях места, изменяя значение приставок у глаголов движения. Если движение, передаваемое глаголом, зависит от предшествовавшего движения, то -kan отсутствует; если движение является самостоятельным, то -kan ставится. Точнее:

- anda без -kan означает „опять в(нутрь)“, с -kan — „в, к“;
- appa без -kan — „назад“, с -kan — „прочь“;
- arḫa без -kan — „обратно, домой“, с -kan — „из, прочь“;
- paṛā без -kan — „дальше вперед“, с -kan — „вперед, наружу“;
- katta без -kan — „опять вниз“, с -kan — „вниз“;
- šarā без -kan — „опять вверх“, с -kan — „вверх“.

Примеры: nekuz meḥurma DINGIR^{LUM} anda udanzi (Pār., II, 8) „а вечером божество опять вносят“; nuṣaraškan kašma šumaš anda uit (Kur., § 6 C, 6) „и вот, он к вам пришел“; GIM-anma URU^{URU}Neriqaza EGIR-^{pa} uizzi (V, 1; I, 59) „если же из города Нерика он обратно придет“; nankan EGIR-^{pa} INA KUR-ŠU reḥutezzi (XXIV, 5; I, 26) „и его прочь, в его страну ответет“; nas URU^{URU}KU-BABBAR-ši arḥa udaḥḥun (KBo, III, 4; I, 34 и т. д.) „и я их в Хаттуш обратно доставил“; naškan URU-riaz arḥa ḥudak pāiddu (IX, 15; II, 18 и сл.) „и пусть он из города немедленно уйдет“; lukkattama paṛā pāun (KBo, IV, 4; III, 52) „утром (на следующее утро) я пошел дальше“; LÚ^{oiš} PA-takan paṛā aški pāizzi (KBo, IV, 9; V, 34) „а жезлоносец проходит в ворота“; nu nekuz meḥuni ḥudak GAM pāitten (XIII, 4; II, 75) „и вечером тотчас же опять вниз сойдите“; nukan ERIN^{MES} URU-az katta udaš (KBo, II, 5; III, 30) „и он войска из города вниз вывел“; naš INA É DINGIR^{LUM} šešucanzi ḥudak šaṛā uiddu (XIII, 4; III, 2) „и пусть он в храм спать немедленно опять взойдет“; nukan URU^{URU}Aštata URU-ri šaṛā pāun (KBo, IV, 4; II, 61) „и я в город Аштата поднялся“.

299. а) От других сочетаний следует отличать: natkan ANA KUR URU^{URU}Hatti ištarna uda (KBo, II, 9; I, 32) „это внутрь страны Хатти доставь!“,; naškan aruni parranda pāit (KBo, III, 4; II, 31 и сл.) „и он через море пошел“; natkan INA KUR Gasga kat-tanda pēdaš (KBo, III, 4; III, 70 и сл.) „и это он в страну Гашга вниз доставил“; kuitmanaškan INA KUR URU^{URU}Hatti šēr (KBo, II, 2; II, 13) „пока он вверху в стране Хатти“. С другой стороны: nimmu ŠES-IA NIR.GÁL-iš EGIR-^{anda} uit (Hatt., II, 48) „и после меня пришел мой брат Муваталлиш“; nimmu EN^{MES} ḥumanteš me-naḥḥanda uer (KBo, IV, 4; III, 20 и сл.) „и все господа пошли против меня“.

б) См. также Sommer, HAB, 261.

300. -kan отсутствует (Götze, Arch. Or., 5, 19, 25):

а) рядом с частицами -šan (§ 303) и -ašta (§ 304): nasta LUGAL-uš IŠTU É^o Zababa paṛā uizzi (KBo, IV, 9; I, 3 и сл.) „и затем царь из храма Цабаба выходит“;

б) в соседстве с andan, appan и kattan: nušši INA URU^{URU}Šamuḥa ukila kattan pāun (KBo, VI, 29; II, 28 и сл.) „и я сам к нему в город Шамуха пошел“;

в) если глагол не имеет приставки: nan BĒLUM kuiški uca-teddu (Targ., § 3, строка 12) „и его пусть какой-либо господин приведет“ (однако ср. Sommer, HAB, 167).

301. Кроме того, -kan ставится:

а) при некоторых определениях места в их наречном употреблении, например: *pēdi dalija-* „оставить на месте“, *ŠA(G)-ta* „принять к сердцу“; *SU-i dāi-* „положить в руку“; *KAS-si dāi-* „поставить (вывести) на дорогу“ (Götze, Arch. Or., 5, 30²);

б) при глаголах со значением „воздействовать на кого-либо телесно или духовно“, например: *eš-* „сажать“, *kuen-* „бить“, *šai-* „возлагать что-либо на кого-либо“, *zammurāi-* „обижать“ и т. д. (Götze, Arch. Or., 5, 30);

в) при глаголах со значением „находиться под воздействием кого-либо“, например: *paḥ-* „бояться кого-либо“, *auš-* „видеть что-нибудь у кого-нибудь“, *ceṣija-* „найти что-нибудь у кого-нибудь“ (Götze, Arch. Or., 5, 30).

302. Частица -šan рядом с -kan не встречается. Обе они синтаксически равноценны и поэтому исключают одна другую (§ 300 а). Сочетание -za-šan переходит в -zan (§ 44; Götze, Arch. Or., 5, 30 и сл.).

303. Особенно часто частица -šan ставится при глаголах, означающих „сажать, класть, ставить“, которые также могут сочетаться с -kan; -šan придает этим глаголам специальный оттенок указания „на“. Нередко рядом с -šan ставится приставка šēr. Примеры: *šerraššan ŠA GIŠ^{LU} IŠ artari* (KBo, V, 1; II, 49) „и на ней (на колеснице, употребляемой при обряде) стоит возница из дерева“ [с другой стороны, *ANA GIŠGIGIR-iajan kuēdani apēdani UD-ti arḥaḥat* (KBo, IV, 2; IV, 38 и сл.) „и на какой колеснице я в тот день стоял“]; *nassan ŠA^{DU} GIŠŠU.A ašaši* (KBo, V, 2; III, 37 и сл.) „и его на трон грозового божества сажает“ [но *nankan GIŠḫuluganni ašešanzi* (X, 91; II, 6) „и его на носилки (?) сажают“]; *nussiššan UDU^{UZU} GAB-i šēr epzi* (IX, 4; II, 30 и сл.) „и ему овцу над грудью держит“ [и *nuššikan iškīšaš šēr epzi* (IX, 34; III, 10) „и он держит (овцу) у него над спиной“]; *puzan mān ANA^{DU} UTUŠI šēr SAG.DU-KA-pit šēr autti* (Huqq., § 12, строка 18 и сл.) „и если ты на Солнце (как) на голову свою посмотришь“. См. также Sommer, HAB, 261 и сл.

304. Значение частиц -(a)šta и -(a)pa (-ap) еще не определено; последняя из них была особенно употребительна в древнем языке и иногда чередовалась с -(a)šta (Sommer, HAB, 55); *nu* + -ašta дает *našta*, *nu* + -apa > *para*. Относительно сокращения -ašta в -šta или в -ta после слогов -aš, -iš, -us см. § 47 б. Если частица -apa присоединяется к слову, которое оканчивается на -i, то она сокращается в -pa: *aki* „умирает“ + (a)pa > *akipa* (Huqq., § 29, строка 31); *nu* + -at + -ši + -(a)pa > *naššepa* (XII, 63; I, 18) „и это ему“.

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

1. -а, -ја „и, же“

305. Этот союз энклитически присоединяется или ко второму из имен, или же к первому слову второго предложения. Относительно его звучания, -а после согласных, -ја после гласных звуков и идеограмм, см. § 46 (Sommer-Ehelolf, Pār., 28 и сл., с указ. лит.). Иногда -а + -ја ставится без особых оснований: *uātarraja* (КВо, III, 5; IV, 55) „и вода“, *arāttaja* (Targ., § 4, строка 23 и вообще часто) „и это“, *kinunajačaran* (Hatt., IV, 14) „и теперь его“.

306. а) -а, -ја „и“ связывает отдельные слова: *arpanṭi kunanti ja mekki ešta* (КВо, III, 4; IV, 20 и сл.) „пленных (им. п.) и убитых было много“; ¹*Manara-^dU-anmaza KUR ^{id}Šeḥaja IR-anni dahḥun* (КВо, III, 4; III, 21 и сл.) „а Манапа-Датташа и страну реки Шсха в рабство я взял“; ^d*UTUŠ^L-inpīt šāk paḥšijan* (Huqq., § 3, строка 15 и сл.) „только Солнце знай, защищай его!“

б) Однако словесные пары часто ставятся рядом и без союза: *attaš annaš* „отец (и) мать, родители“, *LUGAL SAL.LUGAL* „царь (и) царица“, *ERÍN^{MES} ANŠU.KUR.RA^{MES}* „пехота (и) боевые колесницы“, *arahzenēš antūreš* (Huqq., § 2, строка 7) „чужеземные (и) туземные“, *mallanzi ḥarranzi* (КВо, II, 7; I, 10, 24 и т. д.) „мелют (и) толкут“, *adanna akučanna* „есть (и) пить“.

307. а) Союзом -(i)а связываются также параллельные члены предложения, в котором не дано развитие описываемого действия: *numu ^dIŠTAR GAŠAN-IA kuit kaniššan ḥarta ŠEŠ-IA-iamu ¹NIR. GÁL-iš aššu ḥarta* (Hatt., I, 28 и сл.) „так как ко мне Иштар, госпожа моя, благоволила и брат мой Муваталлиш хорошо относился“; *ničca memijan ANA ^dUTUŠ^L ḥatrai antuḥšannaца ер ničcaran ANA ABI ^dUTUŠ^L uppi* (Madd., I, 38 и сл.) „и о деле Солнцу напиши и человека схвати и его отцу Солнца пошли“.

б) -(i)а — -(i)а соответствует „как — так“: *ŠA ¹Attariššijaja I LÚ SIG₅-in kuennir anzellakan I LÚ SIG₅-in kuennir* (Madd., I, 64) „как у Аттаришия одного знатного человека убили, так и у нас одного знатного человека убили“; *erpirra mekki kuennirra mekki* (КВо, II, 5; III, 36) „как захватили много, так и убили много“.

При отрицании этот союз соответствует „ни — ни“: *ničcaran šannattija le munnašija čaran le* (Madd., I, 35) „не скрывай его и не прячь его!“

308. а) И наконец, -(i)a соответствует „также“: *nuṣa arāšša DINGIR^{LIM}-iṣ kiṣat* (КВо, III, 4; I, 13) „и он также богом (как перед этим отец его) стал“; *nuṣa MU.ḲAM-za šēr tēpaṣeššan za ešta BĒLU^{MES}-jamu memir MU.ḲAM-zaṣatta šēr tēpaṣeššan za* (КВо, IV, 4; III, 23 и сл.) „и год для этого уменьшенный (т. е. укороченный) был. И господа также мне сказали: год-де тебе для этого уменьшенный“.

б) Иногда мы переводим -(i)a „но, а“ (Sommer, HAB, 93): *karu 30 GUD^{HI.A} peškir kinuna 15 GUD^{HI.A} pāi* (Ges., § 57) „раньше давали по 30 быков, а теперь дают по 15 быков“; *kiššanna lē teši* (2 ВоТУ, 23 А; II, 43) „а так не говори!“

2. *nu* „ну, теперь, и“

309. а) *nu* служит для сочетания целых предложений. С местоимением -а- (§ 104) и частицами -(a)šta и -(a)pa *nu* превращается в па- (§ 40, 106), *našta* и *para* (§ 304) (Ungnad, ZDMG, 74, 417 и сл.).

б) *nu* является словом, особенно притягивающим к себе энклитические местоимения и частицы. Приведем несколько примеров: *nu-ṣar-aš-mu-za-kan* = *nu* + *ṣa(r)*- (§ 293) + *-aš* „он“ (§ 104) + *-mu* „мне, меня“ (§ 101) + *-za* (§ 252) + *-kan* (§ 298); *nan-ši-ššan* = *nu* + *-an* „его“ (§ 104) + *-ši* „ему“ (§ 101) + *-šan* (§ 303); *nu-šmaš-at-kan* = *nu* + *-šmaš* „вам, вас, им“ (§ 101) + *-at* „это“ (§ 104) + *-kan* (§ 298); *nan-mu-za* = *nu* + *-an* „его“ (§ 104) + *-mu* „мне, меня“ (§ 101) + *-za* (§ 252); *nu-ṣar-an-du-za-kan* = *nu* + *-ṣa(r)*- (§ 293) + *-an* „его“ (§ 104) + *-du* „тебе, тебя“ (§ 45, 101) + *-za* (§ 252) + *-kan* (§ 298).

310. В языке „Нового царства“ *nu* имеет две функции:

а) Оно связывает два однородных предложения и соответствует „и“; при этом союз *nu* (так же, как при арабском *fa*) предполагает дальнейшее развитие действия („и затем“): *numu-kan 1SUM.MA.ḲAL-an DUMU-ŠU menaḥḥanda parā nāešta našmu INA 1DAštarpā MĒ-ia tiṣat, nan 1UTU^{ŠI} zaḥḥianun. numu 1UTU URUArinna DINGIR^{MES}-ia ḥumanteš piran ḥuēr nuṣa 1SUM.MA.ḲAL-an tarahḥun nankan kuenun. nukan INA KUR URUArzaṣa parranda pāun numu 1Uḥḥa-LŪ-iš UL mazzašta našmukan ḥuṣaiš naškan aruni parranda pāit naškan apiṣa anda ešta* (КВо, III, 4; II, 22 и сл.) „и он мне SUM.MA.ḲAL, сына своего, навстречу послал, и тот со мной у реки Аштарпа сражаться стал, и я, Солнце (т. е. царь), с ним сразился. И солнечное божество города Аринна и боги все передо мной шли, и я победил SUM.MA.ḲAL и его убил. И в страну Арзава я перешел, и мне Uḥḥa-LŪ-iš не сопротивлялся, и он бежал от меня, и через море ушел, и там остался (был)“.

б) После придаточного предложения *ни* вводит главное предложение (соответствуя „то“): *kuitmanzakan ANA^{GIS}GU.ZA ABIIA* *naçi ešhat numu arahzenaš KUR. KUR^{MES LU} KÜR hūmanteš kururijaḥḥir* (КВо, III, 4; I, 3 и сл.) „пока я на трон отца моего еще не сел, со мной все соседние враждебные страны воевали“.

311. а) *ни* может стоять также в начале больших периодов, которые мы начинаем с „и“: *ни tuēl maḥḥan^I Mašḥuiluṣaš ABUKA ITTI^d IUTUŠⁱ ṣaštaš zikmaza^I Kupanta^d KAL-aš ANA^I PÍŠ.TUR-ṣa UL KÜR-aš ešta nuttakan UL Ê ABIKA arḥa daḥḥun* (Кур., § 11 D, 26 и сл.) „и когда Машуилуваш, отец твой, против Солнца согрешил, ты же, Купанташ по отношению к Машуилувашу был не враждебен, то я у тебя дом отца твоего не отнял“; *ни kuitman ABUIA INA KUR^{URU} Mittanni ešta* (КВо, III, 4; III, 47) „и пока отец мой был в стране Миттани (случилось то-то и то-то)“.

б) Но чаще *ни* не ставится в начале больших периодов (Ungnad, ZDMG, 74, 420): *ABUIA-annašza^I Muršiliš 4 DUMU^{MES} ḥašta* (Hatt., I, 9 и сл.) „отец мой Муршилиш породил нас, четырех детей“ (в начале „Автобиографии Хаттушилиша“). См. также предложение в § 310 б).

в) В начале передаваемой речи *ни*, как правило, не ставится (Ungnad, ZDMG, 74, 420): *natmu GĪR^{MES}-aš kattan ḥaliḡandat^I BĒLINI-ṣannaš lē ḥarnikti nuṣannašza BĒLINI ĪR-anni dā* (XIV, 15; III, 46 и сл.) „и мне в ноги поклонились (со словами): господин наш, не уничтожай нас и возьми нас, господин наш, себе (§ 252) в рабство!“

Но в отдельных случаях *ни* все же встречается в начале речи (Sommer, AU, 165): *IM-ša tezzi^I nuṣaran kuit ḥanda UL ṣemijatten* (VBoT, 58; I, 23) „и грозовое божество говорит: и так как вы его не нашли...“ И даже при кратких вопросах (Sommer, HAB, 38): *ни kuit* (2 VoTU, 8; II, 9) „ну что?“

312. В древнем языке употребление *ни* было более ограниченным:

а) *ни* могло иногда отсутствовать при сочетании однородных предложений: *takku LŪ-is GUD-aš katta ṣaštāi ḥūrkiil akiaš LUGAL-an aški ṣatezzi* (Ges., § 187) „если человек согрешит с короной, (это) смертный грех. (И) доставит его ко двору царя“ и т. д.

б) Бессюзное сочетание однородных предложений встречается чаще всего в ритуальных текстах: *ни PANI^d DAG-ti Ū PANI^d Zababa 1-ŠU dai ḥašši, 1-ŠU^{GIS} DAG-ti, 1-ŠU^{GIS} AB-ja, 1-ŠU^{GIS} ḥattalṣaš GIŠ-rui 1-ŠU namma ḥašši tapuša 1-ŠU dai. UGULA LŪ^{MES} MUḤALDIM iṣpanduzzišar GEŠTIN LUGAL-i parā epzi,*

LUGAL-uš QATAM dāi (KBo, IV, 9; II, 45 и сл.) „и перед троном и перед богом Цабаба один раз положит, на очаг один раз, на трон один раз, на окно один раз, на деревянную задвижку один раз; затем около очага один раз положит. Главный из поваров сосуд с вином царю подаст, царь руку положит“.

в) В законодательных текстах обращает на себя внимание прежде всего бессоюзное сочетание, стоящее в начале сложного предложения: takku DUMU-SAL LÚ-ni taranza tamaišan pittenuzzi (Ges., § 28 A) „если девушка мужчине обещана (и если) другой ее уведет“.

г) Особенно характерно для древнего языка присоединение второго предложения (§ 310 б) без nu: takku ÌR-an KA X KAK-šet kuiški цаки 3 ZU KÙ. BABBAR pāi (Ges., § 14) „если рабу нос его кто-нибудь откусит, 3 сикля серебра даст“; nu GIM-an luk-katta ^dUTU-uškan kalmaraz uit ^kKiššiš šuppijaz šaštaš arāiš (XVII, 1; II, 14 и сл.) „и когда рассвело и солнечное божество из-за горизонта (?) вышло, Кишшиш с чистого ложа поднялся“.

313. В некоторых случаях nu может отсутствовать и в новом языке:

а) В начале большого периода (§ 311 б).

б) В запретительных предложениях, в частности при наличии двух запретов, при приказе и запрете, а также при наличии повествовательного предложения после запрета (Sommer, AU, 388, 391; Sommer, HAB, 69): nuṣakan ŠÀ(G) URU^uljalanda tuēl UKÙ-an lē kuinki ūemijami /ziqqaṣazakan EGIR-pa anda lē kuinki tarnatti /ammēlṣa ÌR^{mes} ukila EGIR-an šanaḥmi (Tav., I, 18 и сл.) „и пусть в городе И. никого из твоих людей не найду! И ты обратно никого не впускай! О моих рабах я сам позабочусь!“; arūnṣa UKÙ-an dā, lēṣaran arḥa datti (Tav., II, 10) „того человека прими, не убирай его!“

в) При наличии эмфазы, особенно при эмфатическом и риторическом вопросе (Sommer, AU, 54, 104, 151): ešḥar IVA KUR URUKÙ. BABBAR-ti ara (Tav., II, 8) „кровь (т. е. кровопролитие) в стране Хатти (разве это) справедливо?“; UKÙ-aš DINGIR^{mes} ašša ZI-anza tamaiš kuiški UL (XIII, 4; I, 21) „разве у человека и у богов дух (дыхание, сердце, желания) другой какой-либо Нет!“

Но при риторическом вопросе после придаточного предложения nu встречается (Sommer, AU, 95): ŠEŠ-tar kuiš kuēdani ḥatreškizzi nukan UL aššijanteš kuēš nu 1-aš 1-edani ŠEŠ-tar ḥatreškizzi (XXIII, 102; I, 10 и сл.) „(когда) один другому (буквально: кто кому) о братстве пишет, то (разве это) не друзья, которые один другому о братстве пишут?“

г) Во вставных, поясняющих предложениях (Sommer, AU, 54, 67, 129, 138, 153, 189; НАВ, 59, 117, 183): *kāšma* ^{LU}*KARTAPPU* *kuiš ŠA SAL.LUGAL-za kuit ŠA MĀŠ^{TI} ḥarzi INA KUR* ^{URU}*Ḥatti ŠA SAL.LUGAL MĀŠ^{TUM} mekki šalli našmu UL imma* ^{LU}*ḤADANU* (Тав., II, 73 и сл.) „а этот придворный конюший, который (жену) из рода царицы имеет — в стране города Хатти род царицы весьма велик,— он мне вроде как (буквально: не совсем) зять“.

д) В предложениях „состояния“ (называемых так в семитической и египетской грамматиках), которые частично соответствуют предложениям вышеприведенной группы („в то время как, благодаря тому что, вроде того что“ и т. п.): *nammakan mān IŠTU KUR* ^{URU}*Ḥatti kuiški idāluš memiāš ŠA BAL šarā išparzazi KUR^{TUM} kuitki araḥza ANA* ^d*UTUŠ^I kururijaḥzi ITTI* ^d*UTUŠ^I-ma ḥūman SIG₅-in nu AUAT* ^d*UTUŠ^I ḥuški* (Кур., § 16 С, 26 и сл.) „если затем в стране города Хатти какой-либо злой разговор о мятеже поднимется, (вроде того что) какая-то соседняя страна против Солнца воевать начинает, а у Солнца все хорошо, то жди повеления (буквально: слова) Солнца!“; *nu mān* ¹*DU^dU DUMU-ŠU ANA PANI* ¹*Abiratta ABIŠU kuitki ʕaštāi ABAŠU ḤUL-anni šanḥazi* (КВо, III, 3; II, 14 и сл.) „и если ¹*DU^dU*, его сын, против Абираташа, отца своего, как-либо согрешит, (вроде того что) отцу своему повредить попытается“; *nu KUR-ja andan kāšza kišati DUMU. LÚ. GĀL. LUMES DINGIR^{MES}-ša kištantit ḥarkijanz* (XVII, 10; I, 17 и сл.) „и в стране наступил голод, (так что) люди и боги от голода погибают“.

е) Рядом с частицей ирреальности *man* (Friedrich, KIF, 1, 293 и сл.): *nuḡarašmukan šullāit nuḡamu* ^{IR^{MES}}*-JA kattan ḥarnam-niāt manḡamu menaḥḥanda kururijaḥta nuḡarašmu piran arḥa pid-daiš* (Кур., § 6 D, 47 и сл.) „и он со мною ссорился и у меня рабов моих подстрекал, (и) против меня воевать бы начал, и он от меня бежал“; *mankan mān ANA* ^d*UTUŠ^I kuḡarpi ḤUL-ḡanni kittat manta* ^d*UTUŠ^I arḥa peššijanun mantakkan É ABIKA arḥa daḥḥun* (Кур., § 21 D, 28 и сл.) „если бы у Солнца это как злое было понято (буквально: ко вреду, ко злу легло), я, Солнце, мог бы тебя изгнать и отнять у тебя дом твоего отца“; ср., напротив, при реальном значении: *kinunakan ANA* ^d*UTUŠ^I kuit ḤUL-ḡanni UL kittat nutta arḥa UL peššijanun nuttakkan É ABIKA arḥa UL daḥḥun* (Кур., § 22 E, 14 и сл.) „теперь же, так как у Солнца это не было понято злобно (ко злу не легло), то я тебя не изгнал и у тебя дом отца твоего не отнял“.

ж) В ряде предложений с *kuitman* „пока“ (§ 329 г, 2).

314. а) Периоды с *kuit* „так как“ (§ 326) обычно имеют ну как в начале предложения с *kuit*, так и в переходном положении к главному предложению (Sommer, AU, 83): *nuṣamtu IBILA kuit NU.GÁL* ¹*Kuranta*-^d*KAL-ašmamu DUMU ŠEŠ-IA nuṣaranmu EN-IA DUMU-anni rāi* (Кур., § 4 D, 25 и сл.) „и так как у меня наследника нет, а К.—сын моего брата, то дай его мне, господин мой, в усыновление (т. е. позволь его усыновить)“.

б) Однако предложение с *kuit* может и не иметь частицы ну (Sommer, AU, 83): *ABUKA-mu kuit tuēl ŠUM-an memiškut nutta apiddan EGIR-an šan(a)hḥun* (Dupr., § 7, строка 12 и сл.) „так как твой отец мне твое имя говорил, то поэтому я о тебе позаботился“.

в) При переходе к главному предложению ну также может отсутствовать: *ANA PANI DINGIR^{mes} kuit parā ḥandandanni ijaḥḥaḥat ŠA DUMU.NAM.LÚ.GÁL.LU.UTTI ḤUL-lu uttar UL kuṣaripikki ijanun* (Hatt., I, 48) „так как перед лицом богов я согласно их велений поступал (буквально: ходил), (то) я злого дела людей никогда не совершал (т. е. не делал зла, как это обычно делают люди)“.

315. Глаголы *uṣa-* „приходить“ и *rā-* „идти“ (с формами императива *it* „иди!“ и *ittēn* „идите!“; § 182) ставятся часто перед другими глаголами. В таких случаях они асиндетически помещаются перед следующим глаголом и могут привлекать к себе в качестве наречий частицы, вводящие предложения (Friedrich, Staatsv., I, 162 и сл.): *uerna* ¹*Tetteš* ¹*EN-urtašša ITTI* ^d*UTU*st *kururijaḥḥir* (КВо, III, 3; I, 7 и сл.) „пришли Теттиш и EN-urtaš (и) стали воевать против Солнца“; *nuṣa uizzi zilatiṣa ANA KURst EN-aš* (Кур., § 4 D, 27) „и придет (и) в будущем в стране господином (будет)“; *itṣamtu karšin memiṣan zik EGIR-pa uda* (КВо, V, 6; III, 22) „иди и принеси мне, ты, назад верное известие!“; *rāiṣeniṣarakan kuennummeni* (КВо, VI, 29; II, 25) „пойдем его убьем!“

Эти глаголы могут помещаться также между переходным глаголом и стоящим впереди дополнением к нему в винительном падеже: *nan uṣammi* ^{LU}*KUR-aš iṣar ṣal(a)hḥmi* (Кур. § 9 C, 35) „приду, на него (вышеназванный город) как враг нападу“.

316. а) В предложении типа „могло бы произойти нечто, но в силу какой-то причины случилось иначе“, нашему „но“ в хеттском языке обычно соответствует ну (Friedrich, KIF, I, 293): *man-takkan kuennir, nu zik išparzašta* (Man., § 1, строка 5 и сл.) „они бы тебя убили, но ты ускользнул“; *manši pāun mānan arḥa ḥar-ninkun numukan AMA-ŠU menaḥḥanda parā nāišta* (XIV, 15; IV,

27 и сл.) „я бы пошел на него, уничтожил его, но он мне мать свою навстречу выслал (с просьбой о мире)“.

б) -та „но“ встречается в подобных случаях лишь единично: man IVA KUR URUAzzi taninumanzi paun maḥḥanma LÚMES URUAzzi ištamaššir (КВо, IV, 4; IV, 42 и сл.) „я бы пошел в страну города Ацци, чтобы навести порядок, но когда люди страны Ацци услышали (они подчинились добровольно)“.

317. а) ну и -та „но“ в повествовательных предложениях стоят рядом очень редко (Sommer, AU, 77): nu amrukma GIM-an pakkešta numuza ḥantī kuṣariki ešta UL-muza GAM-an ešta (КВо, IV, 14; II, 7 и сл.) „но когда мне было тяжело (буквально: меня тяготило), ты отдельно от меня где-то был, со мною не был“.

б) В то же время сочетание ну... -та очень употребительно при продолжении вопроса (§ 291 б).

318. пamma „далее, затем, опять“ образует с ну сочетание ну пamma „итак, поэтому, следовательно, после этого“, которое может быть нарушено лишь вставкой по середине энклитических словечек (Sommer-Ehelolf, Pār., 6 и сл.): numu MU.KAM-za kuit šer tēpaṣeššanza ešta nu pamma KUR URUAzzi ʾL danīnūn (КВо, IV, 4; IV, 38 и сл.) „и так как год мне для этого укороченный был, то я поэтому страну Ацци в порядок не привел“; nu maḥḥan ʾUḥḥa-LÚ-iš GiG-at našmu, pamma zaḥḥiḥa menaḥḥanda UL uit (КВо, III, 4; II, 21 и сл.) „и когда У. заболел, то поэтому он против меня на бой не вышел“.

3. ta и šu „и“

319. В древнем языке и в близком к нему языке законодательных и ритуальных текстов та употребляется, повидимому, в том же значении, что и ну. Оно ставится:

а) Для сочинения предложений: ср. чередование ну, та, и бессоюзного сочинения в ритуальном тексте (Friedrich, RHA, 3, 157 и сл.): LÚMES GIŠBANŠUR-kan 2 NINDAmitgaimiūš danzi taš LUGAL SAL.LUGAL-ri pianzi ta paršijanzi LÚMES GIŠBANŠUR-kan 2 NINDAmitgaimiṣ appanzi paškan appa šuppaiš GIŠBANŠUR^{HI.A}-aš tianzi (X, 21; III, 7 и сл.) „стольники (буквально: люди стола) берут 2 хлеба mitgaimi и их царю (и) царице дают и разламывают. Стольники берут 2 хлеба mitgaimi и кладут их на чистые столы“, и почти буквально так же, но с иным распределением союзов: LÚ GIŠBANŠUR... NINDAmitgaimiūš dāi LUGAL-i pāi LUGAL-iš paršija tuškan LÚ GIŠBANŠUR appa šuppai GIŠBANŠUR-i dāi (XXVI, II, 50 и сл.) „стольник берет... хлеб mitgaimi (и) царю дает, (и) царь разламывает. И стольник опять его на чистый стол кладет“.

б) При введении главного предложения после придаточного: takku IR^{MES}-ŠU GEMEM^{MES}-ŠU kuēlqa ħurkel ijanzi tuš arnuḫanzi (Ges., § 196) „если чьи-нибудь рабы (и) рабыни мерзкое дело совершат, то их удалят“.

в) О том, что местоимение 3-го лица в винительном падеже может остаться необозначенным после ta, см. § 249.

320. Реже и притом только в текстах „Древнего царства“ встречается šu, засвидетельствованное в том же употреблении, что и nu и ta (Sommer, HAB, 78): ukqa attimi UL aššuš šuца URUḫat-tuši ħingani pāun (2 BoTU, 13; II, 20 и сл.) „я отцу моему не мил, и в город Хаттуш я на смерть пошел“; Išputašinarima piir šanašta IŠTU É.EN.NUM tarnir (2 BoTU, 12 A; II, 18 и сл.) „к Ишпуташинаришу послали и его затем (š-an-ašta) из тюрьмы выпустили“.

4. Прочие сочинительные союзы

321. -та соответствует „но, же“, однако здесь это значение (подобно греч. δέ) выступает несколько слабее¹.

а) Союз -та по большей части энклитически присоединяется к первому ударенному слову в предложении: maḫḫanmazakan dUTUŠ⁷ ANA GIŠGU.ZA ABIIA ešḫat (KBo, II, 4; I, 19) „когда же я, Солнце, на трон отца моего воссел“.

б) В условных и относительных предложениях -та обычно присоединяется ко второму слову предложения, стоящего впереди (Ungnad, ZA, NF 2, 104): mānkan ERÍN^{MES}-та ANŠU.KUR. RA^{MES} ɯarri UL arnuši (Targ., § 4, строка 22 и сл.) [наряду с mānmakan ERÍN^{MES} ANŠU.KUR. RA^{MES} ɯarri UL arnuttu (Kur., § 19 D, 6, вариант) „если же пехоту (и) боевые колесницы на помощь не приведешь“; [takku kešširašma ɯaštāi (Ges., § 111) „если же рука согрешит“; kuišan аррама ɯatezzi (Ges., § 23) „но кто его обратно доставит“].

в) В таком же сочетании -та иногда повторяется дважды (Ungnad, ZA, NF 2, 105): mānmaštakkan ŠĀ(G) KUR-KA-та uizzi (XXIII, 1; IV, 18) „если же он к тебе в страну твою придет“.

322. В некоторых случаях, когда на -та в предложении, стоящем позади, падает незначительное ударение, оно часто не переводится: GIM-anmaza ŠEŠ-IA DINGIR^{LIM}-iš DÜ-at IUrḫi-dU-ɯpanma DUMU ŠEŠ-IA šarā daḫḫun (KBo, IV, 12; I, 20 и сл.) „когда (же) брат мой богом стал, я взял Урхи-Тешупа, сына брата моего“.

¹ Ср. русск. „же“. — Прим. перев.

323. а) Нашему „или“ обычно соответствует *našma*: *ĪR-an našma GEME-an* „раба или рабыню“; *mān tukma kuiški* ¹*Targaš-nallin našma DUMU-KA kunanna šanhanzi* (!) (Targ., § 8, строка 41) „если же кто-либо тебя, Таргашналлиша, или сына твоего убить попытается“.

б) „Либо — либо“ передается с помощью *naššu* — *našma*: *naššu LÚ URUḪatti kuiški našma LÚ URUArzaa kuiški* (Kur., § 18 C, 23 и сл.) „либо какой-нибудь человек из Хатти, либо какой-нибудь человек из Арзавы“; *naššuṣakan LÚKUR arūš kuindu našmaṣakan LÚKUR arūš kunandu* (Targ., § 12, строка 31) „либо враг пусть их убьет, либо они врага пусть убьют“.

324. Иногда *naššu* имеет разделительное значение, соответствуя „или“: *EBUR^{MES}-ṣamukan piran, naššu kušata, naššu KAS-aš, našma tamai kuitki uttar* (XIII, 4; II, 58 и сл.) „жатва передо мной (т. е. предстоит мне), или плата за невесту, или путешествие, или другое какое-нибудь дело (которое потребует издержек)“ (Sommer, AU, 100 и сл.).

Таким образом, *naššu* с самого начала соответствовало „или“ (нем. *entweder* или *oder*), а *našma* (из кое-где засвидетельствованного *naššuma*) содержит уже знакомое нам *-ma* (§ 291 б).

ТИПЫ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

325. Финальных и консекutивных предложений в хеттском языке нет. Вместо них хеттский пользуется простым сочинением при помощи союза *nu*: *naš UL tarnahhun nankan UL kuennir* (KBo, VI, 29; II, 27 и сл.) „и я их не допустил, и они его не убили“= „я не допустил, чтобы они его убили“; *takku LÚ-an našma SAL-an ELLAM ṣal(a)ḫzi kuiški naš aki* (Ges., § 3) „если кто мужчину или женщину свободную ударит и он (она) умрет“= „так что он (она) умрет“; *nu taškurai nu URU-aš dapijanza išdammašzi* (XXIV, 7; IV, 46) „и закричи, и весь город услышит“= „так что весь город услышит“.

326. Каузальные предложения вводятся посредством *kuit* „так как“ (Friedrich, Staatsv., I, 30), причем предложение с *kuit* ставится обычно впереди (Sommer, AU, 83): *nu ABUJA genzuṣalaš kuit ešta naš ŠA SAL^{TI} memijani kəri tijat* (KBo, V, 6; IV, 13 и сл.) „так как отец мой благожелателен был, то он согласился со словами женщины“; *annišanma kuit ANA ¹Mašḫuluṣa IBILA NU.GÁL ešta nuza tuk ¹Kupanta-^dKAL-an DUMU ŠEŠ-ŠU IBILA-anni šarā dān ḫarta* (Kur., § 7 C, 12 и сл.) „так как у М. прежде не было наследника, то он тебя, К., сына своего брата, к наследованию взял (т. е. сделал наследником)“.

Относительно постановки или отсутствия *pi* в каузальных предложениях см. § 314.

327. *kuit* может соответствовать также „что, чтобы“ (Friedrich, ZA, NF 2, 279 и сл.; Sommer, AU, 76); в этих случаях *kuit* ставится обычно позади, а именно:

а) если *kuit* имеет значение „тем, что“: *ammēl kašpit l-aš dammešhaš kijan l-an dammešhanunun IŠTU Ê.GAL^{LIM}-pitkan kuit katta uianun* (KBo, IV, 8; II, 12 и сл.) „и это у меня одно наказание; тем одним я ее наказал, что из дворца выгнал“;

б) после глаголов восприятия: *maḥḥanma LU^{MES} URU^{AŠ} Azzi auer URU^{AŠ} AŠ. HIA BĀD-kan kuit zaḥḥijaz katta daškiyan teḥḥun* (KBo, IV, 4; IV, 28 и сл.) „когда же люди города Ацци увидели, что я укрепленные города с боем брать стал“.

328. От глаголов *sentiendi* и *dicendi* может зависеть оборот с предикативным причастием или именем, что дает значение, соответствующее конструкции с „что“: *ammukṣaran akkantan IQBI* (XIII, 35; III, 17) „мне сказал его умершим“=„мне сказал, что он умер“; *maḥḥanma KUR.KUR^{MES} LU^{KUR} ʾArnuandan ŠEŠ-IA irman ištamaššir* (KBo, III, 4; I, 6 и сл.) „когда же враждебные страны моего брата Арнуанду услышали больного“=„когда они услышали, что А. болен“ (επεὶ δ' οἱ πολέμοιοι τὸν ἐμὸν ἀδελφὸν νοσῶντα).

329. Временные предложения вводятся посредством:

а) *maḥḥan* „когда, как, как только“: *maḥḥanma ḥamešḥanza kišat* „когда же наступила весна“; *maḥḥanma UZU^{IA} zejari* „как только жир закипит“.

б) В древнем языке *mān* „когда“ вместо *maḥḥan* (Sommer, HAB, 71): *mānšan ʾTelipinuš INA GISGU.ZA ABI^{IA} ešḥat* (2 BoTU, 23 A; II, 16) „когда я, Телипинуш, на трон отца моего сел“.

в) *kuṣari* „в то время как, тогда как“: *nuza ABU^{IA} kuṣari DINGIR^{LIM}-iš DÙ-at* (= *kišat*) (KBo, III, 4; I, 4) „в то время как отец мой сделался богом“.

г) *kuitman* (=лат. *dum*): 1) „пока, до тех пор, в то время как“ (нем. *solange, als, während, bis*): *nu kuitman ABU^{IA} INA KUR URU^{URU} Mitanni ešta* (KBo, III, 4; III, 47) „и пока отец мой в стране Митанни был“; *nu Ê-rišši anneškizzi kuitmanaš SIG⁵-attari* (Ges., § 10) „и будет работать в его доме, пока он выздоравливает“. Следующие друг за другом предложения с „пока“ соединяются асиндетически (§ 313 ж; Sommer, AU, 135 и сл.): *nuṣašši kaš LU^{LU} KARTAPPU pidiši ešaru kuitmanaš uizzi kuitmanaš apija EGIR-pa uizzi* (Tav., II, 71 и сл.) „и этот придворный конюший на своем месте пусть сидит, пока он придет (и) пока он туда не вернется“.

д) Иногда *kuit* встречается со значением „так как, по случаю того что“: *puza KUR URUArzaa kuit human tar(a)hḫun puza ʔUTUŠI¹ kuin NAM.RA INA Ê LUGAL uṣatenun naš anda 1-etta 66 000 NAM.RA ešta* (КВо, III, 4; III, 32 и сл.) „и так как страну Арзава я всю покорил, то я, Солнце, (тех) которые (вин. п. ед. ч.) пленные (были), во дворец привел, и это было всего 66 000 пленных“.

Иногда у *kuit* можно наблюдать колебания между темпоральной и каузальной функциями: *kinuna apēl TI-tar idālaešta TI-anza kuit* (КВо, IV, 8; II, 18) „и хуже стала теперь ее жизнь, раз (она) еще живая?“

330. а) Реальное условное предложение вводится обычно при помощи *mān* „если“: *mānkan LUMUNABTUM IŠTU KUR-ka KUR URUḫatti LUpittijantili uizzi nanta EGIR-pa UL pijanzi* (AI., § 18, строка 62 и сл.) „если беглец из твоей страны, спасаясь, в страну Хатти придет, то его тебе обратно не отдадут“; *mānkan ŠA(G) KUR^{TI} akkiškittari nat mān kururaš kuiški DINGIR^{LUM} ijan ḫarzi nu kiššan ijami* (HT, 1; II, 17 и сл.) „если в стране умирается (т. е. большая смертность) и если это какое-нибудь враждебное божество сделало, то я так поступлю“.

б) Архаическое *takku* „если“ встречается чаще всего в законодательных и реже в других текстах: *takku LÚ-an ELLUM šul-lannaza kuiški dašuaḫḫi 1 MA.NA KÙ.BABBAR paī* (Ges., § V) „если кто-нибудь свободного человека в ссоре ослепит, одну мину серебра даст“.

331. а) Иногда союз вовсе отсутствует (Sommer, HAB, 182, с указ. лит.): *INA ITU.12.KAM DUMU-aš miḫari apāš DUMU-aš LUSU.GI-ešzi* (VIII, 35; I, 9) „(если) в 12-м месяце сын родится, (то) этот сын будет жить до старости; *dašdul kuelqa autti... puza pankun EGIR-pa punuški* (2 ВоТУ, 8; III, 59 и сл.) „если проступок у кого-нибудь увидишь, ... (то) панкуш опять запроси“.

б) Весьма распространенное *našma* часто означает также „или если“ (Sommer, HAB, 182): *našma ERÍN^{MES} ANŠU.KUR.RA^{MES} ANA ʔUTUŠI¹ ŋekti nutta naššu ʔUTUŠI¹ ERÍN^{MES} ANŠU.KUR.RA^{MES} uppaḫḫi našmatta KUR-eaš ZAG-aš EN-aš EGIR-an uizzi* (Targ., § 12, строки 25, 27 и сл.) „или если ты пехоту (и) боевые колесницы у Солнца просишь, то тебе либо я, Солнце, пехоту (и) колесницы пошлю, либо правитель (господин) области с тобой (буквально: за тобой) пойдет“.

¹ В древнем языке условное *mān* вообще не представлено, а есть только темпоральное *mān* (§ 329 б; Sommer, HAB, 71¹).

Наряду с *našma* употребляется также *našma mān*: *našma mān KUR^{тум} kuitki zaḥḥija LUGAL KUR URU^{уру} Ḥatti anda ḥatkišnuzzi* (Durr., § 16, строка 23 и сл.) „или если царь страны Хатти каку-нибудь страну войной притеснять будет“.

332. а) В ирреальном условном предложении употребляются обычно *mān* „если“ и частица ирреальности *man* (§ 275 и сл.), в последовательности *man mān* (Friedrich KIF, 1, 289 и сл.): *mankan mān ANA 'Attaršija ḥuišdetenna kašitaman akten* (Madd., I, 12) „если бы вы и уцелели от Аттаршия, то от голода вы бы умерли“ (ср. также § 313 е, второе предложение). С написанием *mān* вместо *man* (Friedrich, KIF, 1, 286 и сл.; Sommer, AU, 73¹; Sommer, HAB, 135 и сл.): *mānkan mān ANA 'Pittaggatallipit uarpa teḥḥun manmu LU^{лу}auriialuš kuit ŠA 'Pittaggatalli auer mānmu piran arḥa tarnaš* (KBo, V, 8; III, 15 и сл.) „так как меня, если бы я поход на П. направил, увидели бы сторожевые П., то он бы от меня ушел“.

б) Однако и здесь союз может отсутствовать; в этом случае предложение, стоящее впереди, содержит только частицу *man* (иногда с написанием *mān*): *EGIR-anman kuṣari apēdaš ANA NAM. RA^{мес} tijaun man UTU^ш EGIR-an tijaun* (KBo, III, 3; III, 6 и сл.) „(если) бы я об этих, о пленных, стал когда-нибудь заботиться, то я (т. е. я сам лично), Солнце, позаботился бы“; *ammukmanṣa kuṣari DUMU-IA ešta ammukmanṣa ammēl RAMA-NIA ammēlla KUR-eaš tepnumar tamētani KUR-e ḥatrānun* (KBo, V, 6; III, 53 и сл.) „будь у меня когда-нибудь сын, (разве) написал бы я в другую страну о моем собственном и о страны моей унижении (буквально: умалении)?“

333. а) После ирреального или потенциального первого предложения второе может иногда иметь реальное значение (Sommer, AU, 117): *manmaza DAM-IA ANA SAL. LUGAL išijaḥḥiškattallaš kišat nu idālu kuitki iṭat* (XIV, 4; III, 16 и сл.) „если бы жена моя стала за царицей наблюдательницей, (разве) она плохое что-либо (этим) сделала?“

б) При наличии в фразе каких-либо угроз и клятв предложение, следующее позади, может опускаться: *našmakan mān UTU^ш kuṣedani anda idālu ištamašti natmukan mān šannatti natmu UL mematti apūnnamu antuḥšan UL tekkuššanuši nan anda imma munnaši* (Huqq., § 4, строка 27 и сл.) „или если ты о Солнце (т. е. царе) от кого-либо злое услышишь, (то горе тебе) если это от меня утаишь и об этом мне не скажешь, и того человека мне не покажешь и даже его укроешь!“; *mānmaṣa GIŠKARA iš-kallaḥḥun našmaṣa NA-KIŠIB duṣarnahḥun našmaṣa dahḥun kuitki*

(XIII, 35; IV, 24 и сл.) „(будь я проклят), если я веревку порвал или печать сломал, или себе что-нибудь взял!“

334. а) Уступительные предложения вводятся обычно при помощи *mān*-а „если же“ (Friedrich, Staatsv., I, 32 и сл., 180): ¹Urḫi-^dU-urpašmamu mān ḤUL-lušša ešta ammukma UL karūššijanun (КВо, IV, 12; I, 24 и сл.) „если же Урхи-Тешуп ко мне плох был (т. е. плохо относился), то и я не бездействовал“; nuza mān irmalanzaša (§ 25 б) ešta ^dUTU^{sl}-matta ANA AŠAR ABIKA tittanunupit (Dupr., § 7, строка 16 и сл.) „и хотя болен был, я, Солнце, тебя на место отца твоего поставил“.

б) В качестве уступительного союза может стоять также и одно *mān* „если“ (Friedrich, Staatsv., I, 159; Sommer, AU, 172): zikmaza ¹Kupanta-^dKaL-aš ANA ¹PÍŠ.TUR-ца kuit DUMU-ŠU ešta mānza UL manga ʿašdulaš ešta mantakkan É ABIKA KUR-KA-ia UL arḫa dāir (Kup., § 7 С, 18 и сл.), „а так как ты, К., был сыном Машхуилуваша, то хотя ты сам по себе не виновен был, разве не отняли бы у тебя дом отца твоего и страну твою?“

335. Косвенно-вопросительные предложения, если они не вводятся с помощью вопросительного местоимения (*kuiš* „кто?“, *mašīcanza* „как велик?“ и т. д.) или вопросительного наречия (*kuṣarī* „где? когда?“, *kuṣat* „почему?“ и т. д.), начинаются с *mān* „ли“: nu ¹Urḫi-^dU-urpaš kuit arija nan rupuš mān kišan mān UL kišan (XXI, 38; I, 11 и сл.) „так как Урхи-Тешуп там, спроси его, так ли (это) или не так“.

336. а) Относительные предложения строятся в хеттском языке не по обычному для нас способу, например: „человек, которого ты видел, мой отец“, но по типу: „которого человека ты видел, тот мой отец“. Таким образом, относительное предложение предшествует главному, а имя, которое у нас ставится в главном предложении и от которого зависит относительное, в хеттском языке включается в конструкцию относительного предложения; в следующем за относительным главным предложении с этим именем соотнесено местоимение (Götze, Hatt., 86): nuza ^dUTU^{sl} kuin NAM.RA INA É.LUGAL ʿuatenun naš lā 500 NAM.RA ešta (КВо, III, 4; II, 41 и сл.) „и которых пленных (собираательно) во дворец я, Солнце, привел, это было lā 500 пленных“; našmatta URUKU.BABBAR-šaš ZAG-aš kuiš BELU maninkuṣan nu ERIN^{mes} ANŠU.KUR.RA^{mes} apēdani ʿekti (Targ., § 12, 25 и сл.) „если же (буквально: или же) какой-либо (буквально: который) владыка Хаттуша к тебе близок, можешь потребовать у него пехоту (и) боевые колесницы“; pēdimakan kuē

KUR.KUR^{MES} dalijanun nušmaš ZAG^{HI.A}-uš teḥḥun (Kur., § 3 D, 16 и сл.) „которые же страны я на месте оставил (не тронул), им я границы установил; nu kuiš tān pēdaš DUMU^{RU} nu LUGAL-uš apāš kišaru (2 BoTU, 23 A; II, 37 и сл.) „который сын второй очереди (от наложницы), пусть тот царем станет“; numu araḥ-zenaš KUR.KUR^{LÚKUR} kuēš kururijaḥḥir nu ANA KUR^{LÚKUR} naṣi kuitman kuēdanikki pāun (KBo, III, 4; I, 19 и сл.) „и (те) которые соседние вражеские страны со мной воевали, прежде чем я еще на какую-нибудь из вражеских стран не пошел“.

б) В качестве примера нескольких зависимых друг от друга относительных предложений можно привести: ⁴U-aš kuēdani UD-ti ḥatuga tethiškit... nu TÚG.NÍG.LAM^{MES} kuē apēdani UD-ti цаššan ḥarkun ANA^{GÍŠGÍGIR}-jakan kuēdani apēdani UD-ti arḥaḥat nu kē TÚG.NÍG.LAM^{MES}... ^{GÍŠGÍGIR}-ja turijan apātta dāir (Murš. Sprachl., II, 23 и сл.) „в день, когда грозовое божество страшно гремело... то одежды, те, которые в тот день я надевал, и колесницу, на которой в тот день я стоял, то те одежды... колесницу запряженную — и это взяли (боги)“.

в) Примеры продолжения относительных предложений при посредстве союза „и“: IR^{MES}-JA-ḫaza kuēš dāš nuṣaraškan kattanta peḥutet nuṣarašmu arḥa uppi (KBo, III, 4; III, 77 и сл.) „которых рабов моих ты себе взял и их увел, то их ко мне отошли!“; NAM:RA^{HI.A} kuēš ABUJA arnut ammuqqat arnunun numukan mān apel kuiški ŠA NAM.RA^{MES} ḥuḍaizzi (Dupr., § 13, строка 38 и сл.) „которых пленный отец мой увел, то если у меня из этих пленный кто-либо убежит“.

г) Относительно отсутствия согласования у местоимения главного предложения с именем предшествующего подчиненного см. Sommer, HAB, 53 и сл.

АККАДСКИЕ И ШУМЕРСКИЕ ФОРМЫ В ХЕТТСКИХ ТЕКСТАХ

337. Для полного понимания аккадских и шумерских элементов в хеттских текстах следует обратиться к специальным работам по аккадской и шумерской грамматике, например: Ungnad, *Babylonisch-assyrische Grammatik*, 2-е изд., Мюнхен, 1925 (*Clavis linguarum semiticarum*, т. 2); Poebel, *Grundzüge der sumerischen Grammatik*, Росток 1923. Здесь мы приводим лишь важнейшие моменты, отмечая при этом особенности употребления аккадских форм хеттами.

338. а) Шумерскими окончаниями множественного числа имени являются MEŠ и ҢI.A; при этом ҢI.A употребляется главным образом для названий предметов и животных. Примеры: EN^{MEŠ} „господа“, DINGIR^{MEŠ} „боги“, UD.KAM^{ҢI.A} „дни“, NAM.RA^{ҢI.A} „пленные (из мирного населения)“, ERÍN^{MEŠ} ANŠU.KUR.RA^{ҢI.A} „пешие войска (и) боевые колесницы“.

б) Реже встречаются окончания множественного числа: AŠ. AŠ.ҢI.A: URU^{AŠ.AŠ.ҢI.A} „города“, иногда ҢUR.SAG^{AŠ.AŠ.ҢI.A} „горы“ или MEŠ.ҢI.A: ERÍN^{MEŠ.ҢI.A} „пешие войска“.

в) Множественное число образуется с помощью удвоения имени: KUR.KUR (и KUR.KUR^{MEŠ}) „страны“, DINGIR^{MEŠ} GAL.GAL „великие боги“, URU^{AŠ.AŠ.ҢI.A} GAL.GAL^{ТИМ} „большие города“.

г) Иногда множественное число вовсе не обозначается или обозначается лишь частично: NAM.RA^(ҢI.A) GUD UDU „пленные (из мирного населения), быки, овцы“, LÚ^(MEŠ) ŠU.GI „старики“, 5 GUD „5 быков“, MU.KAM GÍD.DA „долгие годы“.

339. а) Шумерское окончание род. п. -a(k), не будучи понятно хеттам, заключено в сочетаниях, например: ANŠU.KUR.RA „лошади“ (собственно: „осел [anšu] горной страны [kur-a])“, KÁ.DINGIR.RA „Вавилон“ (собственно: „ворота [ká] бога [dingir-a])“.

б) Обычно, однако, определение ставится после определяемого слова без какого-либо особого обозначения: MĀŠ LÚ „род мужа“, GAL GEŠTIN „главный виночерпий (буквально: наибольший вина)“.

340. а) Шумерское прилагательное также стоит обычно позади определяемого им существительного: MUŠEN GAL „птица большая“, во множественном числе: DINGIR^{MES} GAL. GAL „боги великие“ (ср. DINGIR^{MES} TUR „боги малые“).

б) Иногда прилагательные имеют особое окончание -а: IĀ. DUG. GA „масло хорошее“ (dug „хороший“), MU^{HI.A} GĪD. DA „годы долгие“ (gīd „долгий“).

341. Парадигмы аккадской именной флексии:

а) Существительное

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	māru(m) „сын“	mārtu(m) „дочь“	mārū mārātu(m) uznān „уши“
Род.	māri(m)	mārti(m)	mārī mārāti(m) uznēn
Вин.	māra(m)	mārta(m)	mārī mārāti(m) uznēn ²

б) Прилагательное: ṭābu(m) „хороший“.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Им. м. р.	ṭābu(m)	ж. р. ṭābtu(m) м.р. ṭābūtu(m) ж. р. ṭābātu(m)
Род.	ṭābi(m)	ṭābti(m) ṭābūti(m) ṭābāti(m)
Вин.	ṭāba(m)	ṭābta(m) ṭābūti(m) ṭābāti(m)

в) Формы с -m (mārum, ṭābum и т. д.) являются древнеавилонскими. В начале второго тысячелетия до н. э. -m исчезает, однако так называемая мимазия часто сохраняется в написании. Поэтому в хеттских текстах мы встречаем рядом формы и ELLUM и ELLU „свободный“ и т. д.

342. а) Форма аккадского родительного падежа, как и вообще семитического, всегда стоит после определяемого имени. Оба слова образуют единство в акцентологическом отношении, причем ударение стоит на определении. Безударное определяемое находится в так называемом status constructus, т. е. полностью теряет краткие падежные окончания, а также претерпевает и другие изменения:

	Ед. ч.	Мн. ч.	Дв. ч.
Им.	mār „сын“	mārat „дочь“	mārū, mārāt uznā „уши“
Род.	mār	mārat	mārī, mārāt uznē
Вин.	mār	mārat	mārī, mārāt uznē

Примеры: mār šarri(m) (идеографически DUMU LUGAL) „сын царя, царевич“, narām ^dU „любимец (narāmu) грозового божества“, bēl bīti(m) (идеогр. BEL É^{тим} или EN É^{тим}) „господин (bēlu(m)) дома (bītu(m))“, ištu aqāt abika „по слову (aqātu(m)) отца твоего“, unūt siparri(m) (идеогр. ZABAR) „утварь (unutu(m)) из бронзы“, māṭ URUḪatti (идеогр. KUR URUḪatti) „страна (mātu(m)) Хатти“.

б) Получающееся в результате образования status constructus склонение согласных в конце слова разрезается вставкой между ними гласного: šulmu(m) „благополучие“, st. c. — šulum; ašru(m) „место“, st. c. — ašar.

в) Сочетание двух одинаковых согласных в этом же положении или упрощается, например šarru(m) „царь“, st. c. — šar, или же после них появляется краткий гласный: tuppu rikilti „таблица (таблетка) договора“, ina libbi (идеогр. INA ŠA(G)^{ВГ}) māti(m) „посреди страны“.

343. а) Вместо сочетания status constructus значение родительного падежа может быть передано также при помощи определительного местоимения ša „тот же“: ša māmīti(m) „тот клятвы“ = „ленник“; šarru(m) ša māti(m) „царь тот (что) страны“ = šar māti(m) „царь страны“.

О случаях опущения в хеттских текстах ša см. § 362.

б) В то время как сочетание со status constructus (с постановкой родительного падежа) позади определяемого слова противоречит хеттской тенденции ставить родительный падеж перед определяемым словом (§ 221а), аккадский способ выражения отношения родительного падежа при помощи ša дает возможность характерной для хеттского языка препозиции родительного: ŠA URUḪa-lila ḫarninkuṣar (КВo, III, 4; I, 36) „уничтожение города Халила“; ŠA ^dUTU URUArinna EZEN^{НЛА} (КВo, III, 4; I, 17 и сл.) „празднества солнечной богини города Аринна“; ŠA 1-EN (читается išten) taparijaš (КВo, III, 4; III, 74) „господство одного единственного“, ŠA LÚMUDI DAM-ašša aššijatar (Ḫatt., III, 3) „мужа и жены любовь“.

Однако родительный падеж с ša часто стоит также и позади определяемого: memijaš ŠA BAL (Targ., § 3, строка 10 и вообще часто) „слово мятежа“.

344. а) Отношение притяжательности выражается в аккадском, как и в других семитических языках, путем присоединения специальных суффиксов к имени в status constructus по следующей схеме:

Имя в единственном числе

	<i>Им.-вин. п.</i>		<i>Род. п.</i>
mār-ī	„мой сын, моего сына“	māri-ja	„моего сына“
mār-ka	„твой (м. р.) сын, твоего сына“	māri-ka	„твоего (м. р.) сына“
mār-ki	„твой (ж. р.) сын, твоего сына“	māri-ki	„твоего (ж. р.) сына“
mār-šu	„его сын, его сына“	māri-šu	„его сына“
mār-ša	„ее сын, ее сына“	māri-ša	„ее сына“
mārā-ni	„наш сын, нашего сына“	māri-ni	„нашего сына“
mār-kunu	„ваш (м. р.) сын, вашего сына“	māri-kunu	„вашего (м. р.) сына“
mār-kina	„ваш (ж. р.) сын, вашего сына“	māri-kina	„вашего (ж. р.) сына“
mār-šunu	„их (м. р.) сын, их сына“	māri-šunu	„их (м. р.) сына“
mār-šina	„их (ж. р.) сын, их сына“	māri-šina	„их (ж. р.) сына“

Имя во множественном числе

	<i>Им. п.</i>		<i>Род.-вин. п.</i>
mārū-ja	„мои сыновья“	mārī-ja	„моих сыновей“
mārū-ka	„твои (м. р.) сыновья“	mārī-ka	„твоих (м. р.) сыновей“
mārū-ki	„твои (ж. р.) сыновья“	mārī-ki	„твоих (ж. р.) сыновей“
mārū-šu	„его сыновья“	mārī-šu	„его сыновей“
mārū-ša	„ее сыновья“	mārī-ša	„ее сыновей“
mārū-šunu	„их (м. р.) сыновья“	mārī-šunu	„их (м. р.) сыновей“

Имя в двойственном числе

	<i>Им. п.</i>		<i>Род.-вин. п.</i>
uznā-ja	„мои уши“	uznē-ja	„моих ушей, мои уши“
uznā-ka	„твои (м. р.) уши“	uznē-ka	„твоих (м. р.) ушей, твои уши“
uznā-ki	„твои (ж. р.) уши“	uznē-ki	„твоих (ж. р.) ушей, твои уши“
uznā-šu	„его уши“	uznē-šu	„его ушей, его уши“

и т. д.

б) В суффиксах 3-го лица *s* после зубных звуков переходит в *š*, которое, по древневавилонской манере, обычно пишется *z*. При этом зубной согласный большей частью ассимилируется последующему *s* (*z*): **māt-su* „его страна (*mātu*)“ > *mātsu* > *māsu* (*māzu*, в хеттских текстах идеогр. KUR-ZU¹), **qāt-su* „его рука (*qātu*)“ > *qāt-su* > *qassu* (*qazzu*), **arad-su* „его слуга (*ardu*)“ > *arad-su* > *arassu* (*arrazzu*, идеогр. IR-ZU), *mārat-ša* „ее дочь (*mārtu*)“ > *mārat-sa* > *mārassa* (*mārazza*, идеогр. DUMU-SAL-ZA), **lubšat-šunu* „их платье (*lubuštu*)“ > *lubšat-šunu* > *lubšassunu* (*lubšazzunu*, идеогр. TUG-ZUNU).

345. В шумерском языке отношение притяжательности также выражается с помощью суффиксов, например: *ki-lal* „вес“, *ki-lal-bi* „его вес“.

346. а) В аккадском языке употребительны абстрактные образования на *-utu(m)* (в хеттском часто пишется *-uttu(m)*): *šarrū-tu(m)* (идеогр. LUGAL-U(T)TU(M)) „царствование“ (от *šarru(m)* „царь“), *belūtu(m)* (идеогр. EN-UTU(M)) „господство“ (от *belu(m)* „господин“); также *1-NUTUM*, т. е. *ištenutu(m)* „единство, единица“ (от *išten* „один“).

б) В шумерском языке этим образованиям соответствуют образования с префиксом *nam-*: *nam-lú-gàl-lu* „человечество“ (от *lú-gàl-lu* „человек“) = акк. *amēlūtu(m)* (от *amēlu(m)* „человек“).

347. По аккадскому образцу в хеттском языке склонялись не только вставлявшиеся в тексте аккадские слова, но также, и прежде всего, многочисленные малоазийские и вообще иноязычные имена собственные. При этом имя остается в форме чистой основы, без падежных окончаний, независимо от того, оканчивается ли основа на гласный или на согласный (ср., с одной стороны, ¹*Šuppiluliuma*, ¹*Muršili*, ¹*Telipinu*, с другой — ^d*Gišgim-maš*, ^{URU}*Neriq*, ^{URU}*Qargamiš*).

С такого рода фактами мы встречаемся:

а) В писавшихся всегда по-аккадски заглавиях (Sommer-Ehe-
Iolf, Pār., 1): *UM.MA* ^d*UTU*^{ŠI} ¹*Šuppiluliuma* LUGAL KUR
^{URU}*Hatti*, т. е. по-аккадски *umma* ^d*Šamši* ¹*Šuppiluliuma* *šar māṭ*
^{URU}*Hatti* „так (говорит) Солнце Шуппилулиума, царь страны
Хатти“; *UM.MA* ¹*Papanikri* ^{LU}*patili* *ša* KUR ^{URU}*Kummanni* (Pār.,
I, 1) „так (говорит) Папаникри, патили страны Кумманны“: *AUAT*

¹ Род. п. ед. ч. *INA KUR-ŠU*, т. е. акк. *ina māti-šu* „в его стране“; ср. с компонентом *INA KUR^{TI}-ŠU*.

¹Zarpiša ^{LÚ}A.ZU KUR ^{URU}Kizzuṣatna (HT, 1; II, 13 и сл.) „слова Царпия, врача страны Кизватна“; ¹Anitta DUMU ¹Pithāna LUGAL ^{URU}Kuššara KIB/MA (2 BoTU, 7, 1) „Анитта, сын Питхана, царя Кушшары (говорит): объявляю (следующее)!“

б) В названиях стран, вводимых посредством шумер. KUR = акк. mātu(m) „страна“ (st. c. — māt), например: KUR ^{URU}Ḫatti „страна Хатти“, KUR ^{URU}Arzaa „страна Арзава“, KUR ^{URU}Kargamiš „страна Каргамиш“ и т. д., которые передают аккадские сочетания status constructus: māt Ḫatti, māt Arzaa, māt Kargamiš и т. д.

То же и в других географических обозначениях, например: ^{LÚ}^{MES} ^{URU}Tartina, т. е. акк. aḡēlūt ^{URU}Tartina „люди из Тартины“, или ⁴U ^{URU}Ḫatti „грозовое божество города Хатти“, ⁴UTU ^{URU}Arinna „солнечная богиня города Аринны“.

348. Одно и то же имя может встретиться в тексте как с хеттской флексией, так и, по аккадскому образцу, без флективных окончаний, например: ^{URU}Ḫaḥreššaš (KBo, IV, 4; III, 29) (им. п.) наряду с ^{INA} ^{URU}Ḫaḥrešša (там же, 30); им. п. ¹Ḫattušiliš (KBo, IV, 12; II, 5) и вин. п. ¹Ḫattušilin (Ḫatt., I, 10) наряду с NUMUN ¹Ḫattušili (Ḫatt., IV, 81) „потомство Хаттушилиша“; вин. п. ⁴GIŠ.GIM.MAS-un (VIII, 57, 4, 5) наряду с акк. дат. п. ANA ⁴GIŠ.GIM.MAŠ (VIII, 55, 7; § 355). Формы без окончаний особенно часто употреблялись в качестве родительного падежа после идеограмм (читающихся как акк. status constructus), а также после аккадских предлогов (особенно после ANA „к“ и INA „в“; § 355), но также встречаются они иногда и в других сочетаниях: zik ¹Alakšandu (Al., § 17, строка 32) наряду с более употребительным zik ¹Alakšanduš „ты, о Алакшандуш“, ¹Zidi LÚ. ZABAR. DIB ešta „Цитиш был виночерпий“ (2 BoTU, 12 A; II, 1; но 12 C; I, 11 ¹Zidiš).

349. а) Аккадские падежные формы употреблялись хеттами часто неправильно. Так, например, форма род. п. DINGIR^{LIM} = акк. ilī(m) выступает как им. п. ед. ч. „бог“; 1-EN (т. е. išten) HALZI — как вин. п. ед. ч. „крепость“; им. п. ед. ч. ^{LÚ}MUN-NABTUM используется как вин. п. „беглеца“; им. п. ед. ч. ABUKA „отец твой“ как род. п. ед. ч. в сочетании IŠTU AUĀT ABUKA (Al., § 6, строка 72) „по слову отца твоего“; им. п. мн. ч. BELU^{MES}.IA „господа мои“ как род. п. мн. ч. в сочетании ANA DINGIR^{MES} BELU^{MES}.IA (Pestgeb., II, § 1, 1) „к богам, господам моим“; им. п. дв. ч. UZNĀŠU как вин. п. „его уши“ (Ges., § 99); вин. п. ед. ч. LÚ ELLAM как им. п. „свободный человек“ (Ges., § IV), но также и LÚ.GĀL.LU-aš ELLAM (Ges.,

§ 15) и даже LÚ-GÁL.LU-aš *ELLAM*-aš (Ges., § 11, вариант) как род. п. ед. ч. „свободного человека“.

б) Иногда лишенная окончаний форма *status constructus* употреблялась и помимо сочетаний генетивного характера: *BEL GAL* — как вин. п. ед. ч. (XIII, 20; I, 14) „господина великого“, LÚ^{MES} *LIM* „1000 человек“.

в) Следует упомянуть еще о том, что иногда хетты употребляли (с этимологической точки зрения неправомерно) *TIM* (и *TI*) в качестве детерминатива множественности (параллельно *MEŠ* и *HI.A*; см. § 338 а, а также Sommer, AU, 343; Sommer, HAB, 195 и сл.). Исходя из закономерных написаний типа *KUR.KUR^{TIM}* (XXIV, 4; I, 16), т. е. акк. *mātātīm* „страны“ (род.-вин. п. мн. ч.), они переносили *TI(M)* также на такие случаи, как *BELU^{TIM}* (XIII, 1; IV, 4) и *BELU^{MES.TIM}* (X, 13; IV, 20) „господа“ (акк. *bēlū*), *AUATE^{MES.TI}* (2 BoTU, 8; IV, 70) „слова“. Подобного рода написания встречаются также и в аккадских текстах из Нуци.

350. Так как в хеттском языке различия между мужским и женским родом не было, то хетты обычно, даже там, где в аккадском требовался женский род, ставили мужской род (Friedrich, Staatsv., II, 147 и сл.). Так, например, наряду с правильным вин. п. ед. ч. *SAL-an ELLITAM* (Ges., § 175) „свободную женщину“ мы находим более употребительные *SAL-an ELLAM* (Ges., § 3) и *SAL-an ELLUM* (Ges., § 35), обе формы также в значении винительного падежа. Притяжательный суффикс -ša „ее“ также встречается очень редко [иногда *SĀ L.BBIŠA* (Ges., § 77 а, вариант) „ее внутреннее“ = „ее плод“] и обычно заменяется через -šu „его“: *SAL.LUGAL ŠU^{MES}.ŠU anši* (KBo, IV, 9; II, 36) „царица вытирает свои руки“; *annaš DUMU-ŠU penni-šta* (XVII, 10; IV, 24) „мать вела свое дитя“. Также и во 2-м лице ед. ч. притяжательное местоимение м. р. -ka употребляется вместо местоимения ж. р. -ki: LÚ^{MES} *MUDIKA* (XV, 1; III, 10) „твой супруг (по отношению к царице)“.

351. Иногда хетты воспринимали аккадское сочетание *status constructus* как одно слово, имеющее при себе детерминатив. Так, например, сочетание со значением род. п. LÚ *TEMI* = акк. *aṣīl ṭemi* „муж (*aṣīlu*, ст. с. — *aṣīl*) посольства (*ṭemi*, мн. ч. *ṭemēti*)“ было воспринято как LÚ^{MES} *TEMU* „посол“, что и выразилось в соответствующем обращении с этой формой (Sommer, HAB, 121): вин. п. ед. ч. LÚ^{MES} *TEMA* (KBo, III, 4; II, 9), им. п. мн. ч. LÚ^{MES} *TEME* (Man., § 4, строка 40), вин. п. мн. ч. LÚ^{MES} *TE-MUTIM* (Al., § 3 B, 15).

352. При употреблении хеттами аккадских притяжательных местоимений встречаются следующие ошибки:

а) Неправильное применение падежных форм (§ 349 а): род. п. д. ч. *BELI/A* как им. и вин. пп. „господин мой, господина моего“, соответственно род. п. ед. ч. *BELINI* — как им. п. „господин наш“; *QADU MIMMUGA* (Al., § 21, строка 35) „с твоим имуществом“, где *MIMMU*, им. п. ед. ч., употреблялось в качестве род. п. после предлога (§ 355), а *-GA* вместо *-KA* (§ 21).

б) Образование из формы род. п. ед. ч. *abi/a* „отца моего“ новой формы им. п. ед. ч. *ABU/A* „отец мой“ (вместо правильного акк. *abī*) с неправильным употреблением ее в качестве род. п. „отца моего“ (например, Al., § 6 A, 72).

в) Если суффикс ед. ч. *-šu* „его, ее“ стоит при существительном во множественном числе, то он может также получить множественное число, т. е. вместо *-šu* здесь появляется *-šunu* (Götze, Madd., 119 и сл.; Sommer, AU, 159): *ŠUMES-ŠUNU anši* (XI, 35; II, 8) „руки свои (буквально: их) вытирает“; *DUMU^{MES}-ŠUNU* (КВо, III, 4; II, 51) „его (буквально: их) сыновья“.

И наоборот, *-šu* иногда стоит там, где следовало бы ожидать *-šunu* (Friedrich, Staatsv., II, 149 и сл.): *ŠUMES-ŠU GİR^{MES}-ŠU* (Sold., I, 26) „руки их (и) ноги их (воинов Арзавы)“ наряду с правильным *GİR^{MES}-ŠUNU ŠUMES-ŠUNU* (там же, 23 и сл.). Также мы находим хетт. *-šiš* „его“ вместо *-šmiš* „их“ (§ 258 а).

г) Функция аккадского притяжательного местоимения, так же как и хеттского (§ 258 б), может быть совершенно стерта: *UTU^{šI}* „Солнце мое“ в качестве титула хеттских царей может просто означать: „солнце, величество“.

353. а) Отношение притяжательности для существительных, написанных по-аккадски или по-шумерски, часто может получать двойное обозначение — при помощи присоединяемого к существительному аккадского суффикса и, кроме того, в сочетании с родительным или дательным падежом хеттского ударенного или энклитического личного местоимения (Hrozný, Spr. d. H., 99 и сл., 107 и сл., 111 и сл., 114 и сл.): *ammēl^{LU}MUDI/A* (КВо, V, 6; IV, 4 и сл.) „(у меня) мой супруг“; *tuēl DUMU^{MES}-KA*, „(у тебя) твои сыновья“; *DUMU-ŠU-mašašizakan kuiš ANA GİS^{GU}.ZA ABIŠU ešat* (КВо, III, 4; I, 11 и сл.) „сын же (-ma) его (-ŠU) у него (ši), который (себе, -za) на трон отца своего сел“; *nuṣatta ERİN^{MES}-KA ANŠU.KUR.RA^{MES}-KA tepaṣeššanza* (XIX, 29; IV, 17 и сл.) „и твои пешие войска (и) боевые колесницы у тебя (-ta) уменьшились“; *nušmašat INA E^{MES}-KUNU re ḫarteni* (XIII, 4; I, 51 и сл.) „и (если) вы это (вам, -šmaš) в домах ваших держать будете“.

б) Равным образом при существительном, к которому относится аккадский притяжательный суффикс, может стоять и возвратное местоимение *-za* (§ 252 и сл.; Friedrich, OLZ, 1936, 307 и сл.): *Ḫamrušipašza ANŠU.KUR-RA^{Н1.А}-ŠU* turit (КВо, III, 8; III, 17) „богиня К. запрягла себе коней своих“; *nuza AŠAR-ŠUNU arpānzi* (КВо, IV, 9; II, 5 и сл.) „и они берут себе место свое“; *nuḫarašza INA Ê-IA pennahḫun* (XIII, 35; II, 27) „и я их себе (-za) в дом свой доставил“; *ITTI LÚ^{МЕС} URUḫaḫḫuamaza QAT/Ḫ1.А. KUNU* šumeš ḫūḏak ešḫarnuttin (XXIII, 72; II, 29) „у людей города П. вы себе (-za) руки ваши сразу окровавьте“.

354. Из числа аккадских ударенных личных местоимений можно отметить *šū* „он“ и *šunu* „они“ в формулах *UMMA ŠŪMA* „так (сказал) он“ и *UMMA ŠUNU(M)MA* „так (сказали) они“ (относительно *umma...-ma* см. § 373).

355. В отличие от хеттского аккадский язык обладал предлогами, а не послелогами. Аккадские предлоги обычно управляют родительным падежом. Часто употребляются следующие аккадские предлоги:

ina „в“, в правильном аккадском языке только на вопрос „где?“: *ina ali(m)* „в городе“.

ana „к, в“, в правильном аккадском языке только на вопрос „куда?“: *ana ali(m)* „к городу, в город“. Также для обозначения дательного падежа: *ana šarri(m)* „царю“.

ištu „из“: *ištu māti(m)* „из страны“, в хеттских текстах также „с“ (ср. § 358 б).

itti „с“: *itti nakrūti(m)* „с врагами“.

qadu „с“: *qadu bītišu* „со своим домом“.

356. а) Наряду с этими предлогами в собственном смысле слова существовали и производные предлоги (т. е. застывшие именные формы, типа нем. *wegen, zwecks, infolge*).

Таковыми являются: *šapal* „под“ (собственно *st. c.* от *šaplu* „нижняя часть“): *šapal bīti(m)* „под домом“; *maḫar* „перед“ (*st. c.* от *maḫru* „передняя сторона“): *maḫar šarri(m)* „перед царем“; *libbi* „посреди“ (*st. c.* от *libbu* „сердце, середина“): *libbi māti(m)* „в середине страны“; *rap* и *pani* „перед“ (*st. c.* ед. и мн. ч. от *rapu* „лицо“): *rap(i) abiḫa* „перед отцом моим“.

б) Производные предлоги часто имеют впереди себя еще стоящий предлог: *ina libbi māti URUḪatti* (идеогр. *INA ŠĀ(G)^{В1} KUR URUḪatti*) „посреди страны Хатти“; *ina pani ilim* „перед богом“ (где?); *ana pani ili(m)* „перед богом“ (куда?); *ina maḫar šarri(m)* „перед царем“ (где?); *ana maḫar šarri(m)* „перед царем“ (куда?).

Такого рода сочетанием является также *aššum* „ради, во имя“ (**ana šum* „во имя“): *aššum belūti(m)* „ради, во имя власти“.

357. В то время как в аккадском языке „где?“ и „куда?“ различались четко, хетты в своем языке (§ 241 в), а также и при употреблении аккадского не проводили этого различия. Таким образом, в хеттских текстах *ina* употреблялось также на вопрос „куда?": *ina māṭ URUḪatti (INA KUR URUḪatti)* „в стране Хатти“ и „в страну Хатти“; и наоборот, *ana* употреблялось также при ответе на вопрос „где?": *ana ali(m)* „к городу, городу (дат. п.)“ и „в городе“.

Соответственно этому и в сложных сочетаниях: *ina libbi māti(m)* „в середине страны“ и „в середину страны“, *ana paṇi ili(m)* „перед бога“ (куда?) и „перед богом“, *ana šaral MUL^{HI.A}* „под звезды“ и „под звездами“.

358. Следует упомянуть еще о следующих особенностях в употреблении аккадских предлогов:

а) *ANA TUPPI* (Man., § 19, строка 35) „на таблетке“, *ANA ABU^{IA}* цекта (KBo VI, 29; I, 8) „у отца моего потребовал“, *ANA ERÍN^{MEŠ} ḫatrāeš* „о пеших войсках написал“.

б) *išTU GEŠTIN šunnanzi* „вином наполняют“, *išTU AḪĀT DINGIR^{LIM}* (Ḫatt., III, 59) „по слову божества“.

в) *ITTI dUTU^{SI}* „с Солнцем, у Солнца, к Солнцу“, также „против Солнца“ (например, Кур., § 11 D, 26).

г) *ANA PANI AB^{IA}* „при отце моем“.

359. Чередование порядка слов в выражениях *GAM NIŠ DINGIR^{LIM}* и *NIŠ DINGIR^{LIM} GAM*, которые оба означают „под клятвой“, связано с тем, что первый порядок отражает акк. *šaral niš ilim*, а второе — хетт. *linkija katta(n)* (в последнем случае нередко встречается написание *GAM-an*).

360. Предлоги *INA* и *ANA* в хеттских текстах могут иногда опускаться, даже за счет ясности понимания предложения. Объясняется это, повидимому, тем, что хетт при написании иноязычного слова имел в виду реально произносимую хеттскую форму дательного-местного падежа без послелoga (Friedrich, Staatsv., II, 38 и сл.). Примеры: *nišmaškan gišḫulali gišḫuesanna QATİŠUNU tiḫandu* (Sold., II, 53/III, 1) „и им веретено и зеркало в руки их (хетт. *keššeraš-šaš*) пусть положат“ (ср. Sold., I, 41: *pašta GAB LĀL u^zUIA.UDU-ja INA QAT.ŠUNU dai* „и затем воск и сало в руки их кладет“); *GUD SIG₅ BEL GUD paī* (Ges., § 74) „быка здорового хозяину (хетт. *išḫi*) быка даст“.

361. И наоборот, иногда перед именем, уже достаточно охарактеризованным при помощи хеттского окончания местного падежа, плеонастически ставится еще акк. *INA* или *ANA*, видимо, в связи с тем, что писец, сталкиваясь с такими случаями, как акк. *ina qatī* = хетт. *keššeri* „в руке, в руку“, привык к тому, что аккадский предлог мог не иметь хеттского соответствия (Sommer-Eholf, *Par.*, 19). Примеры: *INA URUḥattuši* (KBo, IV, 4; III, 55) „в Хаттуше, в Хаттуш“, *ANA GIŠBANŠUR-i* (KBo, II, 9; IV, 4) „на столе, на стол“, *PANi TUḡkurešni* „перед головной повязкой“.

362. Иногда может также отсутствовать частица род. п. *ŠA*, так что отношение родительного падежа остается здесь формально не обозначенным: *kuššan ITU.1.KAM* (Ges., § 24, вариант) „плата за 1 месяц (буквально: плата одного месяца)“; ср. *kuššan ŠA MU.1.KAM* „плата за год (буквально: „плата одного года)“; *LÚ.UR.ZÍR UR.ZÍR-an* (Ges., § 88, вариант) „собаку собачника“.

363. Описанное в § 223 употребление родительного падежа в значении „тот чего-либо... то чего-либо...“ (нем. *der des... das des...*) для определения другого имени относится также к существительным, написанным по-аккадски или по-шумерски и имеющим впереди себя частицу *ŠA*: *ŠA MAMETi* „тот (что) клятый“ = „связанный клятвой“; *ŠA DUMURi* (KBo, V, 6; IV, 15) „то (что) сына“ = „дело сына“; *ŠA BIRTi* (KBo, IV, 4; IV, 14) „то (что) крепости“ = „принадлежащее крепости“, *ŠA KAŠNIM* (HT, 1; II, 47) „то (что) дороги“ = „дорожное питание“; *ŠA UTUŠi* (Hugq., § 3, строка 21) „партия Солнца, т. е. царя“; *ŠA LUMUNNABTi* (Al., § 18, строка 61) „вопрос о беглецах“.

364. а) В шумерском языке порядковые числительные образуются путем добавления *-kam* к количественным: *DUB.1.KAM* „первая таблица, доска (глиняная)“.

б) Хетты часто не учитывали специальной функции этого суффикса и писали *MU.1.KAM* в значении „целый год“, *INA MU.1.KAM* „в течение одного года“, *UD.7.KAM* „в течение семи дней“.

365. Основа сильного аккадского глагола спрягается по следующей схеме: *šarāru(m)* „посылать“:

	Презенс	Претерит	Пермансив (статив)
<i>Ед. ч.</i>			
1.	ašap(p)ar „я посылаю“	ašpur „я послал“	3. ед. ч. šapir „он поручает“
2. м. р.	tašap(p)ar	tašpur	
2. ж. р.	tašap(p)arī	tašpurī	Императив
3. м. р.	išap(p)ar	išpur	2. ед. ч. supur „пошли!“
3. ж. р.	tašap(p)ar	tašpur	
<i>Мн. ч.</i>			Инфинитив
1.	nišap(p)ar	nišpur	sapāru(m) „посылать“
2. м. р.	tašap(p)arū	tašpurū	
2. ж. р.	tašap(p)arā	tašpurā	Причастие
3. м. р.	išap(p)arū	išpuru	1. šāpiru(m) „посылающий“
3. ж. р.	išap(p)arā	išpurā	2. šapru(m) „порученный“

366. Внутри основы у различных глаголов гласные чередуются. Примеры:

kašādu(m) „достигать, завоевывать“; през. akaš(š)ad, прет. akšud, императ. kušud.

raqādu(m) „приказывать“; през. araq(q)id, прет. arqid, императ. riqid.

šabātu(m) „схватывать“: през. ašab(b)at, прет. ašbat, императ. šabat (2-е прич. šabtu(m) „схваченный“).

labāru(m) „стареть“: през. alab(b)ir, прет. albur, императ. lubur.

balāṭu(m) „жить“: през. abal(l)uṭ, прет. abluṭ, императ. buluṭ.

367. Глаголы, начинающиеся на п, ассимилируют это п в претерите последующему согласному: paḏānu(m) „давать“; прет. aḏ-din „я дал“ < *andin, iddin „он дал“; но през. anad(d)in, inad(d)in, 3-е лицо мн. ч. inad(d)inū.

368. Глаголы, начинающиеся на ' (элиф), утрачивают этот согласный в претерите при удлинении предшествующего гласного: 'amāru(m) „видеть“: прет. āmur „я видел“ < *a'mur, imur „он видел“ < *i'mur, nīmur „мы видели“ < *ni'mur; през. ammar, immar и т. д.

369. Глагольные основы, оканчивающиеся на ', i и u, утрачивают эти согласные: banū(m) „строить“ (< *banāju(m)): през. aban(n)i, iban(n)i, прет. abni, ibni. Так же qabū(m), qebū(m)

„говорить“: през. *aqab(b)i*, прет. *aqbi*, *iqbi*; *redû(m)* „гнать“: прет. *irdi*; *šemû(m)* „слышать“: прет. *ašme*.

Императив от *qabû(m)* „говорить“: *qibi* „говори!“ Пермансив от *qatû(m)* „заканчивать“: *qatî* „он закончился“.

С ' в начале и в конце: *edû(m)* „знать“: прет. 3-го лица ед. ч. *îdi* „он знает“.

370. Из числа производных спряжений упомянем каузатив с префиксом *ša-*: *šabātu(m)* „схватывать“; каузатив *šušbutu(m)* „дать, заставить схватить“: през. *ušašbat* „я даю схватить“, *ušašbat* „он дает схватить“, прет. 1 и 3-го лица ед. ч. *ušašbit* „я (он) дал схватить“.

Из неправильных каузативных форм назовем *uškēn* „он склоняется, кланяется“, 3-е лицо мн. ч. *uškēnu* „они₃ склоняются“.

371. Шумерские спрягаемые глагольные формы встречаются в хеттских текстах очень редко. Можно привести от *UG₆* „умирать“: *BA.UG₆* „умирает, умер“ (основа *ug₆* с элементом флексии *ba*), а также причастную форму *LUŠU.DIB* „пойманный“, которая на правильном шумерском языке должна бы звучать *šu-dibba* „рукой схваченный“ (*šu* „рука“, *dib* „схватывать“).

372. Аккадское наречие *URRAM ŠERAM* „рано утром“ употребляется в хеттском языке в значении „на будущее“ (2 *BoTU*, 23 A; II, 40).

373. *umma* „так“ в значении „так (говорит) такой-то“ в правильном аккадском языке требует еще *-ma* при подлежащем: *umma* *Ḫammurabi-ma* „так (говорит) Хаммураби“. В хеттском языке так же иногда пишется *UMMA LUGAL.GAL-MA* (2 *BoTU*, 12 A; I, 1) „так (говорит) царь великий“; *UMMA ŠUNU(M)MA* „так (сказали) они“; но обычно заключительное *-MA* опускается: *UMMA* *Ḫattušili* (*Ḫatt.*, I, 1) „так (говорит) Хаттушилиш“.

374. Из числа аккадских союзов следует назвать прежде всего *û* „и“ и *lu — lu* „либо — либо“.

УКАЗАТЕЛЬ¹

I

- Аблатив: образование 65, значение 225; затемненный аблатив в наречиях 226; чередование с инструментальным падежом 228—229а; аблатив с послелогоми 243в, 244а; аблатив сравнения 233, разделения 225б
- Аблаут 18, 72а, 86—89, 91 (aiš); у глаголов 171
- Абстрактные имена: хеттские 49, аккадские и шумерские 346
- Аккадские элементы в хеттском контексте 4а, 337 и сл.; аккадская именная флексия 341 и сл.; аккадские именные комплементы 4б; отсутствие различия аккадского рода в хеттском языке 350; спряжение аккадского глагола 365—370
- Аккадское склонение малоазийских имен 347 и сл.
- Активные глаголы как замена пассивных 199
- Анаколуф 333а
- Аппозиция партитивная 224
- Ассимиляция п последующему согласному 34 (в спряжении аккадских глаголов 367); t последующему согласному 36 и др.
- Безличные глаголы 250
- Бессоюзное сочетание однородных предложений в древнем языке 312б, 319а, сложных предложений в законодательных текстах 312в, словесных пар 306б; в новом языке 313, 315
- Будущее время, передаваемое презенсом, 269а; futurum exatum, передаваемое презенсом, 269а; то же перфектом 270а
- Винительный падеж в виде наречия 216; послелоги с винительным падежом 24б; винительный пути 214в, 215б; винительный в роли именительного у имен 67, 231, у местоимений 98а, 121б, 129; „внутренний винительный“ 214
- Вневременная конструкция инфинитива 282
- Возвратные глаголы 254
- Возвратные местоимения 103, 251—255; двойные возвратные местоимения в предложении (аккадские и хеттские) 353б
- Волунтаив: окончания 167, употребление 273б, 274б

¹ Цифры указывают на параграфы книги.

- Вопрос 291; краткий вопрос 291*в*, двойной вопрос 291*б*, 317*б*, 324, риторический вопрос 313*в*; косвенно-вопросительные предложения 335
- Времена глаголов 160; их употребление 269—278
- Временные предложения 329
- Вспомогательные гласные 27, 34
- Вставка гласного в сочетания согласных 27
- Вставные поясняющие предложения 313*г*
- Выравнивание спряжений на -*mi* и -*hi* 164; именительного и винительного падежей у имен 67, 231, у местоимений 98*а*
- Выражение отношения взаимности 256
- Гаплоглогия 47
- Географическое обозначение по аккадскому образцу 347*б*
- Герундив 206
- Герундий 204—205
- Глагол „быть“; его отсутствие в презенсе 212*а* и императиве 212*б*, но не в претерите 212*в*.
- Глаголы восприятия 327*б*; глаголы движения с аблативом и инструментальным падежом 229*б*, с -*kan* и -*šan* 297—303; глаголы для выражения длительного (или повторного) действия 150, их связь с итеративами 154; глаголы, содержащие понятие болезни, 213; глаголы *sentiendi* и *dicendi* 328; глаголы *ца-* „приходить“, *ра-* „идти“ 315
- Глагольные основы на гласные: *mi-* 174—177, *hi-* 186—189, *ме-* *диум* 196
- Глагольные прилагательные 283*б*
- Глагольные существительные 203, 279*а*
- Глагольные формы: аккадские 365—370, шумерские 371
- Грамматическое неразличение мужского и женского рода 55, 59; при употреблении аккадских форм 350
- Дательный падеж личных местоимений (неправильный) 98*а*, аккадский с предлогом *ана* „к, в“ 355; употребление дательного падежа 217—219; дательный падеж действующего лица при пассиве и дательный цели 220; дательный с послелогом 242—243, 245—246; дательный сравнения 233; дательный в плеонастическом употреблении (*Dativus ethicus*) 219
- „Два“, его склонение 141
- Двойное обозначение притяжательных местоимений в аккадском и хеттском языках 353
- Двойной вопрос 291*б*, 317*б*, 324
- Двойственное число у имен 60 и глаголов 162
- Депоненс 159, 266 = активу 267
- Детерминативы 1, 5*а*; детерминативы позади слова 56
- Диссимилиация глагола *цаṣāni* 198

- Дополнение при инфинитиве 281; перемещение дополнения в предложении 315
- Древние окончания медиопассива 168
- Древний язык: присоединение второго предложения без *ni* 312_a; употребление частицы *-ца(r)*- 295; введение предложения с помощью *ta* 319_b и *šu* 320
- Единственное число вместо множественного у существительных с собирательным значением 208_b, 210, у числительных 211_a; 3-е лицо ед. ч. у притяжательных местоимений вместо 3-го лица мн. ч. 258_a, 352_b
- Заглавия (аккадские) 347_a
- Залоги 159; их употребление 266—268
- Запретительные предложения 313_b
- Затемнение языковых фактов при написании 208_a
- Идеограмма 1—2, 36; идеограммы для выражения различных в фонетическом и грамматическом отношении форм 208_a
- Именительный и винительный падежи; выравнивание у имен 67, у местоимений 93_a, 121_b, 129; *nominativus cum infinitivo* 281
- Именные основы на согласные звуки и их склонение 80 и сл.; глагольные основы на согласные звуки; спряжение на *-mi* 169—173, на *-hi* 184—185; медиум 195
- Именные предложения в презенсе (не в претерите) 212; именные предложения с *-za* 255
- Императив: неправильное образование 167, 182—183; императив в качестве опатива 273_a и волюнтатива 273_b; императив для выражения запрета 274
- Инструментальный падеж: на *-it* и *-ta* 66; его употребление 227, 229; употребление попеременно с аблативом 229_a; у притяжательных местоимений вместо аблатива 229_b; аблатив орудия 228
- Инфинитив 203—205; употребление 279—282; дополнение при инфинитиве 281; *nominativus cum infinitivo* 281
- Ирреальное значение 275, 277_a; без *ni* 313 и сл.; ирреальное условное предложение 332
- Итеративные глаголы 154; спряжение 179
- Итерация у имен 57
- Каузальные предложения 326; с *ni* или без него 314
- Каузатив в аккадских словах 370
- Каузативные глаголы 152—153; спряжение 178, 180
- Колебания: в склонении имен 348; в спряжении глаголов 164—167, 189, 191—193; колебания в роде и числе 208_a, 209
- Консекутивные предложения 325
- Косвенный вопрос 335
- Краткий вопрос 291_b

„Куда“ в дательном и местном падежах 217; то же в винительном падеже 215а

Личные местоимения в винительном падеже, опускаемые в тексте законов, 248 и при наличии *ta* 249; личные местоимения вместо притяжательных в партитивной аппозиции 224б; личные местоимения, заменяемые притяжательными местоимениями после *riḡan*, *appa(n)* и др., 259б; аккадские личные местоимения 354

Личные окончания глагола 163, 165—168

Лувийские глагольные окончания 207

Лувийские формы винительного падежа множественного числа на *-anza* 93б

Медиум 159; спряжение 194—198; употребление 266—268

Междометие *eḥi* в роли императива 183

Местный падеж 116, 64, 217—220; без окончания 64в; хурритский местный падеж на *-ti* 93в

Место отрицания 289б

Место союза *-ta* 321

Местоименные прилагательные 123, 131; местоименные наречия 122; местоименное склонение 117 и сл.; подлежащее-местоимение в именных предложениях 212а

Местоположение подлежащего-личного местоимения в именных предложениях 212а; употребление подлежащего-существительного среднего рода во множественном числе со сказуемым в единственном числе 210

Местоположение слов 212а, 221, 222б, 288 и сл., 315, 321, 332, 336, 342а, 343б, 359

Мимазия в аккадских именах 341в

Множественное число шумерских слов 338; множественное число подлежащего в среднем роде со сказуемым в единственном числе 210

Название стран в аккадских конструкциях 347б

Названия частей тела; их колебания в роде 209а

Наклонения у глаголов 160, 273 и сл.

Написание идеограмм 2

Написание смешанное 3а, ребусное 8; написание непронизносимых гласных 22 и сл., 172, 185

Наречия 235—240; производные наречия 122, аккадские 372—373, числовые наречия 146; аблатив в наречиях 226; формы винительного падежа в наречии 216

Наречия: времени 236б; образа действия, степени и др. 236в; наречия типа *ḥattili* „по-хаттски“ 240

Недостаточное склонение местоимений 125, *mekki-* „много“ 209в

Неизменяемые местоимения 126

Неправильное применение аккадских и шумерских падежных форм в хеттском языке 349—352, 357—362, 364б

- Неправильный глагол *au(š)-* 190
- Непроизносимое и слабо артикулируемое *r* 31
- Обобщающие относительные местоимения 130
- Обозначение мер в дательном-местном падеже 218б; в партитивной аппозиции 224в
- Обозначение средства или орудия с помощью инструментального падежа 227 и аблатива 228
- Обозначение числительных с помощью цифр 138; числовые наречия 146; числительные с существительными в единственном или множественном числе 211а; шумерские числительные 364
- Образование имен по месту происхождения 56, 131б
- Образование по аналогии у основ на *-ai-* 72б; в склонении прилагательных 74б, 77б, в склонении местоимений 120а, 121
- Образование „полуфлектируемых“ основ 125—126; колебание в форме *mekki-* „много“ 209в
- Объединение функций в дательном падеже („где“ и „куда“) 217, 241в, 242; то же при употреблении аккадских слов 357
- „Один“, склонение числительного 140
- Определение имени с помощью конструкции с родительным падежом 223, 363
- Определение места, выражаемое посредством *-kan*, 298—301; то же посредством *-šan* 302—303
- Определительное местоимение акк. *ša* в значении родительного падежа 343
- Оптатив, выраженный с помощью императива, 273а
- Опущение последующего предложения при наличии в фразе выражений, передающих клятвы или угрозы, 333б
- Опущение предлогов *INA* и *ANA* 360; то же частицы *ša* 362
- Относительные предложения 33б
- Отрицание 285—290; отрицание в императиве 274; отрицание при запрещении 287
- Отсутствие различия мужского и женского рода 59 (ср. 55); неправильное применение аккадских падежных форм 350
- Отыменные глаголы 149, 151, 153; склонение 173
- Падеж имен 61 и сл.; формы падежей в виде наречий 216, 226, 237—240 и вместо наших предлогов 241б; неправильное употребление аккадских падежных форм 349; глагольное управление несколькими падежами 230
- Парадигмы аккадской именной флексии 341 и сл.
- Партитивная аппозиция 224
- Пассив 159, спряжение 194—198; замена пассива активными и медиальными глаголами 199, путем сочетания *eš-* с причастием 200; дательный действующего лица при пассиве 220б
- Первичные наречия 236а

Переходные глаголы 268

Перфект, выраженный посредством *ḥar(k)-* с причастием, 201

Плеонастическое написание *INA* и *ANA* 361; то же гласных 26, 172, 185

Плюсквамперфект, выраженный посредством *ḥar(k)-* с причастием, 201

Подлежащее, выраженное личным местоимением; его местоположение в именных предложениях 212a

Подчинительные союзы 326—335

Показатели множественности 56, 338a, б, 349в

„Полуфлектируемые“ местоимения 125

Порядковые числительные 144—147; шумерские числительные 364

Послелоги 241—247; замена их падежными формами 241б

Поссесивный дательный падеж 218a; поссесивный родительный падеж 218в

Потенциальное значение 275—278

„Почти“ (*beinahe*) 278

Поясняющие вставные предложения 313г

Превосходная степень и ее распознавание. 234

Предлоги в аккадском языке 355—361

Предложения состояния 313д

Презенс вместо будущего времени 269a

Претерит вместо презенса в эпистолярном стиле и указах 272

Префиксы *u-* „сюда“ и *re-* „туда“ при глаголе 157

Прилагательные 54 (53в), склонение 70, 74—75, 77—78; производные местоимения 123, 131; шумерские 346

Примысливание глагола „говорить“ при его отсутствии в цитируемой речи 294

Присоединение второго предложения в древнем языке 312г; то же посредством *ta* 319б и в новом языке посредством *ni* 310б; опущение последующего предложения при наличии в фразе выражений угрозы или клятвы 333б

Приставки 156

Притяжательные местоимения в древнем и новом языках 112 и сл.; склонение сочетаний с притяжательными местоимениями 116, их употребление 257—260; употребление местоимения 3-го лица ед. ч. вместо 3-го лица мн. ч. 258a, 352в (и наоборот 352в); притяжательные местоимения для выражения значения родительного падежа 222; местоимение в инструментальном падеже вместо аблатива 229в; двойное обозначение для выражения притяжательности 353; притяжательные местоимения вместо личных после *piran* и др. 259б; аккадское притяжательное местоимение 344; особые случаи употребления местоимений в хеттском языке 352; шумерские притяжательные местоимения 345

- Производные наречия 237—240; аккадские производные предлоги 356
- Произношение аккадских слов в хеттском контексте 4а; произношение хеттских фонетических знаков 6
- Простые времена 160, 200—202
- Простые и удвоенные согласные 20
- Протохаттский суффикс -šara- 55
- Разделительное значение 324
- Распространение отрицания на следующие предложения 290
- Реальное условное предложение 330
- Ребусные написания 8
- Редупликация у имен 57 и глаголов 155
- Результативное состояние 269б
- Риторический вопрос 313в
- Род 55, 59; колебания в роде 208а1, 209; отсутствие различия рода в аккадских словах 350
- Родительный падеж: на -an 68; его выражение путем добавления притяжательного местоимения 222; с послелогами 243б, 244б, 247; употребление родительного падежа 221—224; определение с его помощью других имен 223, 363; постановка родительного падежа перед и после управляемого слова 221—222; родительный падеж аккадских имен 342 и сл.; ложное восприятие аккадского родительного падежа 351; шумерский родительный падеж 339; поссесивный родительный падеж 218б
- Сказуемое в единственном числе в применении к подлежащему-существительному среднего рода во множественном числе 210
- Склонение аккадской именной флексии 341 и сл.; склонение по образцу притяжательного местоимения 115—116; „полуфлектируемые“ формы местоимения 125—126 и формы от mekki „много“ 209в; склонение указательных местоимений 117 и сл.
- Склонение причастия 81; его употребление 283
- Слабое согласование в хеттском языке 208
- Слабые согласные в спряжении аккадских глаголов 367—369
- Слова женского рода на -šara- 55
- Сложные слова 58
- Смешение различных классов склонения 92; смешение спряжений на -mī и -hī 164, 191, 193
- Собирательные имена 53; конструкции с согласованием в единственном и множественном числе 208а2, б, 210
- Согласные простые и удвоенные 20; сочетания согласных 22 и сл.; согласные в начале слова 24, в конце 25, в середине 23; со вставкой между ними гласного 27; согласный при присоединении энклитики 43

- Согласование 208 и сл.; согласование по смыслу 208б, в
 Соединение отдельных слов и словесных пар посредством союза
 -(i)a 305—308 и сочетание целых предложений с помощью
 союза *ни* 309—318
 Союзы сочинительные 305—324; подчинительные 326—335; аккад-
 ские союзы 374; бессоюзные условные предложения 331, 332б
 Спряжение глаголов 158
 Сравнение прилагательных с помощью синтаксических средств
 94, 232—234
 Стиль указов 272б
 Супин 202, 279в, г
 Суффикс сравнительной степени *-zi-* 95
 Существительное среднего рода множественного числа в роли
 подлежащего со сказуемым в единственном числе 210
 Ударенные формы личных местоимений 97, 99, 110
 Удвоение: отрицания 289в, местоимений *-aš*, *-at* 109, *-(i)a* 305,
-та 321в; удвоение шумерских имен во множественном числе
 338в
 Удвоенные и простые согласные 20
 Указательные местоимения (*kā*-, *arā*-) 263—264
 Употребление времени при наличии в подчиненном предложении
naṣi 271
 Употребление сказуемого в единственном числе при подлежа-
 щем-существительном среднего рода во множественном
 числе 210
 Употребление словесных пар без союза 306б, 121б, 129
 Условные предложения 330—333
 Уступительные предложения 334
 Утрата притяжательных местоимений 258б, 352г; утрата *-та* 322
 Финальные предложения 325
 Фонетические комплементы: хеттские 3а, аккадские 4б
 Фразово-фонетические изменения 39—47
 Хеттская клинопись 1
 Хеттское будущее время 269а
 Хуррийский дательный-местный падеж на *-ī* 93в
 Цитируемая речь с частицей *-ца(r)-* 31б, 42, 292—295; то же с *ни*
 или без нее 311в
 Частицы 292—304; частицы в цитируемой речи 31б, 42, 292—295
 Чередование *-ai-* с *-e(-i)-* 13а, *-ai* с *-ā-* 13б, *-aja-* с *-a-* 15, *е* с *а*
 11а, *-(i)ja-* с *-e(-i)-* 14а, *и* с *ú* 12, *-ue(-ui)-* с *-u-* 16, *-(u)ja-*
 с *-ue-* 17б, *-(u)ja-* с *-u-* 17а
 Чередование гласных в аккадском глаголе 36б
 Число: в имени 60, в глаголе 162; колебания в числе 208
 Шипящие звуки 28, 29
 Шумерское написание идеограмм 2; шумерские слова в хеттском
 контексте 4а, 338—340, 345, 346б, 364, 371

Эмфаза 289б, 313в

Энклитические слова 34, 292—308, 321 и сл.; фразово-фонетические изменения 39—47; энклитические формы личных местоимений 101—109, 111; то же притяжательных местоимений 113—116

Эпистолярный стиль 272а

II

-а- в склонении прилагательных с основами на -i- и -u- 74а, 77а

-а- в чередовании с -е- 11, с -aja- 15

-а- и -ā- основы 69—70

-а- и ja „и“ 46а, б

-а- и -п- основы; колебания в склонении 92а

-а- „и“ с причастием 25б

-ai- в чередовании с -е- 13а, -āi- в чередовании с -ā- 13б

-ai- основы 72—73

-aja- в чередовании с -а- 15

-an в окончании родительного падежа (мн. и ед. ч.) 68

-ant- 53

aš — taš 7

-atar (у абстрактных имен) 49б, склонение 87

Badal (араб.) 224

-du- вместо -ta- перед -za 45, 101

е в хеттской клинописи 9а, 10

е и i (колебания в их написании) 10

-е-, чередующееся с -а-, 11а, с -ai- 13а, с -(i)ja- 14а

-ešsar (в абстрактных именах) 49в, склонение 88

Figura etymologica 214б

ḫ, произношение 30

-ḫš- и -ḫr- 29

i-, не произносимое в начале сочетаний из согласных, 24

i- основы, существительные и прилагательные, 74—75

i и е (колебание в их написании) 10

-ja и -a „и“ 4б

-(i)ja-, чередующееся с -е-, 14а

-ila „сам“ 100

-ili = DINGIR^{LIM} 8

-kan (частица, употребляемая при определениях места) 298—301

kuiš и kuiški; склонение 127, 134, употребление 265

kuit в значении „тем, что“ 32. а

i-основы, склонение 83

-m- вместо -u-, после u 19а и перед u 19б

-maš вместо -ma-šmaš 47а

media и tenuis 21

mekki- „много“ 209в

(m)eš 7

- п- и -а- основы, колебание в склонении 92а
 -п- основы, склонение 82
 п., ошибочное написание 33; ассимиляция последующему согласному 34 (в спряжении аккадских глаголов 367); слабая артикуляция звука 32
 nāci „еще нет“, временная конструкция 271
 nomina actionis 50, n. actoris 51, n. instrumenti 52
 -nt- основы, склонение 81
 nu; периоды с nu в начале или без него 311, 313а
 -nza, чередование с -nzan 38
 о в хеттской клинописи 66, 96
 -pit 296
 -r- основы 84; -r/p- основы 85—89
 š, его произношение как s 286
 š->-s-(-z-) у аккадских притяжательных местоимений 344б
 -ša вместо -a „и“ после причастия 256
 ŠA для выражения аккадского родительного падежа 343, 362—363
 -šan (указательная частица) 302; -šan в глаголах со значением „сидеть“, „стоять“ и „лежать“ 303; -za + -šan 44
 -šara-, протохаттский суффикс женского рода 55
 -šh- и -zh- 29
 status constructus 342
 σχῆμα καὶ ὅλον καὶ μέρος 224
 -t-, его ассимиляция следующего согласному 36, 37
 -t и -ta в 3-м лице ед. ч. претерита 25а
 -ta вместо -(a)šta 47б
 -tar-, суффикс для образования абстрактных имен 496; склонение 87
 tās вместо āš в звучании 7
 tenuis и media 21
 -tī в дательном-местном падеже единственного числа у слов хурритского происхождения 93в
 tt- основы 49д, склонение 80
 -tu- вместо -ta- перед -za 45
 u и m после и перед u 19
 u и ú 6б, 12
 u- основы; существительные 76, прилагательные 77—79
 -ui-, чередующееся с -ue- (-ui-), 16
 -ua и -uag как частицы цитируемой речи 316, 42, 292—295
 -uag, склонение 89
 -uag, суффикс именных глагольных форм 163, 203—206, 279а
 -ue- (-ui-), чередующееся с -u-, 16
 uī 7
 -um- вместо -u- 19а
 -umna-, суффикс для образования имен по месту происхождения 56, 131б

- uš вместо -ицаš в родительном падеже единственного числа основ на -и- 17a, 76
- ица-, чередующееся с -ие-, 17b; -(и)ца-, чередующееся с -и-, 17a z, произносимое как ts, 28a; то же как звонкое s(?) 29
- z- вместо -š- в аккадских притяжательных местоимениях 344b
- za вместо -ts 25a, 252
- zan < -za + -šan 44, 302
- zaša вместо -ts-a 25b
- zé (произношение) 6b
- zḥ- и -šḥ- 29
- zi- (суффикс сравнительной степени) 95, склонение 96

СОКРАЩЕНИЯ

AfOr = Archiv für Orientforschung.

Al. = Alakšanduš-Vertrag (Friedrich, Staatsv., II, 5).

Arch. Or. = Archiv Orientalní.

AU = Sommer, Die Aḫḫijavā-Urkunden, München, 1932 (= Abh. d. Bayer. Ak. d. Wiss., Philos.-hist. Abt., NF 6).

Bo = Boghazköitexte nach Museumsnummern (неопубликованное).

2 BoTU = Die Boghazköi-Texte in Umschrift von E. Forrer, B. 2, Leipzig, 1926 (= 42 WVDOG).

C. H. = Hrozný, Code Hittite, I, Paris, 1922.

Dupp. = Duppi-Tešup-Vertrag (Friedrich, Staatsv., I, 1).

Ges. = Hethitische Gesetze (Paragraphenzählung nach Hrozný, C. H.).

HAB = Sommer und Falkenstein, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattušili I (Labarna II), München, 1938 (= Abh. d. Bayer. Ak. d. Wiss., Philos.-hist. Abt., NF 16).

Ḫatt. = Götze, Ḫattušiliš, Leipzig, 1925 (= MVAeG, 29, 3).

Heth. = 1) Friedrich, Hethitisch und „kleinasiatische“ Sprachen, Berlin — Leipzig, 1931 (= Geschichte der idg. Sprachw., II, 5, 1).

2) Sommer, Hethitisches, Leipzig, 1920 (= Boghazköi-Studien, III, 4); Sommer, Hethitisches, II, Leipzig, 1922 (= там же, II, 7).

Ḫirtfestschr. = Germanen und Indogermanen, Festschr. für Herman Hirt, Heidelberg, 1936.

Hitt. = H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, Kopenhagen, 1938 (= Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-filol. Meddelelser, XXV, 2).

HT = Hittite Texts in the Cuneiform Character, London, 1920.

Ḫuqq. = Ḫuqqanāš-Vertrag (Friedrich, Staatsv., II, 6).

IF = Indogermanische Forschungen.

JA = Journal Asiatique.

JSOR = Journal of the Society of Oriental Research.

KBo = Keilschrifttexte aus Boghazköi, B. 1—4, Leipzig, 1923 (= 30 WVDOG); B. 5 und 6, Leipzig, 1921 (= 36 WVDOG).

KIF = Kleinasiatische Forschungen.

KUB = Keilschrifturkunden aus Boghazköi, Berlin, 1921 ff.

Kup. = Kupanta-KAL-Vertrag (Friedrich, Staatsv., I, 3).

- Madd. = Götze, *Madduwattaš*, Leipzig, 1928 (= MVAeG, 32, 1).
 Man. = Manapa-Dattaš-Vertrag (Friedrich, Staatsv., II, 4).
 MDOG = Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.
 Meissnerfestschr. = Altorientalische Studien Br. Meissner gewidmet, Leipzig, 1928 f. (= Mitt. d. Altorient. Ges., B. IV).
 Mél. Ped. = *Mélanges Linguistiques offerts à M. Hlg. Pedersen*, Aarhus, 1937 (= *Acta Jutlandica*, IX, 1).
 Murš.-Ann. = Götze, *Die Annalen des Muršiliš*, Leipzig, 1933 (= MVAeG, 38).
 Murš. Sprachl. = Götze und Hlg. Pedersen, *Muršilis Sprachlähmung*, Kopenhagen, 1934 (= *Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab; Hist.-filol. Meddelelser*, XXI, 1).
 MVAeG = *Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft*.
 NBr = Götze, *Neue Bruchstücke zum großen Text des Hattušiliš*, Leipzig, 1930 (= MVAeG, 34, 2).
 OLZ = *Orientalistische Literaturzeitung*.
 Ortsadv. = L. Zuntz, *Die hethitischen Ortsadverbien arḫa, parā, piran als selbständige Adverbien und in ihrer Verbindung mit Nomina und Verba*, Münchener Dissertation, 1936.
 Pāp. = Sommer und Ehelolf, *Das hethitische Ritual des Pāpanikri von Komana*, Leipzig, 1924 (= *Boghazköi-Studien*, H. 10).
 Pestgeb. = Götze, *Die Pestgebete des Muršiliš* (KIF, 1, S. 161—251).
 RHA = *Revue Hittite et Asiatique*.
 Sold. = Friedrich, *Der hethitische Soldateneid* (ZA, NF 1, S. 161—191).
 Spr. d. H. = Hrozný, *Die Sprache der Hethiter*, Leipzig, 1917 (= *Boghazköi-Studien*, H. 1 und 2).
 Staatsv. = Friedrich, *Staatsverträge des Hatti-Reiches*, I, Leipzig, 1926 (= MVAeG, 31, 1); II, 1930 (= MVAeG, 34, 1).
 Targ. = Targašnalliš-Vertrag (Friedrich, Staatsv., I, 2).
 T. Atch. = *Hethitischer Brief aus Tell Atchana* (Nordsyrien); veröffentlicht von S. Smith, *The Antiquaries Journal*, 19, 1939, S. 38—48, bearbeitet von J. Friedrich, *Orientalia*, NS 8, 1939, S. 310—316.
 Tav. = *Tavagalava-Brief* (Sommer, AU, Kap. I).
 Tunn. = Götze, *The Hittite Ritual of Tunnawi*, New Haven, 1938 (= *American Oriental Series*, vol. 14).
 VBoT = *Verstreute Boghazköi-Texte*, hrsg. von Götze, Marburg, 1930.
 WVDOG = *Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft*.
 ZA = *Zeitschrift für Assyriologie*.
 ZDMG = *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*.

Из двух важнейших изданий хеттских текстов КВо отмечается во всех случаях, KUB — только там, где возможны сомнения. Цифры без обозначения указывают на KUB.

СОДЕРЖАНИЕ

О хеттском языке (вступительная статья)	3
---	---

ПИСЬМО И ФОНЕТИКА (§ 1—47)	43
--------------------------------------	----

Типы клинописных знаков 1 — Идеограммы 2 — Фонетическая или идеографическая передача: фонетические добавления (ком-
плементы) 3 — Аккадские слова в хеттском тексте 4 — Детер-
минативы 5 — Произношение и звучания 6, 7 — Ребусное на-
писание имен 8 — Гласный е 9, его чередование с i 10 и a 11 —
Чередование и и ú 12, -ai- и -e- или же -a- 13, -ia- и -e- 14,
-aja- и -a- 15, -ie- и -u- 16, -ia- и -u- (-ie-) 17 — Аблаут 18 —
Чередование -u- и -up-, также -u- и -tu- 19 — Колебания
между двойными и простыми согласными 20, между tenuis и
media 21 — Написание сочетаний согласных 22 и сл.: в сере-
дине слова 23, в начале слова 24 и в конце слова 25 — Излишнее
написание гласных 26 — Вставные гласные 27 — Шипящие
звуки 28, 29 — h 30 — r 31 — Слабо артикулируемые p 32, 33,
ассимиляция последующим согласным 34, ошибочные обратные
образования 35 — -in- > -nn- 36 — t, ассимилированное после-
дующим согласным, 37 — -nza и -nzan 38 — Фонетика предложе-
ния 39 и сл.: pu 40, -ta и -šu с энклитическими местоимениями 41,
-ia- и -ia- 42 — Удвоение согласных при сочетании с энкли-
тиками 43 — -za + -šan > -zan 44 — -ta + -za > -du-za 45 — -a и
-ja 46 — Гапмология 47.

МОРФОЛОГИЯ (§ 48—207)	55
---------------------------------	----

Имя (§ 48—96)	55
-------------------------	----

1. Словообразование (§ 48—58)	55
---	----

Абстрактные имена на -an, -ātar, -eššar, -āšti, -att-, -ima-,
-ul-, -ur 49 — Nomina actionis на -āi-, -ul-, -špa-, -zēl 50 — Nomina
actoris на -tara-, -talla-, -ata- 51 — Nomina instrumenti на -ul-,
-uzzi-, -alli- 52 — Имена на -ant- 53 — Прилагательные на -ala-,
-ili-, -ant-, -zi- 54 — Имена женского рода на -šara- 55 —
Имена происхождения на -uppa- 56 — Удвоение и повторение
57 — Сложные слова 58.

2. Склонение (§ 59—93)	57
----------------------------------	----

Род 59 — Число 60 — Падежи 61 — Падежные окончания
62 — Дат.-местн. п. ед. ч. на -ai 63, -a и без окончания 64 —

Абл. ед. ч. на -anza 65 — Твор. п. ед. числа на -ta 66 — Смещение им. и вин. пп. мн. ч. 67 — Род. п. мн. ч. (и ед. ч.) на -ap 68 — Основы на -a- (и -ā-) существительные 69, прилагательные 70 — Основы на -i- существительные на -i- 71 и -āi- 72, 73, прилагательные 74, 75 — Основы на -u- существительные, 76, прилагательные 77, 78 — udu- 79 — Основы на -tu- 80, -nt- 81, -n- 82, -l- 83, -r- 84 — r/p- 85 и сл. различные 86, на -(a)tar 87, -ešsar 88, -uag 89 — Основы на различные согласные 91 — Неправильности 92 — Аккадские, лувийские и хурритские элементы в хеттском склонении 93.

3. Способы выражения степеней сравнения (§ 94—96)	71
Местоимение (§ 97—137)	72
1. Личные местоимения (§ 97—111)	72
Ударенные формы 97—99 — ila 100 — Энклитические формы дательного и винительного падежей 101, 102 — Возвратное местоимение 103 — Энклитическая местоименная основа -a- 104—107 — netta 108 — Удвоение -aš и -at 109 — Ударенное местоимение ši- 110 и мнимое местоимение ša- 111.	
2. Притяжательные местоимения (§ 112—116)	75
В новом языке 112 — В древнем языке 113—115 — Ошибки в склонении 116.	
3. Указательные местоимения (§ 117—126)	76
Окончания местоименного склонения 117 — kâ- и apâ- 118, 119 — Единичные формы 120, 121 — Наречия kiššan и arēniššan 122 — kiššanant- и arēniššanant- 123 — a- 124 — eni-, uni-, anni- 125 — aš 126.	
4. Вопросительные и относительные местоимения (§ 127—131)	78
kui- 127 — kuqat, kuqatta(n) 128 — Им. и вин. п. мн. ч. 129 — Обобщающие относительные местоимения 130 — maši(quant)- и kuenzumna- 131.	
5. Неопределенные местоимения (§ 132—137)	79
kuiški и kuišša 132—134 — kuiš (— kuiš) 135, 136 — tamai- 137.	
Числительное (§ 138—147)	80
Общие сведения 138 — Известные числительные 139 — Склонение „одного“ 140, „двух“ 141, „обоих“ 142, „трех“ 143 — Порядковые 144, 145 — Числовые наречия 146 — dājuga- 147.	
Глагол (§ 148—207)	81
1. Словообразование (§ 148—157)	81
Производные с элементами -ahh- 149, -annāi- 150, -eš- 151, -nin- 152, -ni- 153, -šk- и -šš- 154 — Удвоение в глагольном основообразовании 155 — Приставки 156 — u- (ue) и pē- 157.	
2. Спряжение (§ 158—207)	84
Два вида спряжения 158 — Залоги 159 — Времена и наклонения 160 — Глагольные имена 161 — Числа 162 — Личные окончания 163 — Выравнивание между спряжениями на -mi и на -hi 164 — Особенности личных окончаний 165—168,	

Спряжение актива (§ 169—193)	87
<i>Спряжение на -mi (§ 169—183)</i>	87
1. Корневые основы на согласные (§ 169—173)	87
Односложные основы на один согласный 169 — То же с -s- между основой и окончанием 170 — То же с аблаутом 171 — Односложные основы на два согласных 172 — Многосложные основы 173.	
2. Основы на гласные (§ 174—175)	95
Многосложные 174 — Односложные 175.	
3. Основы на -āi- (§ 176)	96
4. Основы на -īa- (§ 177)	97
5. Основы с инфиксом -nin- (§ 178)	99
6. Итеративные глаголы с основой на -šk- (§ 179)	100
7. Каузативные глаголы с основой на -ni- (§ 180)	101
8. Глаголы, не относящиеся ни к одной из групп (§ 181—183)	103
ḥar(k)-, pāi-, -uḥa- 181 — Императив it, itten 182 — Междоме- тие eḥi как императив 183.	
<i>Спряжение на -ḥi (§ 184—190)</i>	105
1. Основы на согласные (§ 184—185)	105
На один согласный 184 — На два согласных 185.	
2. Основы на гласные (§ 186—189)	107
dā- 186 — dāi-, pāi-, nāi-, zāi-, ḥalzāi- 187 — С -u(m)- в 1-м лице мн. ч., в инфинитиве и супине 188 — С тенденцией образовы- вать 3-е лицо мн. ч. презенса по типу глаголов на -ia- 189.	
3. Неправильный глагол au(š)- (§ 190)	113
<i>Смешение спряжений на -mi и -ḥi (§ 191—193)</i>	114
Спряжение медиопассива (§ 194—199)	116
1. Основы на согласные (§ 195)	116
2. Основы на гласные (§ 196)	118
3. Редкие медиальные и пассивные формы (§ 197—199)	119
ḡarāni 198 — Замена пассива непереходным глаголом 199.	
4. Составные глагольные формы (§ 200—202)	121
Образование пассива с помощью eḥ- и причастия 200 — Обра- зование перфекта и плюсквамперфекта с помощью ḥar(k)- и окаменелого причастия 201 — Выражение значения „собирать- ся, быть готовым“ 202.	
5. Именные глагольные формы (§ 203—206)	122
Первый инфинитив как глагольное существительное 203 — Склонение первого инфинитива 204, 205 — Герундий и герун- див 206.	
6. Лувийские глагольные формы (§ 207)	123
СИНТАКСИС (§ 208—336)	124
Согласование (§ 208—212)	124
Род 209 — Число 210, 211 — Verbum substantivum 212.	

Употребление падежей (§ 213—231)	128
1. Винительный падеж (§ 213—216)	128
Глаголы болезни 213 — Внутренний винительный 214 — Винительный на вопрос „куда?“ 215 — Винительный как наречие 216.	
2. Дательный-местный падеж (§ 217—220)	129
Вопросы „кому?“, „где?“, „куда?“ 217 — Поссесивный дательный (и родительный) 218 — <i>Dativus ethicus</i> 219 — Дательный цели и действующего лица при пассиве 220.	
3. Родительный падеж (§ 221—224)	130
Местоположение 221 — Родительный с добавлением притяжательного местоимения 222 — „тот, что“ + родительный падеж 223 — Партитивная аппозиция вместо родительного падежа 224.	
4. Аблатив и творительный падеж (§ 225—229)	132
Аблатив места, разделения и причины 225 — Аблативные наречия 226 — Творительный падеж — 227 — <i>Ablativus instrumenti</i> 228 — Смещение аблатива и творительного падежа 229.	
5. Общие замечания о синтаксисе падежей (§ 230—231)	133
Глаголы со многими падежами 230 — Уравнивание форм именительного и винительного падежей — 231.	
Сравнение прилагательных (§ 232—234)	134
<i>Dativus</i> (и <i>ablativus</i>) <i>comparationis</i> 233 — Описательное построение превосходной степени 234.	
Наречия (§ 235—240)	135
Первичные и производные наречия 236—238 — Наречия на -li 239 — Наречия, обозначающие речь на определенном языке 240.	
Послелogi (§ 241—247)	136
Общие замечания 241, 242 — Отдельные послелogi и их конструкция 243—247.	
Местоимения (§ 248—265)	138
1. Личные местоимения (§ 248—256)	138
Опускание форм винительного падежа -an-, -at и т. д. 248, 249 — Безличные глаголы 250 — Личные местоимения в роли возвратных 251 — Возвратная частица -za 252—255 — Отношение взаимности 256.	
2. Притяжательные местоимения (§ 257—260)	140
Местоимение 3-го лица ед. ч. во множественном числе 258 — <i>riṅan</i> , <i>appa</i> , <i>ṣēr</i> , <i>katta</i> и т. д. с притяжательными и личными местоимениями 259, 260.	
3. Указательные местоимения (§ 261—264)	141
<i>kā</i> - с указанием на последующее, <i>enī</i> - с указанием на предшествующее — 261, 262 — <i>kā</i> - — деиктически „я“, <i>aṛā</i> - — деиктически „ты“ и „тот“ 263, 264.	
4. Неопределенные местоимения (§ 265)	142

Глаголы (§ 266—284)	142
1. Залоги (§ 266—268)	142
2. Употребление времен и наклонений (§ 269—278)	142
Простые времена 269 — Составные формы 270 — Времена при пацц 271 — Стиль письма и указа 272 — Императив как отглагольный и волюнтарив 273 — Отрицательный императив 274 — Потенциал и ирреалис 275—277 — „почти“ 278	
3. Употребление глагольных имен (§ 279—284)	145
Инфинитивы и супины 279, 280 — Выражение объекта при втором инфинитиве и супине 281 — Вневременность инфинитива и супина 282 — Причастие 283 — Герундий 284	
Отрицание и вопрос (§ 235—291)	147
Отрицание в предложениях суждения 285, 286 и запрещения 287 — Местоположение отрицания 288, 289 — Действие отрицания на последующее предложение 290 — Простой и двойной вопрос 291	
Частицы (§ 292—304)	149
-ца(r)- частица, вводимая в цитируемую речь, 292—295 — -pit 296 — -za, -kaп, -зап 297 и сл.: -кап 298—301; -зап 302, 303 — -(a)šta и -(a)pa 304	
Сочинительные союзы (§ 305—324)	154
1. -a, -ja (§ 305—308)	154
2. пи (§ 309—318)	155
Общие замечания 309 — Поздний язык 310, 311 — Древний язык 312 — Отсутствие пи в позднем языке 313 — пи в периодах с kuit 314 — Асиндетическое присоединение глаголов ца и раі- 315 — пи после ирреалиса 316 — пи в соединении с -та 317 — пи папта 318	
3. та и шу (§ 319—320)	160
4. Прочие сочинительные союзы (§ 321—324)	161
-та 321, 322 — пашта 323 — пашу 324	
Типы придаточных предложений (§ 325—336)	162
Финальные и консекитивные предложения 325 — Каузальные предложения 326 — kuit 327 — Предикативное имя, соответствующее конструкциям с „что“ после verba sentiendi et dicendi, 328 — Временные предложения 329 — Реальные условные предложения с союзом и без союза 330, 331 — Ирреальные условные предложения 332 — Неправильности 333 — Уступительные предложения 334 — Косвенно-вопросительные предложения 335 — Относительные предложения 336	
АККАДСКИЕ И ШУМЕРСКИЕ ФОРМЫ В ХЕТТСКИХ ТЕКСТАХ (§ 337—374)	168
Шумерские окончания множественного числа при имени 338 — Шумерский родительный падеж 339 — Шумерские прилагательные 340 — Аккадская именная флексия 341 — Аккадское сочетание status constructus 342 — Описательная конструкция аккадского родительного падежа с помощью ша 343 — Аккадские и шумерские притяжательные суффиксы 344, 345 — Аккадские и шумерские абстрактные образования 346 — Аккади-	

зирующее склонение хеттских и иноязычных имен 347, 348 —
 Неправильное употребление аккадских падежных форм 349 —
 Замена аккадского женского рода мужским 350 — Неправиль-
 ное понимание аккадских сочетаний *status constructus* 351 —
 Неправильное употребление аккадских притяжательных суф-
 фиксов 352 — Двойное выражение притяжательного отношения
 353 — Ударенные аккадские личные местоимения 354 — Аккад-
 ские предлоги 355, 356 — Ошибки в их употреблении 357—359 —
 Опускание *INA* и *ANA* 360 — *INA* и *ANA* перед хеттскими
 именами 361 — Отсутствие генетивной частицы *ŠA* 362 — Нем.
 „*der des...*“ при именах, написанных по-аккадски, 363 — Шу-
 мерские порядковые числительные 364 — Спряжение сильного
 аккадского глагола в главной основе 365, 366 — Слабые аккад-
 ские глаголы 367—369 — Производные спряжения 370 — Шу-
 мерские глагольные формы 371 — Аккадские наречия и союзы
 372—374.

Указатель	181
Сокращения	192

Редактор В. В. ФРЯЗИНОВ

Художник Г. А. Кравцов

Технический редактор Б. М. Ильин

Сдано в производство 13/VI 1952 г.
Подписано к печати 1/X 1952 г.
А-06946. Бумага $60 \times 92^{1/16} = 6,3$ бум.
л., 12,6 печ. л. Уч.-издат. л. 12^{1/4}. Изд.
№ 13/930. Цена 8 р. 75 к. по пре-
скуранту 1952 г. Зак. 3618

Набрано в Первой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР, Москва,
Валовая, 28.

Отпечатано в типографии Трудрезервиздата.
Москва, Хохловский пер., 7. Зак. 1373.